

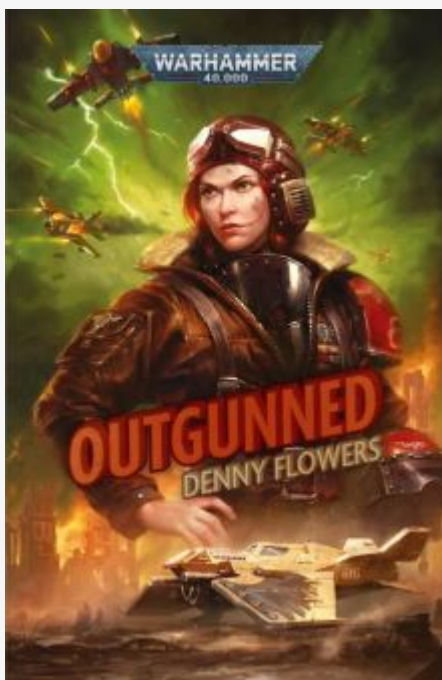
Неравный бой / Outgunned (роман)

Перевод в процессе: 16/33

Перевод произведения не окончен. В данный момент переведены 16 частей из 33.

Неравный бой / Outgunned (роман)

Автор	Дэнни Флауэрс / Denny Flowers
Переводчик	Brenner
Издательство	Black Library
Год издания	2022
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Экспортировать	PDF , EPUB , FB2 , MOBI

Более сотни веков Император недвижимо восседает на Золотом Троне Земли. Он - Повелитель Человечества. Благодаря мощи Его неистощимых армий миллионы миров противостоят тьме.

Однако он - гниющий труп, Разлагающийся Властелин Имперуума, удерживаемый в живых чудесами из Темной эры Технологий и тысячью душ, приносимых в жертву ежедневно,

дабы Его собственная могла продолжать гореть.

Быть человеком в такие времена - значит быть одним из бесчисленных миллиардов. Жить при самом жестоком и кровавом режиме, какой только можно вообразить. Вечно терпеть резню и побоища, где вопли муки и горя тонут в жадном хохоте темных богов.

Это мрачная и ужасная эра, где мало покоя и надежды. Забудьте о силе технологии и науки. Забудьте о перспективах прогресса и развития. Забудьте всякую мысль о простой человечности и сострадании.

Нет мира среди звезд, ибо в мрачной тьме далекого будущего есть лишь война.

□

Содержание

Предисловие

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Глава 6

Глава 7

Глава 8

Глава 9

Глава 10

Глава 11

Глава 12

Глава 13

Глава 14

Глава 15

Глава 16

Предисловие

В первую очередь имперские пропагандисты имеют обязательства перед истиной.

Выражаясь точнее, они имеют обязательства перед Имперской Истиной, священным кредо, которое проповедует, что воплощенное предназначение человечества в том, чтобы править галактикой. Утверждая это кредо, мы не оставляем в живых еретиков, ведьм и ксеносов. Уничтожая их, мы исполняем волю Бога-Императора и Имперского Трона.

Имперские хроники утверждают, что победа на планете Бахус была куплена кровью отважных пилотов Аэронавтики Империалис. Если более конкретно, то воздушное наступление орков затруднили потрепанные остатки 2208-го экспедиционного авиакрыла, возглавляемые досточтимым командиром

звена Люсиль фон Шард.

Если бы гражданин стал спорить с данной оценкой и каким-то образом избежал допроса и казни, его могли бы отослать непосредственно к популярному пикту «Славное мученичество 2208-го». Этот разрешенный военный материал ведет хронику неустанного священного похода 2208-го против угрозы зеленокожих и содержит реальные кадры боев на линии фронта.

Мне ли не знать. Это я его снял.

Однако этот пикт – ложь. Он не сходится с моими воспоминаниями о конфликте, или же изначальными инфо-файлами, из которых был склеен, и имеет слабое сходство с истиной.

Отсюда и это свидетельство.

Я записываю его не ради личной пользы. Моя память о войне безупречно сохранена во множестве инфо-файлов. При желании я мог бы вызвать любой момент, заново пережить любой разговор. Не пишу я его и в знак признательности пилотам и бригадам наземного обслуживания, отдавшим свои жизни за Империум. Честно говоря, разрешенный материал изображает большинство из них в куда более положительном свете, чем они того заслуживают.

И уж точно я не пишу это для командира звена Шард, неоднократно демонстрировавшей, как мало ей дела до истины, приличий или институтов Империи. Ее легенда основана на фальсификациях и обмане, ее личность создана вручную, как любой низкопробный пикт. Сейчас я представляю ее такой же, какой видел в последний раз. Ее самолет, темный и безмолвный, висит в холодной пустоте космоса. Один. В покое.

Я пишу это, поскольку я имперский пропагандист, и при том честный. Причесанный военный материал приносит мне мало утешения. В сущности, я задаюсь вопросом, действительно ли мы служим Трону, увековечивая подобную ложь и подделки, сколько бы лести и почтения в них ни было.

Разве наш долг перед Богом-Императором не в том, чтобы говорить истину?

Пусть даже порой она не вяжется с Имперской Истиной?

Глава 1

Не могу сказать вам, когда на Бахусе началась война.

Я мог бы предоставить данные, что имперские силы были направлены на некогда процветающий агромир для сражения с возрастающей орочьей угрозой. Но зеленокожие появились из болот несколькими годами ранее, и местные силы почти десять лет подавляли их полчища, прежде чем внезапно запросили помощь. Еще до того, как конфликт вообще стартовал по заявлению официальных записей, многие уже лишились своих любимых или же конечностей. Их война началась рано.

Моя война началась в грязноватой каюте, размещенной глубоко в недрах орбитальной станции Салус, гигантского космического поста, зависшего над Бахусом. Я ожидал разрешения отбыть на планету внизу, и это длилось уже больше дня. То ли наличествовали атмосферные неоднородности, то ли в этом районе действовали вражеские силы – в зависимости от того, веришь ты официальному заявлению, или же подслушанным в коридорах перешептываниям.

Поскольку мои скудные пожитки и многочисленное оборудование уже были уложены, я мало что мог делать, кроме как ждать. Время я занимал, просматривая утомительный пикт о наборе на службу, хотя уже успел вытерпеть его дюжину раз, а то и больше. В конце концов, именно по этой причине я находился там. Голодисплей проецировал зернистое изображение орочьего воина. Жилистый и облаченный только в рваную набедренную повязку, зеленокожий все же выглядел внушительно, щеря клыки в оскале и решительно потрясая примитивным копьем. Он принялся, словно ищейка, а затем взревел и рванулся вперед, нацелившись на свою добычу.

- На агромире Бахус мерзостные чудовища ксеносы угрожают верным гражданам Империиума!

Когда раздался трескучий голос рассказчика, панорамная съемка показала бегущую имперскую гражданку, тянущую за собой ребенка. Их одежда не соответствовала Бахусу, так как картинку вырезали из старого пикта и грубо вставили в более свежий материал. Сработано было неуклюже - то ли любителем, то ли человеком, которого мало заботила тема и собственная репутация.

Женщина споткнулась и упала, и ровно в этот момент позади нее возник орк, занесший копьё для смертельного удара. Она попыталась закрыть своим телом дитя, а мальчик тем временем неотрывно глядел на орка с неприкрытой ненавистью.

Я поставил воспроизведение на паузу, и изображение застыло.

Фильм представлял ряд классических архетипов: мать воплощала собой благородную жертву, а ее ребенок - гнев и непокорство, несмотря на угрозу ксеносов, умело представленную орком. Я видел замысел. Однако стыки между нарезками были до боли очевидными, заметными даже для самого тугодумного чернорабочего. Насколько я мог судить, съемка орка являлась подлинной: то, как его ноги погружались в желтовато красное болото, было бы сложно симулировать. Женщину же, напротив, расположили на удобном скальном участке в грубой попытке замаскировать пикт-склейку. Она обладала сдержанной красотой, и я был уверен, что видел ее в каком-то ролике раньше. Возможно, в «*Остерегайтесь нечистых мутантов!*», или во «*Все еретики падут*».

- Возобновить воспроизведение, - пробормотал я.

Орк поднял свое копьё, готовясь пронзить мать вместе с ребенком.

- Но Бог-Император защищает праведных! Взгляните на небо!

Непреходящая оптимистичность рассказчика раздражала. Однако при его словах все три фигуры как по команде подняли головы и посмотрели вверх. Под намекающий рев двигателя пикт увеличил изображение далекой крупинки, несущейся в небесах.

Орк едва успел вскинуть свое вытесанное вручную оружие, прежде чем ему срезало голову лазерным зарядом. Он секунду постоял, невзирая на отсутствие черепа, а затем завалился вперед. Фокус переместился на мать и дитя. Оба горделиво стояли, скрестив руки в знаменнии аквилы. Сын отдал такой четкий салют, что остался бы удовлетворен даже самый требовательный комиссар.

- Как бы ни был страшен ксенос или мерзок еретик, нам не нужно бояться. Отважные пилоты Аэронавтики Империиалис - наш непробиваемый щит!

Наверху прогудел самолет, и кадр перескочил на пилота, который отвечал на салют мальчика, пока его истребитель «Гром» мчался над топиями. Предельная скорость истребителя превышает тысячу миль в час, и пилот едва ли увидел бы ребенка, не говоря уж о возможности всадить лазерный импульс,

пробивающий танк, орку между глаз. И тем не менее, тут он находил время держаться мило с гражданскими, пролетая мимо.

Это было возмутительно.

Разумеется, мои коллеги пожали бы плечами и спросили - что с того? Задача этих роликов ободрять массы или вдохновлять свежих рекрутов записываться в армию. Неважно, точны ли они, поскольку вероятнее всего ни одному из чернорабочих, вступивших в Имперский Флот, никогда не представится возможности летать; это прерогатива знати. Важно лишь то, чтобы аудитория уходила с фильма достаточно убежденной и желающей служить, а также чтобы достаточное количество поступало на службу выполнять роли наземной obsługi, законтрактованных рабочих и механиков.

Однако я придерживался мнения, что столь убого сделанный ролик может вызвать лишь насмешки. И цифры по наборам указывали на мою правоту.

Самолет уже мчался над болотом, кося орочью орду из болт-пушек «Мститель» - оружия, которого не должно быть у стандартной модели истребителя, показанной ранее. Любители.

В ответ орки бросались копьями и оскорблениями, а рассказчик тем временем продолжал расписывать неизбежность победы человечества и неполноценность зеленокожих. Похоже, программа набора концентрировалась на том, чтобы изображать войну волнующим приключением, которое может в любой момент завершиться, и торопила граждан записываться на службу, пока не стало слишком поздно и бои не кончились. Оценка была достаточно точной, если послушать некоторые шепотки в коридорах, но не по тем причинам, что предлагались в пикте.

Клянусь Троном, это было утомительно. Однако я продолжил, поскольку дальше шла единственная сцена фильма, которая чего-то стоила.

В поле зрения рывком появилась вторая машина, болтавшаяся над болотом практически со скоростью пешехода. Она была сделана из дерева, хотя установленный на корме двигатель выглядел собранным из металлолома. Она изрыгала густые черные облака, и голодисплею было нелегко показать дым чем-то большим, чем помехи. Пилотировал ее изнуренного вида орк, у которого, кажется, не хватало глаза и немалого числа клыков. Когда наверху пролетел истребитель «Гром», орк попытался открыть огонь из примитивной пушки, приделанной под его машиной, но из-за отдачи та потеряла равновесие, а затем упала в топь. Последовал весьма впечатляющий взрыв, но я поймал себя на том, что отматываю материал назад, пока снова не показался орочий самолет.

Поначалу я подумал, что это фальшивка, и деревянный аппарат вставили, чтобы оживить пикт и высмеять зеленокожих. Однако стыки отсутствовали. Он был настоящим, хотя точный возраст фильма не поддавался определению.

Я нахмурился. Я не техножрец, однако казалось невозможным, чтобы подобная машина могла летать. Мне доводилось пользоваться полевыми уборными, имевшими более аэродинамическую форму. И все же орки как-то нашли способ. В их изобретательности было нечто, вызывавшее практически восхищение.

Восхищение и тревогу.

Внезапно с визгом ожил вокс. Отключив воспроизведение, я открыл канал.

- *Пропагандист Симлекс?* - произнес голос.

- Да?

- Мы готовы отправляться, сэр.

- Благодарю вас. Скоро буду, - ответил я, закрывая вокс-канал и поднимаясь на ноги. Мне следовало бы ощущать подъем, ведь моей работе наконец-то предстояло начаться. Но оказалось, что я размышляю о том примитивном орочьем самолете. Человечество покорило небеса тысячи лет назад, и с тех пор наши истребители и бомбардировщики мало изменились, так как одни и те же священные конструкции изображались в пиктах и муралах, уходивших на сотни лет назад.

Орки на Бахусе начали наспех делать самолеты из мусора несколько пар десятилетий назад. Однако недавние отчеты указывали, что теперь у них было что-то вроде настоящей авиации.

Отправляясь, я обнаружил, что гадаю, закончились ли на этом устремления орков.

В конце коридора стоял старший сержант, негнувшийся, словно сабля. Его прическу будто приварили к голове, на форме не было ни пятен, ни морщин. Образцовый солдат Империи, если не считать лица. Каким-то образом, даже пытаясь выглядеть сурово и строго, он казался готовым расплыться в улыбке. Когда я торопливо приблизился, он так ревностно отсалютовал, что рисковал повредить себе голову.

- Пропагандист Симлекс? - спросил он.

Я кивнул.

- Старший сержант Плайнт, сэр! - сказал он. - Ну, исполняющий обязанности старшего сержанта Плайнт. Повышение в боевой обстановке, сэр, хотя я не уверен, что бумаги заполнили.

Звучало практически так, будто он извиняется.

- Рад познакомиться, исполняющий обязанности старшего сержанта, - произнес я, склонив голову. - Как я понимаю, мы готовы отправляться?

- Да, сэр. Я проследил, чтобы ваши чемоданы закрепили и уложили на борту лихтера «Арвус». Просто ждем разрешения в последнюю минуту.

Я кивнул, но мой взгляд уже привлек иллюминатор позади него. Оттуда был виден ковер мерцающих звезд, каждая из которых являлась бесценным самоцветом в Империи Бога-Императора. Масштабы ужасали, но также и странно успокаивали. Солнца пылали, а планеты шли предначертанными путями, безразличные к людским глупостям. С подобной наблюдательной точки все выглядело таким упорядоченным, словно галактика пребывала в шаге от умиротворенности. Внизу еле просматривался край планеты Бахус, обрамленный ореолом фиолетового света.

- Сэр?

Я оглянулся, почти успев позабыть о старшем сержанте Плайнте.

- Меня только что проинформировали, что у нас есть окно, сэр. Нужно отправляться. - Он сделал жест в направлении посадочного ангара.

Кивнув, я последовал за ним к кораблю. Мне никогда не приходилось ездить на лихтерах «Арвус» и даже видеть их прежде. Это был тупоносый грузовой челнок, без вооружения и непримечательный на вид.

Плайнт открыл задние двери, и показался внутренний объем, наспех переоборудованный для перевозки живого груза. К полу были прикручены три летных кресла. Рядом с ними лежали мои чемоданы, зафиксированные магнитными зажимами.

- Прошу вас, сэр, садитесь. Скоро отправимся, - с улыбкой сказал Плайнт и задвинул за мной дверь.

Я бросил взгляд на три одинаковых кресла, а затем, после пары фальстартов, выбрал левое, ближайшее к моим чемоданам. Полетная обвязка была незнакомой и, похоже, намеревалась распороть мне плечо. В вокс-канале затрещал голос Плайнта:

- *Все в порядке, сэр?*

- Да, исполняющий обязанности старшего сержанта, - ответил я. - Готов, насколько это вообще возможно.

- *Нервничаете, сэр?*

- Слегка. Но больше взволнован. Никогда не высаживался на планету в подобном корабле.

- *Могу понять, сэр. Однако должен предупредить, что переход между гравитационными полями дезориентирует. Случается тошнота.*

- Постараюсь не запачкать ваш корабль, - произнес я, улыбнувшись. - Полагаю, для такого пилота, как вы, вход в атмосферу просто очередная рутина?

- *Так мне следует говорить, - отозвался Плайнт. - Но между нами, никак к этому не привыкну. Магия, сэр. Грандиозно. За исключением тошноты.*

- Жаль, что я не вижу того же, что и вы.

- *Могу это устроить, сэр. Вы не первый пассажир, кто высказывает такое пожелание.*

Передо мной, прямо над дверью кабины, зажегся тусклый пикт-экран. Я выгнул шею, проклиная себя за то, что выбрал не то кресло. Наградой стал вид на уже знакомые звезды. На пикт-экране они выглядели меньше, не столь значительно.

- У корабля есть внешние камеры? - спросил я. - Это стандарт?

- *Нет, сэр, но до войны этот корабль регулярно перевозил высокопоставленных лиц. Некоторым из них нравился вид.*

- Благодарю вас, исполняющий обязанности старшего сержанта.

- *Я здесь, чтобы помочь, сэр. Ожидайте старта.*

Мои ногти впились в подлокотники. Я велел себе расслабиться, сделал глубокий медленный вдох, пытаюсь разобраться в своих опасениях. Конечно, у меня имелись сомнения относительно этого путешествия, но беспокойство брало корни не в них. Нервозность не являлась для меня чем-то неведомым. Перед прибытием на мир-святилище Сакристия меня прямо-таки мутило. Однако созданный мною пикт, биографическая лента о жизни Бранника Трижды Увечного, был принят как лучшая моя работа. Нашумевшая сцена, в которой святой забивает насмерть три сотни грешников, будучи вооружен лишь собственной отсеченной ногой, до сих пор считается шедевром кинопиктографии.

Но это было иным. На сей раз мне предстояло находиться на передовых, получая живой материал из реального конфликта, параллельно уравнивая прихоти как минимум двух господ. Моему беспокойству в равной мере способствовали как политические опасности, окружавшие работу, так и перспектива неизбежной смерти на поверхности внизу.

Корабль затрясся, вырываясь из притяжения гравитации орбитальной станции Салус. Звезды заслонила громадная тень, и в поле зрения проступил Бахус. Умеренно процветающий агромир славился качеством своего вина, но крайне мало чем сверх того. При обзоре из челнока его поверхность имела грязно-оранжевый цвет, не слишком указывающий на обитаемость или географическое разнообразие. Случайный наблюдатель мог бы предположить, что внизу пролегают пустыни, лишённые жизни пески.

Он бы ужасно ошибся.

Рывок. Он был едва заметным, так как мы находились между гравитациями. Однако я почувствовал, как спина вдавливается в летное кресло, а оранжевая сфера разрослась, заполнив собой экран.

- Готовьтесь, сэр. Сейчас станет неуютно.

Мы вернулись в плотные слои, и экран полыхнул белизной. По его краям заплескалось пламя, которое словно пожирало планету внизу. Оно было лиловым, с пурпурной примесью на кончиках – по всей видимости, побочный продукт атмосферы. Малая доля меня, вечный пропагандист, гадала, как это может повлиять на проект, и нужно ли подстроить объективы для минимизации рассеивания света, или же по полной использовать эти условия, чтобы сделать мой пикт визуально выделяющимся.

Остальная часть была сосредоточена на том, как бы удержать внутри завтрак – с переменным успехом.

- Наслаждаетесь поездкой, сэр?

- Это уникальный опыт, – отозвался я, утирая рот тыльной стороной руки. Конечность казалась необычно тяжелой: системы машины не могли в полной мере компенсировать ускорение. – Хотя признаюсь, что привык к кораблям побольше, где, подозреваю, движение плавнее.

- Вы правы, сэр. Но из большого корабля получается более крупная цель. Наше возвращение в атмосферу орки заметят с меньшей вероятностью.

В его интонации было нечто особенное. Серьезность. Но я предположил, что он просто сконцентрирован на своих обязанностях. Несмотря на свежие сообщения, орки все еще представлялись мне дикарями, которые машут копьями и летают на хрупких деревянных самолетах. Я не мог вообразить, чтобы они представляли угрозу для корабля, пригодного к работе в пустоте.

Мне предстояло узнать, что это не так.

Глава 2

После острых ощущений от прошивания атмосферы Бахуса сама планета смотрелась довольно банально. Местность состояла из одного колоссального болота, монотонность которого нарушалась лишь темной листвой. Мои изыскания показали, что остальная планета такая же, за вычетом непригодных для обитания полюсов. Кроме того, это был самый бедный мир субсектора, не обладавший суровой красотой Гедона или богатыми запасами полезных ископаемых Плутуса. Хотя он и подходил для жизни, его

население было минимальным и скопилось на тех немногочисленных ошметках суши, что не требовали осушения. В сущности, поглоти Бахус варп-шторм, субсектор Йоссариан^[1] вряд ли стал бы по нему скучать, по крайней мере до тех пор, пока один из аристократов Гедона не заметил бы, что винная бочка опустела.

Мы уже достаточно снизились, чтобы я кое-как мог разглядеть узловатые лианы, тянувшиеся через лагуны. Их перегнанные плоды являлись спасительным благословением этого мира, становым хребтом его экономики и единственным, что не давало ему стать всего лишь вассалом более преуспевающих соседей.

Когда мы выровнялись, я с удивлением увидел, что под нами кружит трио истребителей.

- Плайнт? - произнес я, и мой голос поднялся на октаву выше. - Что это?

- *Наш эскорт, сэр. Эскадрилья Анизоптера. Они ждали на планете. Наш лихтер «Арвус» не вооружен, поэтому нас сопровождают три «Молнии».*

- Ожидаются проблемы? Я думал, мы за линией фронта?

- *Это мера предосторожности. Мы далеко от горячих точек, но боюсь, что в воздушном бою нет строгих линий фронта. Как бы то ни было, до шато планетарного губернатора Долос всего несколько лиг. Не беспокойтесь, сэр, я доставлю вас туда в целостности.*

- Я полностью вам доверяю, - сказал я, радуясь, что голос звучит ровно.

- *Желаете показ, сэр? Группа с удовольствием продемонстрирует свои умения.*

- Благодарю, но в этом нет необходимости.

- *Вы уверены? Наш эскорт был бы счастлив появиться в пикте.*

- Все мое записывающее оборудование упаковано, - ответил я, бросив взгляд на свои чемоданы. - Возможно, мы сможем что-нибудь организовать, когда я обустроюсь.

- *Ясно, сэр.*

Интонация Плайнта не изменилась, но я задумался, не обидел ли его. Возможно, эти пилоты надеялись стать центром пикта, или хотя бы значимыми героями. Однако я полагал, что полет пройдет без происшествий, а пока мои чемоданы были зафиксированы магнитами, я никак не мог записать путешествие.

Окруженные эскортом, мы парили над бескрайней лагуной, летя ниже, чем можно было ожидать. Я распаковал свой инфопланшет и стал изучать фрагменты съемки и собрание файлов, выданных мне на тему Бахуса и его обычаев, готовясь к прибытию. Но корабль неожиданно накренился вправо, из-за чего я едва не выронил устройство. На пикт-экране я заметил, что один из сопровождающих выдвигается на позицию перед нами.

- Плайнт? - спросил я. - Что происходит?

- *Мы перехватили небольшой вокс-обмен, указывающий, что в наше воздушное пространство могло проскользнуть несколько врагов. Мы меняем строй, но даем им много свободного пространства. Нет смысла вступать в бой и подвергать вас риску, сэр.*

- Орки, как я понимаю?

- Да, сэр.

Я нахмурился, вспоминая примитивный деревянный самолет. Несмотря на рапорты о технологическом развитии, казалось неуместным, чтобы эти животные использовали настоящую авиацию. Идея, что подобные дикие создания способны пилотировать работоспособные боевые машины, не говоря уж об их производстве, представлялась абсурдной.

- Насколько многочисленны эти силы? - поинтересовался я.

- *Неизвестно, сэр. Прошу прощения, мне нужно связаться с командованием. Подождите.*

Я кивнул. Бесплезный жест, поскольку он меня не видел. Стоит признать, невидимость - плюс в моем ремесле. Я не высок и не импозантен, у меня темные волосы и непримечательное лицо, единственная заметная черта - хирургический шрам, прячущийся вдоль линии роста волос. Анонимность вполне мне подходит, и меня устраивает сливаться с фоном, пока другие пыжятся на сцене. Однако я привык наблюдать за представлением. Сидение взаперти внутри металлической коробки над незнакомой планетой обескураживало, причем вдвойне - из-за приближения врагов. Поскольку мое снаряжение было убрано, восприятие ограничивалось тем, что я мог отслеживать посредством пикт-экрана.

Который вдруг погас.

Корабль снова дернулся вправо, летная обвязка врезалась в плечи. Я услышал звук, слегка похожий на дождь, если считать, что облако - это молот. Он простучал по корпусу. Сперва сверху, затем слева от меня. Но за исключением бури, собиравшейся далеко на западе, я не видел во время спуска никаких облаков.

Мой палец ткнул в вокс-коммуникатор.

- Старший сержант Плайнт? Что происходит?

- *Простите, сэр. Тут затруднения. Я отрываюсь. На подходе еще одна наша группа. Не будет никаких...*

Он отключился, и корабль качнулся влево. Мой желудок колыхнулся: мы ушли в штопор. Я не мог отличить верх от низа и при пустом экране совершенно не представлял мира за пределами грузового трюма, который начинал больше напоминать саркофаг на реактивной тяге.

- Старший сержант Плайнт, вы можете восстановить обзор?

- *Да, сэр, но вам не...*

- Выполняйте, сержант. Это приказ.

Это была моя первая команда: включить пикт-экран. Не самый вдохновляющий первый приказ, который когда-либо отдавал офицер, однако я не был офицером, и мои скудные полномочия были позаимствованы у планетарного губернатора Цанвиха, самого могущественного человека в субсекторе Йоссариан и моего покровителя. Тем не менее, он не являлся военным командующим, и, строго говоря, мужчины и женщины из Аэронавтики Импералис не были обязаны следовать его или моим распоряжениям.

Плайнт отреагировал не сразу, вместо этого бросив лихтер в очередной неожиданный поворот. Но совсем скоро пикт-экран вспыхнул, показав величественное изображение истребителя «Молния». Тот устремился навстречу нашему врагу, раскинув крылья вперед, словно перья имперского орла. Мое сердце переполнилось чувствами, когда автопушки грянули гневом Бога-Императора, а установленные на крыльях лазпушки полыхнули Его восхитительным светом.

А потом он взорвался.

Мгновение я не мог понять, в чем причина. Не было никакой заметной ракеты или энергетического разряда. Однако виновник взмыл в поле зрения, затмив своей тенью пылающие останки. В его полете отсутствовало изящество, машина напоминала кулак с ракетным двигателем, по бокам которого были приварены грубые крылья. Множество выхлопных труб извергали черный дым, пятнавший небо, а натканные вдоль крыльев орудия изрыгали поток пуль. Я вспомнил услышанный ранее звук, дождевую дробь по корпусу. Теперь я знал его источник.

Ракурс резко перешел с покрытого обломками неба на быстро приближавшуюся трясину: Плайнт ушел в пике, и наш воздушный корабль понесся к поверхности. Размытые рыжие и бурые пятна вскоре сгустились в воду ржавого цвета и перекрученные лианы. Пули стучали по задней части корпуса, а земля становилась все больше. Все ближе.

- Плайнт! Какого черта вы делаете?

- *Простите, сэр. Ситуация ухудшилась. Подождите.*

До болота оставались считанные секунды.

Я думал помолиться, но все молитвы оставили меня. Я продолжал заикливаться на своем великом труде, заветном пикте, который бы поместил меня в ряды знаменитых пропагандистов вроде Пинмота и Ивазара. Теперь он не завершится, идея будет похоронена глубоко в болотах этого захолустного мира, да и я вместе с ней.

Однако в последний момент Плайнт рванул наш нос вверх, и машина каким-то образом выправилась, проскользила над болотной водой и заложила резкий вираж, цепляясь корпусом за шипастые лианы. Я ощутил позади ударную волну, за которой последовал грохот взрыва. Наш преследователь среагировал не так быстро. Несмотря на скорость, его машине не доставало маневренности.

- Хорошая работа, Плайнт, - выдавил я, вновь обретя дар речи.

- *Это не конец, сэр. Еще трое на подходе.*

Он был прав. Когда мы выровнялись, я увидел три приближающихся шлейфа черного дыма. Они находились на некотором отдалении, но набирали ускорение.

- Где наш эскорт? - спросил я, когда они приблизились.

- *Они исполнили свой долг, сэр. Теперь они с Богом-Императором.*

На это мало что можно было сказать. Вместо этого я наблюдал, как атакующие снижаются к нам. Плайнт направлялся прямо на них, примирившись с неотвратимостью нашей участи. Мне хотелось молить его спастись, вести нас ближе к земле. Однако перспектива давать старшему сержанту, пусть даже исполняющему обязанности, советы по воздушной стратегии казалась глупой. Я не мог говорить, явно сочтя верную смерть более предпочтительной, чем выставление себя дураком перед относительно

незнакомым человеком.

Но в этот миг надвигающиеся истребители резко вильнули, словно отчаянно пытались сменить позицию.

Было слишком поздно. Жгучий луч света возвестил, что мы спасены. Он рассек передовой самолет орков, пробившись до запасов топлива. Истребитель взорвался адским огнем, разбрызгивая во все стороны пылающий металл. Его союзники дернулись в сторону от взрыва, но это не имело значения. Второй лазерный заряд резанул по ближайшей машине, едва зацепив кабину, но при этом обезглавив зеленокожего пилота. Пока тот беззвучно кувыркался в небе, последний орк все еще пытался атаковать новую угрозу. Хотя истребители зеленокожих были быстрыми и беспощадными, им не доставало проворства для оперативной перегруппировки.

С шипением ожил вокс-канал:

- Плайнт? Во имя Трона, кто тебя подпустил к самолету? Я думала, ты сидишь в обслуге.

Голос звучал отрывисто, но при его звуке у меня вдруг пересохло во рту. Это была она. Наверняка.

- У нас на земле некоторая нехватка рабочих рук, сэр, - отозвался Плайнт. - Весьма достойно с вашей стороны оказать помощь.

- Не льсти себе, Плайнт. Мне было скучно и хотелось подраться. Хотя я надеялась на противников посложнее. Может, Пламеносец или Зеленый Шторм. Не парочка только что приученных к крови зеленокожих, трепыхающихся в небе.

- Еще один остался, сэр.

Уцелевший орочий самолет менял курс, поднимаясь на перехват. Я до сих пор не видел нашу спасительницу.

- Плайнт, хочешь взять этого себе? Хоть раз по-настоящему внести вклад в сражение?

- Очень любезное предложение, сэр. Но как вам, подозреваю, известно, мой корабль не вооружен.

- Что ж, это ты хреново спланировал. Подожди.

По небу пронеслась пара десятков лазерных импульсов. Каждый из них лишь мельком коснулся вражеской машины. Один едва не снес ей нос, но ни один не попал по-настоящему.

- Вот так, - произнесла она. - Вы на равных. Хотя должна сказать, зеленому парню это, похоже, не нравится.

Мне потребовалась секунда, чтобы осознать, что она сделала. Силуэт истребителя преобразился, и теперь на нем не было выступов, которые до этого украшали нос и крыло. Она вырвала ему клыки, снеся вооружение, но не уничтожив машину.

- Он и впрямь выглядит взволнованным, - ответил Плайнт. Кабина орка резко открылась, как могло бы произойти с имперским самолетом при катапультировании пилота. Вместо этого там мелькнуло движение, которое было сложно разглядеть с такого расстояния.

- Хмм... Плайнт, ты говоришь по-орочьи?

- Не могу такого сказать, сэр.

- Я понимаю кое-что из слов по верхам. Ну, это я говорю «слов», там скорее вой, подчеркиваемый похабными жестами. Этот хочет пообщаться.

- Он однозначно делает жест, сэр.

- Именно. А теперь он вытащил свой пистолет.

- Не могу поверить, что вы его оставили, сэр. Выглядит как небрежность.

- Ненавижу с тобой соглашаться, Плайнт, но возможно, ты прав. И все же, может статься, он усвоил урок. Мне кажется, если мы позволим ему вернуться домой, он проведет переговоры от нашего лица, и удастся положить конец этой ужасной войне. Погоди... я ошиблась. Он намеревается нас протаранить.

Орочья машина уплывала из виду. Плайнт подкорректировал курс, следуя за ней. На пик-экране вспыхнуло солнце, заставившее меня прикрыть глаза. Стало быть, наша спасительница атаковала сверху, находясь спиной к свету. Безупречный выбор позиции.

- Поразительно неспортивно с его стороны, сэр.

- Знаю. Я-то думала, мы установили настоящий контакт. Честные противники, приговоренные к своим ролям славной войной, их соперничество – форма товарищества, их поединки легендарны...

Невозможно было усомниться в насмешливости тона, равно как и в издевке, сочившейся из каждого слова. И все же это шокировало меня. Предположение о любой форме товарищества с зеленокожим, пусть и в шутку, было не тем, что я ожидал услышать от офицера Аэронавтики Импералис. Я отвлекся при помощи пикт-экрана, где орочья машина с грохотом неслась к формации из трех имперских истребителей, видимо, ставя целью взаимное уничтожение. На моих глазах две машины по бокам сместились подальше.

- Он уже весьма близко, сэр, – произнес Плайнт, в голос которого закрался намек на трепет.

- Знаю, – отозвалась она. – Я спорила, смогу ли снести твари голову своей саблей. Уверена, она где-то тут, я никогда без нее не летаю.

Орк рванулся вперед. Его самолет сейчас казался зазубренной ракетой, нацеленной прямо в нашу спасительницу.

- Сэр?

- Момент, Плайнт, проклятые ножны застряли.

До столкновения оставались секунды.

- Сэр? Командир звена Шард!

Сказать, что она набрала высоту в последнюю секунду, значило бы очернить ее мастерство. Это заняло меньше секунды, какую-то микроединицу времени, ведомую только агентам Ордо Хронос. Ее истребитель сделал пируэт, уходя от налетающего орка, и выпустил поток тепловых ловушек. Те полыхнули вокруг орочьего самолета, а несколько приземлилось в открытую кабину. К пламени вскоре добавился дым, и машина ксеносов рухнула с неба, штопором падая навстречу болотам внизу.

- Плайнт, ты что-то говорил?

- Нет, сэр. Иначе я мог бы выглядеть глупо.

- И впрямь. Что ж, у меня кончились доступные цели. Возвращаюсь в шато слегка подкрепиться. Тебе лучше упасть на хвост.

- Благодарю вас, сэр. Я потерял свой эскорт.

- Удручающе. Хотя и не так удручающе, как то, что кто-то доверил тебе самолет. Должно быть, наш дефицит опытных пилотов хуже, чем я думала.

- Не знаю, сэр.

- Ты хотя бы забрал свою посылку?

- Забрал, сэр. Он в безопасности на борту. Возможно, вы желаете с ним поговорить?

Я услышал, как она фыркнула в вокс-канал.

- Ты всегда знаешь, как меня рассмешить.

Она отключила вокс. Тот мгновение помолчал, а затем с треском снова ожил.

- Сэр? - спросил Плайнт. - Вы там в порядке?

- Вполне неплохо, Плайнт, пусть и слегка потрясен.

- Можно понять, сэр. Было несколько неуютнее, чем я надеялся. К счастью, Бог-Император присматривал за нами, ведь нас спас один из лучших летных офицеров Аэронавтики Импералис, командир звена Шард.

- Да, я слышал ваш разговор. Должно быть, она вела передачу по всем каналам.

Молчание.

- Да, сэр, - произнес он через некоторое время. - Приношу извинения, сэр, от волнения я не заметил. Надеюсь, вы не сочли наши слова слишком шокирующими. Солдаты порой могут быть немного грубы. Шутливая беседа разряжает напряжение, сэр.

- Не стоит беспокоиться, Плайнт. Я нашел это познавательным. Кроме того, именно за этим я здесь. Хочу снять подлинную натуру конфликта, а не освященные пикты, какие мы обычно производим.

- Значит, вы не оскорбились, сэр?

- Я был благодарен, что мельком увидел командира звена Шард в действии. Очень жаль, что не смог ничего записать, но уверен, что мне еще представится возможность.

- Не сомневаюсь, сэр. Командир звена Шард - наш самый умелый ас-истребитель.

- Я в курсе, - сказал я. - Командир звена Люсиль фон Шард, летный номер шестьсот шестнадцать, имеет чрезвычайно заслуженную историю, что едва ли удивительно с учетом ее родословной. Ее отец, полковник Горота Шард, командовал 105-м Верлайским полком, а мать, Тазиния, была командиром танка в 112-м Наутицийском. Оба герои и также мученики.

- Похоже, вы провели изыскания, сэр.

- Я изучал записи о всех асах-истребителях, в настоящее время активных на этом театре военных действий. Шард, Градеокус, даже юный Ноктер. Но у нее они особенно интересны, как и вся семья. Было несколько сносных био-пиктов о Гороте и Тазинии, но почти ничего нет об их семерых детях, хотя все они выдающиеся служители Империиума. Я имел честь работать с комиссаром Тобией фон Шардом в ходе Палатинского крестового похода, а также кратко встречался с исповедником Мариком фон Шардом после Гигерийской Чистки. Первый даже был так любезен, что предоставил рекомендательное письмо.

- *Как скажете, сэр.*

С его интонацией что-то было не так. Я все еще не знал этого человека хорошо, однако он не обладал мастерством скрывать свои чувства.

- Я сказал что-то неуместное, Плайнт?

- *Нет, - ответил он. - Впечатляет, что у вас столь объемные познания об истории командира звена Шард.*

- Это мой долг. Меня направили создать пикт, превозносящий мощь Аэронавтики Империиалис. Истории требуется фокусная точка, та линза, через которую зритель может понять ваш мир. Из командира звена Шард получится превосходный объект для моего пикта. В сущности, мне было бы интересно однажды курировать полный био-пикт о ней. Когда она в конечном итоге выйдет в отставку, разумеется.

- *Или ее собьют, сэр.*

Вот опять, та нотка в его голосе. Но это была не злость или даже нарушение субординации. Больше походило на отрешенность, словно он пытался дистанцироваться от моих суждений, не отвергая их полностью.

- Вы считаете это вероятным?

- *Она лучшая, кто у нас есть, сэр. Но даже лучшие могут ошибиться в расчетах или потерпеть неудачу в критический момент.*

- Вы говорите довольно мрачно.

- *Я немного потрясен, сэр. Это было ближе, чем хотелось бы.*

Тогда я понял свою глупость. Я видел на пикт-экране лишь проблески столкновения, и их хватило, чтобы напугать меня. Как же быстро я позабыл о своих страхах, как только появилась командир звена Шард. Казалось, все predetermined, словно зеленокожих дикарей заманили в идеальную ловушку. Но наши сопровождающие погибли. И мне не суждено было узнать, насколько близко мы подошли к тому, чтобы присоединиться к ним.

- Старший сержант Плайнт, я хочу вас поблагодарить, - произнес я. - Я не эксперт по воздушному бою, но подозреваю, что будь у штурвала менее умелый пилот, я бы не выжил. Я обязан вам жизнью.

- *Спасибо, сэр. Но это был просто мой долг.*

- И тем не менее, я как минимум могу увековечить вас в пикте.

Его смех был дружелюбным и искренним.

- *Благодарю, сэр. Правда. Я помогу всем, чем могу, но мне комфортнее смотреть фильмы, чем*

появляться в них.

- Они вам нравятся?

- *Некоторые, сэр. Я люблю парады, особенно музыку. Приятно видеть Имперуум во всей красе и получать напоминание, что же мы защищаем.*

- По-вашему, я не увижу его во всей красе здесь?

- *Ну... это трудно, сэр. Мы служим так хорошо, как только можем, и славим Бога-Императора. Но тут трясина, и все мерзкое и оскверненное. Фильмы всегда кажутся такими светлыми и чистыми.*

- Ааа, - сказал я и ухмыльнулся. - Но это будет пикт иного рода. Я хочу показать настоящих героев, тех солдат, что пробиваются через грязь, чтобы выполнить свою работу.

- *Вроде командира звена Шард, сэр?*

- Это вы мне скажите, - произнес я. - Вы считаете ее героем?

- *Я не питаю к командиру звена Шард ничего, кроме уважения, - ответил Плайнт. - Она герой, но при всем уважении, сэр, возможно не самый подходящий для пикта.*

- Посмотрим, - сказал я. - Бьюсь об заклад, что это не так. Она станет самым знаменитым членом семьи фон Шард.

- *Как скажете, сэр, - отозвался Плайнт. - Могу ли я дать вам совет?*

- Конечно.

- *Воздержитесь от упоминаний об ее семье.*

Глава 3

К тому времени, как мы добрались до шато планетарного губернатора Долос, напозла темнота.

Технически, солнце Бахуса все еще висело в небе, однако зловонные газы, пузыри которых поднимались из болотной воды, образовали туман, рассеивавший весь задержавшийся дневной свет. Сумерки придавали огромному сооружению определенную внушительность. Неясный силуэт шато соперничал по размерам с самым высоким жилым блоком, и его тень поглощала территорию. Болота и лагуны Бахуса делали проблематичным традиционное строительство, поскольку все сооружения, обладавшие каким-либо значимым весом, проглатывала трясина. В сущности, единственным сколько-либо крупным видом местной жизни являлись гигантские деревья мандака, да и то лишь в силу того, насколько глубоко растение внедрялось в скальное основание. Верхние ветви полностью выросшего экземпляра тянулись почти на милю, а корни уходили куда дальше, простираясь на несколько лиг под земной корой.

Губернатор Долос решила забрать одно из громадных деревьев под свою резиденцию. Колоссальный ствол выдолбили, и во множестве окон, прорезанных в коре, перемигивались огни. Растение выглядело вполне живым, хотя листва на окутанных туманом верхних ветвях была пореже. Из основания дерева выдавалось фойе, которое освещали лампы, заполненные пляшущими светлячками, а через арчатые двери практически непрерывно двигалась вереница офицеров и бригад наземного обслуживания. Они

перемежались слугами, носившими символику самой Долос: крылатое насекомое, выполненное в радужных тонах. Мимо торопливо прошло отделение Имперской Гвардии. Их ботинки месили землю и давили последнее отчаянное сопротивление того, что когда-то могло быть цветочной клумбой.

- Вот мы и на месте, сэр. Приватное шато планетарного губернатора Долос.

Я глянул на старшего сержанта Плайнта, боровшегося с весом моих чемоданов, самый большой из которых он едва сумел оторвать от пола.

- Приватное? - спросил я, кивая в сторону нескончаемого шествия в дверном проеме.

- Оно было приватным до войны, - прокряхтел он, ставя чемоданы возле меня. - Шато вытягивает болотную воду, что делает особняк одним из немногих мест в радиусе нескольких лиг, где реально способен сесть самолет. Учитывая нужды армии, губернатор Долос милостиво отдала его для помощи военным действиям.

Он кивнул на пару рокритовых взлетно-посадочных полос, врезанных в бывший газон губернатора. Дерн настойчиво цеплялся к их кромкам, некоторые предприимчивые побег даже пытались пронзить сам рокрит, но с малым успехом. Это сильно отличалось от пиктов особняка, которые я видел до прибытия. Они показывали скрупулезно подстриженную растительность с пламенно-красными листьями и яркими как солнце цветами, а также головокружительные гидросооружения, использовавшие антигравитационные генераторы для создания водопадов, текущих к небу. Там были стаи рыб, висающие в свободно парящих пузырях хрустально-прозрачной воды, которые с царственным изяществом плыли сквозь искусно ухоженный полог.

Но так, должно быть, было до войны, или по крайней мере до заселения военных. Если не считать самого шато, территория выглядела просто грязными полями, вытоптаннами тысячей ботинок. По обе стороны от шато были установлены зенитные батареи «Гидр», выжидающе устремившие в небо свои длинноствольные автопушки. В сотне ярдов слева от нас горизонт портили силуэты двух имперских бункеров. Несмотря на заверения Плайнта, было похоже, что шато не справляется с осушением местности, так как укрепления казались скособоченными, словно понемногу тонули в зловонной почве.

Я бросил на него взгляд.

- Наверняка губернатор Долос в восторге от такого количества гостей.

- Она... понимает необходимость военных действий, сэр, - ответил Плайнт. - Однако когда зеленокожие будут раздавлены, она с радостью нас выпроводит.

- Полагаете, это произойдет скоро?

- Сложно сказать, сэр. Местные парни не помнят времен до появления орков, но раньше с ними удавалось справляться. Только недавно они стали достаточно опасны, чтобы губернатор Долос запросила дополнительную поддержку. Но теперь постоянно прибывают подкрепления. Это должно означать, что мы тесним их назад.

- Уверен, их поражение неизбежно, - кивнул я, и мой взгляд переместился на сервитора, неуклюже выходящего из шато. Его механические компоненты, примечательно хорошо обслуживаемые, блестели словно серебро, но когда он приблизился, стало очевидно, что подобная забота относилась сугубо к аугметике. У него была самая серая плоть, какую мне доводилось видеть у сервиторов, а кожа вокруг имплантатов покрылась волдырями и выглядела нездорово.

Он остановился передо мной, вперив вперед свой единственный оставшийся органический глаз. Рот открылся, чтобы заговорить, но губы не шевельнулись. Вместо них звук исходил из вокс-динамика на туловище:

- Добро пожаловать, уважаемый гость. Подтвердите личность и пункт назначения.

- Пропагандист Кайл Симлекс. Гостевые комнаты, - отозвался Плайнт в торс машины, а затем повернулся ко мне. - Вот вы и прибыли, сэр. Гарри возьмет ваш багаж и сопроводит вас в комнату.

- Гарри?

- Я... я иногда даю им имена, - сказал Плайнт, пока машина тяжело направилась к моим чемоданам. - Не знаю, зачем. Глупость на самом деле.

- В этом нет вреда, - произнес я и пожал плечами. Мой взгляд перескочил на взлетные полосы. - Скажите, командир звена Шард зайдет на посадку?

- Нет, сэр, она сделает еще один проход. Если те орки проскользнули через наш периметр, могут быть и другие.

- Ааа. - Я кивнул. - Конечно. Однако жаль. Я бы с удовольствием выразил благодарность за наше спасение.

- У вас будет такая возможность, сэр.

- Что ж, спасибо вам еще раз, старший сержант. Видимо, у вас есть и другие обязанности?

- Действительно, сэр. Благодарю вас за понимание. - Он с улыбкой покачал головой. - Я вернусь в техчасть. Нам нужно подлатать пару истребителей.

- Вы помогаете техножрецам?

- В каком-то смысле, сэр, - ответил он, переведя взгляд на свои ноги. - В полках нехватка машинных провидцев.

- Ясно. И вам разрешили проводить ремонты в их отсутствие?

- Именно так мне и говорят, сэр.

Это был не совсем ответ, но я не стал углубляться в тему.

- Ну, хорошего вам дня, Плайнт. Надеюсь, скоро мы встретимся снова.

- Был рад, сэр.

Он кивнул, четко отсалютовал, а затем крутанулся на каблуке и зашагал по территории.

Я повернулся и обнаружил, что сервитор с моими пожитками пропал. В испуге огляделся по сторонам и заметил, что он входит в вестибюль шато, волоча за собой чемоданы. Я устремился в погоню, проталкиваясь сквозь давку тел и силясь не отставать. Мельком увидел, что сервитор поднимается над толпой, взбираясь по плюшевой лестнице. Он держался необычно уравновешенно и переставлял ноги размеренной поступью, пока я впопыхах оступался и спотыкался. Несмотря на золоченый внешний лоск, ступени были довольно неровными: древесина покорибилась и местами растрескалась.

Казалось, будто мы поднимаемся целую вечность, и я начал паниковать. Хотя сервитор и не был энергичен, но он не уставал, невзирая на нагрузку, так что я отставал все сильнее. Я боялся, что в любой момент потеряю его из виду.

- Помедленнее! - задыхаясь, выговорил я.

Однако машина не отреагировала. К счастью, на следующем этаже она прекратила восхождение и свернула в самый левый коридор. После еще двух поворотов сервитор остановился перед дверью. Пока он занимался замком, я прислонился к соседней стене, судорожно переводя дух. Дверь состояла из той же древесины, что и остальное здание, но я поймал себя на то, что гадаю, как работают ее механизмы. Раму, должно быть, прорезали, но она выглядела практически так, словно дерево уговорили принять нынешнюю форму. Проем казался органичным продолжением коридора, не оскверненным пилой или лезвием.

Сервитор все еще боролся с замком. Он вставил ключ, но не мог повернуть его. Я осторожно протянул руку, опасаясь, что кибернетический слуга в процессе выполнения своей функции может ненамеренно сломать мне пальцы. Однако он явно был запрограммирован ставить на первое место безопасность человека и разжал хватку, и я взялся за ключ, двигая им вперед-назад, пока в конце концов что-то не щелкнуло и дверь не распахнулась. Сервитор вошел внутрь, сжимая в своей сервоклешне мой сундук, а я осмотрел ключ. Тот тоже был деревянным, хотя твердость и текстура стояли ближе к камню. Тем не менее, он наверняка был старинным, и ход времени сточил зубцы.

Сервитор поставил мое оборудование, после чего развернулся и прошмыгнул мимо меня, исполнив свои обязанности. Когда он исчез в глубине коридора, я зашел в свою комнату и закрыл за собой дверь, впервые с момента прибытия оставшись в одиночестве.

Не считая моих чемоданов. Тот, что поменьше, являлся стандартным изделием и содержал мои скромные предметы первой необходимости. Но более крупный доходил по высоте мне до плеч, а шириной превосходил их по меньшей мере вдвое. Он был отлит из обсидиана, темный металл украшала бронзовая отделка и имперская аквила из полированного золота. Внутри лежали мои глаза и уши, голос и память, те инструменты, при помощи которых я творил свое искусство.

Я положил руку на ящик, а затем обвел взглядом комнату, ища разъем, чтобы запитать устройство.

Там была только кора. Даже кровать и мебель вырезали из дерева, а свет давали мигающие канделябры.

Последовали поиски, пока в итоге я не обнаружил потайную панель с латунными петлями, выкрашенными для схожести с цветом дерева. За ней находился старинный переносной энергетический модуль, который, к счастью, кому-то хватило дальновидности зарядить. Пока я подключал его, мой взгляд задержался на лазе за панелью. Древесина там неприятно блестела и слегка пахла плесенью. Я поковырял ее ногтем и был вознагражден куском размером с ладонь, оставшимся у меня в руке. Дерево под ним прогнило, а ему на смену пришли усикоподобные корни с крошечными розовыми луковичками, которые трепетали, несмотря на отсутствие ветра.

Я аккуратно закрыл панель. Ящик позади меня с гудением ожил.

Я встал, подошел к устройству и провел узор на скрытом генетическом замке. Оно открылось с отчетливым шипением, и меня встретили зловещие улыбки трех сервочерепов. Они глядели на меня из своих гнезд когда-то пустыми глазницами, замененными на оптические сенсоры и пикт-камеры. В каждом из черепов размещался продвинутый когитатор, способный обрабатывать огромные потоки

данных, равно как и взаимодействовать с моим собственным церебральным имплантатом. Кроме того, все они обладали генератором антигравитационного поля на месте позвоночника, а также несколькими тонкими конечностями и диковинными приспособлениями, которые, признаюсь, я понимал не до конца.

Я опустился перед ними на колени, шепча Литанию Активации. В процессе я смотрел на имена, написанные под каждым из них.

Мизар, Бесстрашный.

Киказар, Терпеливый.

И, конечно же, знаменитый Ивазар, Мастер.

Все они когда-то были знаменитыми пропагандистами, столь преданными своему делу, что продолжили служение даже в смерти. Мои черепа-наблюдатели, записывавшие мои встречи и преобразовывавшие воспоминания в изображение и звук. Большинство пропагандистов снаряжалось хотя бы одним подобным устройством, но вручение трех являлось редкой частью. Однако я был на подъеме и настаивал, что мне нужны такие ресурсы, чтобы записать истину, а не подделывать ее на основе ошметков информации. Мне оказали доверие, но еще многое требовалось доказать.

Я поочередно осмотрел каждого, убеждаясь, что они перенесли путешествие в целости.

- Киказар - начать экстракцию данных.

Череп задрожал, и его оптический сенсор вспыхнул красным. Он медленно поднялся и устроился возле моего правого плеча, откуда оглядел комнату. Машинный дух выискивал знакомое или враждебное. Похоже, обилие коры сбило его с толку.

- Киказар, экстракция данных, - повторил я, продолжая неотрывно смотреть вперед.

Его холодные металлические конечности коснулись моего плеча в поисках соединения. Мой разум синхронизировался с когитатором машины. Ощущение было неприятным, словно тебе по стволу мозга скребут стилетом: сервочереп начал переписывать мои воспоминания за последние несколько часов, сводя субъективные переживания к точным данным. Самовольно всплывали образы: встреча со старшим сержантом Плайнтом на орбитальной станции, спуск в атмосфере Бахуса и атака зеленокожих. Я повторно испытал ужас и замешательство, а также облегчение, когда появилась наша избавительница. Снова увидел, как в поле зрения влетела «Молния» командира звена Шард.

- Киказар, остановить загрузку.

Машина вздрогнула, и я почувствовал укол боли. Но она была там - картинка, скопированная из моего воображения. Теперь я мог увидеть самолет со всей четкостью. Его фюзеляж имел песочно-бежевую окраску, видимо под цвет болот, а крылья украшал рисунок в виде черного грифона на красном поле - символ, позаимствованный с фамильного герба фон Шардов.

- Приблизить и увеличить, координаты шестнадцать на двадцать четыре.

Изображение сгустилось в крупный план кабины. Пилот был едва различим. Неудивительно: машина двигалась слишком быстро, чтобы зафиксировать верный образ. А если бы это и удалось, моя память была чересчур подвержена ошибкам для сохранения такого кадра.

- Ивазар, доступ к файлам, помеченным «Шард». Спроецировать полдюжины из собрания, случайная

выборка.

Второй сервочереп радостно выпрыгнул из модуля хранения, разминая суставы и пощелкивая крошечными ручками. Проектор в его левом глазу загорелся, и вокруг меня материализовались призрачные картинки. Качество существенно различалось. Вот зернистый снимок хмурого ребенка, источник неизвестен. Рядом с ним официальный голопортрет, на котором пристально глядела в рекордер юная женщина с бледной кожей и огненно-рыжими волосами. Тогда она была девушкой, только поступившей в школу прогениум после гибели родителей. Несомненно, она еще скорбела об их утрате, но в ее глазах было мало горя, только холодная ярость. На губе в ту пору еще отсутствовал шрам, ранение она получила на каком-то этапе в ходе обучения.

Я повернулся к самому свежему изображению, снятому несколько месяцев назад. Должно быть, его сделали после боя, когда группа праздновала победу. Их пощипали так, что осталась только она, в полной парадной форме, положившая одну руку на эфес сабли. Она наверняка знала, что делают пикт, но улыбки не было, хотя шрам кривил губы в нечто среднее между ухмылкой и глумливой гримасой.

Теперь, услышав, как она говорит, я задался вопросом, не было ли это выражение лица отражением ее характера, а не травмы.

- Попытка вклейки данных.

Череп-наблюдатель согласно качнулся и, застрекотав внутренними механизмами, стал ассимилировать разные файлы. Размытый пикт кабины постепенно сконденсировался в нечто более отчетливое, когда череп наложил на пилота черты Шард. Ее взгляд был холодным и расчетливым, так как она делала выстрел, но рот широко растянулся в боевом кличе от упоения дикой радостью боя.

Однако это выглядело неправильным. Выражения не соответствовали. Хотя технология впечатляла, а финальный продукт выглядел убедительно, это был обман, имитация, спряденная из света и воспоминаний. Я не знал, правда ли она запечатлевала тот момент, или же являлась факсимиле, родившимся из обрывков данных и моих собственных предварительных суждений.

- Стереть вклейку.

Изображение исчезло, но жаль, что подобного нельзя было сказать о соблазне. Вклейка сторонних изображений для фабрикации разрешенного нарратива являлась профессией и искусством пропагандиста. В сущности, до своего погребения и новой жизни в качестве моего наблюдательного черепа пропагандист Фивель Ивазар славился способностью ткать картинку и аудиоряд с талантом художника и точностью хирурга, создавая из обрывков данных поразительные работы. Он умел смешивать разрозненные изображения и звук до тех пор, пока даже самому талантливому пропагандисту не становилось сложно отделить его подделку от необработанного материала.

Я уважал гениальность этого человека. Однако его методы представлялись мне бесчестными, ведь при помощи подобных уловок любую ложь можно подать как правду. А я верю в Империум и благоволение Бога-Императора. Это была Его галактика, и моя задача состояла в том, чтобы просвещать сомневающихся демонстрацией Его истины, а не измышлять свою собственную. Я исполню поручение и создам голо-пикт, показывающий превосходство Империума над беснующимися орками. Но это будет не рукотворная история, подходящая под нарратив. Каждый кадр, эпизод и встреча будут реальны, насколько это только возможно. Я использую ее настоящее лицо, а не поддельную копию.

- Сэр?

Голос доносился с другой стороны двери. Я не узнавал его, но он звучал почтительно, если не любяще.

- Закрывать всё, - шепнул я, и изображения вокруг меня свернулись. - Да?

- Прошу прощения, сэр, но могу ли я войти?

- Хорошо.

Ручка повернулась, но дверь не открылась. Я услышал бормотание и почувствовал сотрясение, когда по дереву приложились плечом. Я не запырался, но дверь, похоже, не помещалась в раму.

Еще одно сотрясение, но на сей раз дверь резко распахнулась, опрокинув слугу на пол. Невзирая на пожилой возраст, он быстро поднялся, отряхивая лацканы, приглаживая остатки седеющих волос и маскируя свой стыд отработанным пренебрежительным видом.

- Гхм, - произнес он, прочищая горло. - Простите за вторжение, пропагандист Симлекс. Я Стайли, личный мажордом губернатора Долос. Предполагалось, что мы встретимся снаружи шато.

В его тоне слышался упрек, граничивший с дерзостью. Однако он держался достаточно услужливо и поклонился так глубоко, что я испугался, не ударится ли его лицо об пол.

- Мои извинения, - сказал я. - Мне не терпелось обустроиться.

- Понимаю, господин, но это старый дом, и он хранит старые тайны, - отозвался он, и его взгляд переместился на кабель питания, тянувшийся от док-станции наблюдательных черепов к фальшпанели.

- Кто подключил ваш прибор?

- Я.

- Я бы просил вас воздержаться от подобного, - произнес он. - С внедрением технологий в это сооружение есть... сложности, и такие вопросы лучше оставлять помощникам по хозяйству.

- Ясно. В следующий раз буду знать.

- Несомненно, - сказал он, и его взор упал на мои руки, сложенные на коленях. - Вы не... порезались?

- Нет. А должен был?

- Конечно нет, сэр, - скованно ответил он. - Я лишь хотел удостовериться в вашей безопасности.

- Что ж, я в полном порядке, - с улыбкой произнес я. - Я могу вам еще с чем-то помочь?

Он посмотрел на меня, как на идиота. Полагаю, это был странный вопрос. Я являлся почтенным посетителем, наделенным властью, которая выходила далеко за пределы моего скромного чина. Для слуги мои слова наверняка выглядели нелогичными.

- Я здесь, чтобы сопроводить вас в покои губернатора Долос на ужин, - сказал он, оглядывая меня сверху донизу. - Приношу извинения, что прервал вас в процессе одевания.

- Я не одевался.

- Вы собираетесь ужинать с губернатором, будучи одеты таким образом?

Я бросил взгляд вниз. Мое облачение было простым и без прикрас, чтобы не привлекать неуместного

внимания. Однако при ближайшем осмотре пришлось согласиться, что его покрывала корка пыли, а подол одеяния испачкался от хождения по болоту.

- Возможно, мне следует переодеться, - произнес я, снова озираясь по комнате. - Тут есть умывальная?

Стайли издал почти неувимый вздох, поднял руку и дважды шелкнул пальцами. Внутри вошли два мускулистых лакея, которые встали по бокам от меня. Оба носили губернаторскую ливрею, их лица были суровы, а глаза - холодны. Будь кто-то из них при оружии, я принял бы их за охранников или силовиков.

- Проследите, чтобы пропагандист был помыт и одет, да побыстрее, - рявкнул Стайли, и эти двое взяли меня за руки и повели из комнаты. - Губернатор не потерпит излишней задержки.

По его тону до меня дошло, что терпимость не входит в число добродетелей губернатора Долос.

Глава 4

- Представляю пропагандиста Кайла Симлекса.

Голос Стайли обладал неожиданной глубиной. Делая объявление, он простер руку, направляя меня через дверной проем в обеденный зал. Я сделал шаг вперед, стараясь держаться с толикой напускного аристократизма. Однако мое плохо сидящее одеяние зацепилось за каблук, и я избежал падения лицом вниз, лишь сорвавшись на полубег и неуклюже протрусив в центр комнаты. У моего плеча парил Киказар.

Помещение впечатляло. Стол, как и прочая мебель, был выращен органическим путем, стены украшали портреты и пейзажи, изображавшие Бахус и его благородную династию. Комната также была безупречна, дерево драили до тех пор, пока оно не засверкало как шлифованная бронза. Я чувствовал цветочные нотки полировального состава, но присутствовало и кое-что еще: неудачно замаскированный намек на плесень.

Если не считать двух лакеев, зал пустовал.

Я обернулся, но Стайли уже закрывал за собой дверь, оставляя меня в качестве единственного гостя. Похоже, принимающая сторона была недовольна. Рядом возник слуга, наливший бокал вина цвета меди. Я принял его с благодарным кивком. Мужчина поклонился и отступил, не желая разговаривать. Это вполне меня устраивало, болтовня не являлась моей сильной стороной. Было бы дурным тоном сидеть до появления хозяйки, поэтому я предпочел встать у окна, наблюдая за трудом наземных бригад. От меня не укрылось, что моя поза копирует слуг. Тем не менее, они были способны лишь подавать вино, а я хотя бы мог его пить.

Я сделал глоток. Вино было хорошим, что едва ли удивляло. Бахус славился на весь субсектор качеством своих алкогольных напитков, и я уже не в первый раз наслаждался бокалом. Однако было едва заметное послевкусие. Как и запах плесени, оно таилось под тонкими нотками меда и сладких ягод. Но я не мог игнорировать слабую, но ощутимую горечь. Хотя сперва она была почти неосознаема, теперь я чувствовал только ее.

- Встречайте ее светлость, планетарного губернатора Ариани Долос.

Я и не заметил, как Стайли появился снова. Возможно, раньше по профессии он был вором-карманником

или наемным убийцей. Как бы там ни было, он отступил в сторону, и я впервые узрел губернатора во всем ее великолепии. Она была высокой. Выше меня, и эффект подчеркивался заостренными каблуками и позолоченным головным убором с полумаской, прикрывавшей глаза. Это изделие висело на фут над ее головой и наверняка было бы тяжелым для шеи даже самого могучего солдата. Я все время ожидал, что губернатор завалится вбок, однако она заскользила ко мне с примечательным изяществом. Ее аметистовое одеяние, как и мое, было смехотворно большим. Обилие складок являлось традицией стиля, предназначенной демонстрировать богатство и престиж.

Она подошла уже на расстояние вытянутой руки, прежде чем я вспомнил протокол и поклонился так глубоко, как только мог в проклятом наряде, сбивавшемся в кучу у меня на поясе.

- Прошу вас, поднимитесь, пропагандист Симлекс, - произнесла она, и ее накрашенные губы сложились в отработанную улыбку. - Мне так жаль, что заставила вас ждать.

- Ничего страшного, губернатор. Я понимаю, как вы, должно быть, заняты.

- Всегда, - вздохнула она, принимая бокал от одного из слуг. - Но я была полна решимости выкроить время для человека вашего очевидного положения. У нас редко бывают посетители с Гедона. Я удивилась, обнаружив, что принимаю вас.

- Приношу извинения за нарушение планов.

- Как оригинально. Пока что вы единственный из моих гостей, кто так сделал, - сказала она, изучая через окно бригаду наземного обслуживания. - И все же, как я могу отказать, когда просьба поступает от личного офиса губернатора Цанвиха?

Долос глотнула вина, совсем чуть-чуть застыв, когда оно коснулось ее губ, а затем бросила взгляд на меня.

- Скажите, наше вино еще любят на Гедоне?

- Да, ваша светлость, - вполне правдиво отозвался я. - Оно продолжает вызывать огромный интерес и, если позволите, заоблачные цены.

Она улыбнулась. Теперь это выглядело более искренне.

- Да, люди заплатят за лучшее.

- Несомненно. - Я кивнул и взял свой бокал. - Особенно с учетом нынешних перебоев.

Говоря, я не смотрел на нее, устремив взгляд на одного из слуг, похожих на мебель. Но по тому, как тот напрягся, стало очевидно, что это были неверные слова. Я повернулся обратно, готовясь принести самые подобострастные извинения, но Долос ничего не сказала, лишь улыбнулась и подняла свой бокал. Если она и оскорбилась, то превосходно это скрывала.

Я уклонился от ее взгляда и нервно отхлебнул своего все более сомнительного вина, горечь которого сильно ощущалась на нёбе. Она относилась к тем аристократам, кто предпочитает выражать свое неудовольствие в уединении? Возможно, в каком-нибудь темном и тайном месте, где легко оттереть кровь?

- Да, было сокращение производства, - произнесла она, посмотрев в окно. - Увы, мы должны обслуживать нужды армий Бога-Императора. Но приятно знать, что это лишь делает нашу продукцию

более желанной.

- Именно так, - кивнул я, хотя если бы аристократ с Гедона попробовал конкретно это вино, то вышвырнул бы бутылку в ближайшее окно. - Должно быть, трудно содержать особняк в присутствии армии.

Она кивнула.

- Действительно. Конечно, я рада предложить силам Империи любую помощь, которую в состоянии предоставить. Но признаюсь, меня удивляет, как много времени требуется, чтобы разрешить тривиальный конфликт вроде нашего. Честно говоря, будь я командиром, просто направила бы отряд в болота и оттеснила этих грязных зеленокожих. Уверена, вы видели, как недружелюбна эта местность. Сколько их, в самом деле, может там перебиваться?

- Как долго они вам досаждают?

- Понятия не имею, - ответила она, выставляя свое невежество как щит. - Истории о небольшом их количестве, существующем на окраинах топей, ходили, сколько я помню, однако вам решать, в какой мере доверять подобным рассказам. Но что мне известно, так это то, что кучка ксеносов с копьями должна представлять мало затруднений для мощи Империи.

- Похоже, они экипированы чуть лучше. Во время прибытия мое сопровождение сбили, а мне повезло спастись.

- Несчастливый, но одиночный случай, - произнесла она. - Эти гнусные твари захватили несколько машин, потерянных наиболее беспечными из наших пилотов. Это талантливые воры, завидующие нашему превосходящему вооружению, пусть даже они украшают его примитивными глифами. Но горстка орочьих истребителей - незначимый фактор. Чтобы их победить, нам просто нужно меньше самолетов, которые можно украсть, и больше солдат на земле.

В ее голос закралась желчь, и направлена она была не только на зеленокожих. Однако Долос взяла себя в руки и прикрыла свои обиды отточенной улыбкой.

- Но я отклоняюсь от главного, - сказала она. - На самом деле мы здесь, чтобы поговорить о вас! Пропагандист Симлекс. Человек с такими замыслами, что пользуется покровительством нашего кузена, планетарного губернатора Цанвиха. Для нас честь дать вам пристанище, хотя я несколько озадачена, для чего вы здесь. При всей очаровательности Бахуса, никогда бы не подумала, что он настолько интересен остальному Империи. Кроме как нашими винами, само собой!

Она издала резкий смешок, напоминавший грокса в период гона. Я улыбнулся и сделал глоток, скрывая свой дискомфорт и молясь, чтобы вопрос был риторическим. Однако то, как она пристально глядела на меня, указывало на необходимость ответить.

И меня тревожило, что неправильная реакция может повлечь за собой неприятные последствия.

- Мой департамент ранее уже производил пикты, прославляющие Аэронавтику Империи, - произнес я. - Но они не лучшая из наших работ. Я здесь, чтобы изменить это.

- Похвально, - заметила она, кивнув. - Однако это не ответ на вопрос, который я задала. Почему здесь? Должно быть, по всей галактике идет миллион подобных конфликтов. Что привело вас в субсектор Йоссариан? Почему вы на моей планете?

Ее слова были безупречно вежливы, а манера держаться не подразумевала ничего сверх мимолетного любопытства. Однако она переоценивала свою хитрость - ошибка, распространенная среди наших аристократов. Они проводят жизнь в окружении людей, которые соглашаются с любой их прихотью и смеются над самыми жалкими шутками, и потому им нелегко точно оценивать собственные таланты. В результате получаются индивиды с изумительной самоуверенностью, но ограниченным самоанализом.

Но это была ее планета, и оскорблять губернатора было бы неразумно.

- Могу ли я говорить искренне? - спросил я.

Она кивнула, словно давая особое соизволение.

- Я здесь, так как особо заинтересован в проекте. Однако этот мир был выбран потому, что губернатора Гедона, как и вас, беспокоит то, насколько затянулся конфликт. А набор новобранцев страдает.

- Наверняка как раз для этого существует призыв?

- Он имеет место, - произнес я. - Но может быть затретен по ресурсам. Зачем полагаться на призыв, если вместо этого мы можем вдохновить лояльные массы кинуться в схватку? И, когда дело касается Флота, нам нужны умелые рабочие, а не просто численная мощь.

- Стало быть, вы стремитесь заманить побольше рабочих?

- Отчасти, - сказал я, кивая. - Однако также губернатор Цанвих хочет пикт, демонстрирующий, что наши силы берут верх над орками, и сектор не должен тревожиться насчет эскалации конфликта.

- Что ж, тут мы сходимся, - отозвалась она. - Хотя, возможно, наиболее целесообразным решением было бы поставить в руководство кого-то нового. Не сомневаюсь, командир авиакрыла Просферус - способный солдат, но подозреваю, что он недостаточно компетентен.

- Я не мог давать комментарии. Но даже если бы уволить его было во власти губернатора Цанвиха, не уверен, что губернатор поддержал бы назначение нового командующего. Это могло бы стать сигналом, что война... идет не так хорошо, как ранее предполагалось.

- Ааа, - произнесла она, бросив взгляд в окно. - И губернатор Цанвих опасается, что это может повлиять на казну Гедона?

Я кинул. Гедон представлял собой мир-сад, скрупулезно терраморфированный рай. Он был прибежищем элиты Империи - идиллическим местом, где они могли купаться в хрустально-чистых водоемах, озирая прекрасные пейзажи и наслаждаться самой изысканной трапезой и компанией. Если бы стало известно, что Гедон соседствует с планетой, быстро деградирующей до зоны военных действий, это могло отпугнуть клиентуру.

- Значит вы здесь, чтобы показать нашу неизбежную победу? - поинтересовалась она.

- Мне это изложили не совсем в таких терминах. Однако подозреваю, что моя роль отчасти в том, чтобы продемонстрировать неизбежность победы.

- Понятно, - проговорила она, продолжая сосредоточенно смотреть в окно. Я проследил за ее взглядом. Похоже, там творилась суматоха, хотя с высоты это больше напоминало не солдат, а трудящихся насекомых.

- А почему вы? - спросила она. - Почему вы тот человек, кому поручен пикт?

Я улыбнулся.

- Я оказался достаточно удачлив, чтобы получить рекомендацию от влиятельного комиссара. Надеюсь, что смогу оправдать его ожидания.

- Но вы не с Гедона?

- Нет, хотя мне говорили, что я как-то связан с планетой по семейной линии.

Ее голова наклонилась, словно улавливая звук, недоступный моему слуху.

- Симлекс, - пробормотала она. - Незнакомая мне семья.

- Связь отдаленная. Моя нога не ступала на Гедон до прошлого месяца.

- Что ж, вы должны мне рассказать, что видели там, - сказала она, вдруг оживившись. - Давайте же сядем и поедим. Моды, которые нравятся их знати, меняются как времена года, а я очень не люблю отставать.

Она отступила от окна, но при этом стали видны люмен-прожекторы, теперь освещавшие небо. Похоже, они работали из бункеров, а еще раздался отдаленный вой - шум, с каждой секундой становившийся все громче.

- Губернатор, что это? - спросил я. Однако она не ответила, а лишь указала на самолеты, которые выводили из левого бункера. Вокруг собралась толпа, но было слишком темно, чтобы рассмотреть отчетливо. Зарево прожекторов лишь слепило меня еще сильнее.

Но я заметил фигуру, шагавшую к ведущей машине.

- Мизар, наведение по моему зрению, - прошептал я.

Последовала резкая боль в виске - устанавливалось соединение между нашими когитаторами. Череп-наблюдатель отделился от своего гнезда, замерцали его оживающие сенсоры. Он обвел мою комнату механическими глазами, и его взгляд упал на окно, которое я, увы, не удосужился открыть. Стекло расколосось от удара, и Мизар понесся к взлетной полосе, без труда пронзая мрак своими датчиками. На полосе стояло три истребителя «Молния», самолеты завоевания воздушного превосходства, известные маневренностью и норовистыми машинными духами. Они ожидали старта. Но даже через глаза Мизара пилотов было не видно. Возможно, обозначения на крыльях окажутся отчетливее. Если один из них украшен грифоном, значит...

- Пропагандист Симлекс?

Я застыл. Губернатор Долос сидела за столом. Рядом с ней успел появиться лакей с дымящимся подносом в руках. Пахло... приятно? Сложно сказать наверняка, поскольку мое восприятие было разделено между блюдом и Мизаром. Я продолжал чувствовать прометиевые испарения.

- Вас что-то беспокоит? - спросила Долос, на этот раз не пытаясь скрывать свой тон.

- Нет, губернатор, прошу простить меня за неучтивость, - сказал я и занял место напротив, а официант тем временем налил новый бокал горького вина.

Оком Мизара я видел, как зажглись дюзы, и самолет слегка приподнялся к небу, а затем начал набирать ускорение, уходя в ночь. Череп-наблюдатель попытался последовать за ним, напрягая свои антигравитационные двигатели до предела и сиюсь удержатъ машину в поле зрения своего телескопического объектива. Но это было бесполезно.

Форсажные камеры «Молнии» полыхнули и, вспыхнув напоследок, затерялись в темноте.

Глава 5

Истребители вернулись как раз к тому времени, как подали десерт.

Я был первым, чьи глаза их увидели. Ну, то есть глаза Мизара. Я убедил череп-наблюдатель прекратить погоню, что было нелегко, принимая во внимание его вздорный машинный дух. Он остался висеть высоко над шато, прочесывая сенсорами небо в поисках любых признаков «Молний». С этой смотровой точки он видел удивительное количество активности, хотя и совершенно не относящейся к авиации. Над далекими болотами роились насекомые, чьи переливчатые панцири мерцали сиренью в позаимствованном свете двойной луны. На таком расстоянии было сложно судить об их габаритах, однако по моим прикидкам они были размером по меньшей мере с мою кисть, без учета трех крыльев, росших из их спин.

Особняк уже не был тихим. Наземные бригады торопились по своим делам, передавая сообщения и расчищая взлетно-посадочные полосы, слуги Долос между тем выполняли свои функции, а сервиторы таскали оборудование. Я заметил, что три таких машины направляются к задней стороне шато, а лунный свет блестит на лезвиях их конечностей. Я опасался, что нападение неминуемо, пока они не остановились и не приступили к работе у восточного крыла шато, накинувшись на группу корней-усиков, пробивавшихся из трещин в коре.

В иных обстоятельствах балансирование между разведкой и ужином могло бы оказаться сложным делом. К счастью, губернатор Долос с удовольствием вела разговор, потчужа меня блестящей историей о своем семействе, а также о бремени и радости, которые она находит в продолжении их наследия. Она долго говорила о грядущем Банкете Урожая, явном украшении социального календаря Бахуса, и подчеркнуто обильно извинялась, что не может выдать мне приглашение.

Когда подали наше главное блюдо – жареных личинок, спрыснутых соком, который добыли из яда их прародителя – она начала обсуждать присутствие военных. Или, как она стала его называть, оккупацию. Я гонял еду по тарелке, кивая и время от времени издавая восклицания, когда это казалось уместным. Сомнительное вино продолжало литься, хотя преимущественно в ее бокал. Я уже вытерпел всю горечь, какую только мог перенести.

Она была примерно на полпути к тому, чтобы свалиться от опьянения, когда вошел Стайли, возвестивший о прибытии тележки с десертом так, словно это был знаменитый важный гость. Пока лакей толкал ее к нашему столу, губернатор Долос подалась вперед и со второй попытки взяла свой бокал, расплескав вино себе на пальцы.

– Я хочу сказать тост, – произнесла она, чрезмерно чеканя каждый слог. – За успех вашего проекта и за конец этой жалкой войнушки.

Когда я поднял свой донный осадок, на задворках моего разума чирикнул Мизар. Пока никакого

визуального контакта, однако повышение активности среди наземных бригад. Также он зарегистрировал атмосферные возмущения от их приближения. Истребители были на подходе.

Я бросил взгляд на Стайли. Тот держал отточенный нож и был готов врезаться им в пирог с подозрительно переливавшейся глазурью. Сиреневый цвет слишком уж напоминал о местных насекомых, особенно с учетом декоративных перепонки, а то, как пирог колыхался, весьма нервировало.

Губернатор осушила бокал и подала одному из безмолвных лакеев знак наполнить его заново.

Я не желал рисковать нанести обиду оправданиями, но мне отчаянно хотелось поприветствовать возвращавшихся пилотов и наконец-то встретиться с командиром звена Шард. Разрываясь между страхом и чувством долга, я ощущал себя парализованным и мог лишь неотрывно глядеть, как нож погрузился в пирог.

Что-то выскочило из разреза и исчезло под столом. Это все и решило.

- Губернатор Долос, не могу достаточно вас поблагодарить за эту восхитительную трапезу, - произнес я, склоняя голову. - Но я только что получил известия, что наши пилоты вернулись.

- Да, они постоянно так делают, - невнятно выговорила она, сделав жест бокалом и брызнув вином на прислуживавшего лакея. К его чести, он никак не отреагировал, устремив взгляд вперед, пока жидкость капала с его подбородка.

- Приходится спросить, зачем, конечно, - продолжила она, поправляя съехавший набок головной убор. - Столько движений туда-сюда. Перевооружаются и дозаправляются. Травят мой особняк и калечат промышленность моей планеты лишь для того, чтобы вылететь и повторить все снова. Зачем? Просто отправьте туда гвардейцев. Там конечное число орков, они же не из земли прорастают.

- Совершенно верно, - кивнул я. - Тем не менее, мой служебный долг - вести хронику конфликта. Как бы мне ни хотелось остаться здесь, но я должен почтительно попросить разрешения удалиться.

Я снова поклонился. Это было неудобно делать сидя, но лучше, чем поддерживать зрительный контакт. Когда я распрямился, она все еще пристально глядела на меня, хотя из-за перекосившейся маски было сложно определить выражение ее лица.

- Вы уходите? - спросила она. - Посреди ужина?

- Поверьте, бы предпочел ваше общество братанию с солдатней, - сказал я, позаботившись о том, чтобы в голос закралась нотка презрения. - И ни за что бы не попытался уйти без вашего соизволения. Но перед тем, как покинуть Гедон, я дал губернатору Цанвиху обещание посвятить каждое свободное мгновение этому проекту, и...

- Вы говорили с губернатором Цанвихом? - Она нахмурилась, и из ее речи вдруг пропала неразборчивость. - Во имя Бога-Императора, почему вам дали аудиенцию? Этот человек практически затворник. Я не видела его много лет.

- Она была короткой и обусловлена сугубо нашей родственной связью. - Я пожал плечами. - И все же это была великая честь.

Она не ответила, но я заметил, что Стайли положил нож, а его глаза мечутся между нами.

- Вы в родстве с губернатором Цанвихом? - недоверчиво спросила Долос.

- Исключительно по брачной линии, да и то еле-еле. Кажется, мы тринадцатипородные кузены? Или он также может быть отдаленным дядей. Или же племянником - признаюсь, детали мне не даются. Я узнал об этом уже после того, как согласился на задание.

Никакой реакции. За исключением пустого взгляда. Я заерзал от неуютности. Даже лакей-статуя выглядел так, словно ему неловко.

- Губернатор Долос? - спросил я в конце концов.

- Гмм? - Она моргнула.

- Могу ли я вас покинуть?

- О... ну, конечно, - тепло отозвалась она. - Как я уже говорила, я всецело поддерживаю ваш проект, как, похоже, и губернатор Цанвих. Это меня не удивляет, я всегда считала, что мы с ним мыслим сходно.

- Благодарю вас, - произнес я, поднимаясь.

- Возьмите десерт с собой, - потребовала Долос. - Стайли, заверни ему кусок.

- Очень любезно, губернатор. - Я поклонился. - Однако я вполне насытился.

- Тогда вина, - сказала она. - Наполни ему бокал.

Стайли скривился.

- Простите меня, губернатор Долос, но эти бокалы - часть ограниченного набора, хранившегося в вашей семье сотни лет. Я беспокоюсь, что один из армейских солдат может попытаться стащить один из них, если мы...

- Значит бутылку, - бросила она, свирепо глядя на него. - И не перебивай!

Мне в руки сунули бутылку. Лучше было не спорить.

- С нетерпением жду нашей новой встречи вскоре, - произнесла губернатор Долос из своего кресла. Похоже, она не намерена была вставать. Не знаю, потому ли, что это соответствовало ее статусу, или же из нежелания испытывать свое чувство равновесия.

Я поклонился уже как будто в сотый раз, сосредоточившись на Мизаре. Через его глаз я наблюдал, как снижаются самолеты. Их посадочные двигатели пылали, будто падающие звезды, а фюзеляжи были повреждены оружием наших врагов. Чтобы поприветствовать вернувшихся героев, успела собраться толпа. Я заторопился присоединиться к ней.

Пока за мной закрывалась дверь, я услышал, как губернатор Долос велит слугам сходить за генеалогическими томами.

- Он выходил прямо позади меня, а мои лазпушки не могли пробить этот проклятый корпус. Но потом, как раз когда поганый зеленокожий собирался запустить свои зажигательные ракеты, я переключилась. Стала вместо этого целить в его боезапас. Не уверена, что там орки используют вместо прометия, но хватило, чтобы уничтожить не только его машину, но и большую часть эскадрильи. И вот так, друзья мои, зеленокожий выскочка, в просторечии известный как Пламеносец, встретил свой конец,

поглощенный огнем, который сам же и создал. И если вы думали, что орки и так плохо пахнут, то попробуйте-ка нюхнуть поджаренного.

Все прочие звуки потонули в реве хохота. Я ощутил, как Мизар заново калибрует свои аудиосенсоры, а сам тем временем приблизился к постоянно растущему столпотворению, продолжая держать неохотно отданную мне бутылку. Я уже обдумывал, не избавиться ли от нее по пути, но не хотелось идти на риск, что на нее наткнутся слуги Долос.

Стена тел ненадолго разошлась, и я увидел фигуру, разлегшуюся на носу самолета и лениво общавшуюся с поклонниками. Затем толпа сместилась, перекрыв мне обзор. Кто-то выкрикнул вопрос, которого я не расслышал.

- Скольких я убила? - переспросила она голосом, ясно различимым поверх гвалта сборища. - Хикиц, ты думаешь, я слежу? Вот ты считаешь заклепки, которые затягиваешь каждый день? Вообще, плохое сравнение: ты-то, вероятно, считаешь.

Смех уже окружал меня, так как я оказался в толпе. Я все еще не видел ее, равно как не мог и пройти сквозь давку, чтобы подобраться поближе, а любые мои возгласы поглощала толчея. Я хотел увидеть ее собственными глазами, однако был вынужден переключить внимание на Мизара, парившего высоко наверху.

Она сидела верхом на одной из двух оставшихся машин, пока сервиторы буксировали остальные в направлении их ангара. На ней до сих пор оставался надет шлем, скрывавший лицо, но летный комбинезон был расстегнут и стянут до пояса, так что стали видны голые руки и плечи, кожа на которых была бледной, как свет луны. Как и я, она держала в руке бутылку, хотя содержимого там было только на доньшке.

- Как думаете, в этот раз добрались до Зеленого Шторма? - спросил кто-то, чей голос различили сенсоры Мизара.

- Кого? - Она нахмурилась и в притворном замешательстве глянула на говорившего. Толпа громко взревела, хотя отсылка от меня ускользала. Шард еще мгновение смотрела на собеседника, а потом хлопнула себя по лбу, внезапно вспомнив. Это движение сбilo с ее головы шлем, и показалась коротко подстриженная копна волос настолько насыщенного рыжего оттенка, что я поначалу подумал, будто сенсорам Мизара требуется перекалибровка.

- А, того Зеленого Шторма, - произнесла она. - Кто знает? Для меня все зеленокожие одинаковые. Зеленые.

Она прикончила свою выпивку, а толпа снова взвыла. Звук граничил с истерикой. Мне редко доводилось видеть сражения на передовой, да и то лишь издалека. Однако этот феномен не был для меня нове. После победы страх отступает, и легко рассмеяться. Даже самый взыскательный комиссар может закрыть на такое глаза. Временно.

Шард отняла бутылку от губ и швырнула ее себе за плечо, где та разбилась о кабину соседней машины, окатив стеклом сервиторов, которые пытались ее открыть. Я мельком заметил внутри движение, а Шард с насмешливым изумлением прижала руку ко рту.

- Мои искренние извинения, командир звена Градеолус, - сказала она, обращаясь к запертому самолету. - Я на самом деле не целилась, попала чисто случайно. Ну, вы понимаете. У вас разве не такая же тактика воздушного боя?

Пока толпа гоготала, сенсоры Мизара пытались пронизать фонарь. Я получил изображение крупного мужчины, большую часть лица которого занимали жесткие усы. Его глаза пылали, а рот был растянут в настолько злобном оскале, что даже орк мог бы взять это на заметку. Однако кабина предоставляла образцовую звукоизоляцию, и потому, хотя его рот резко открывался и закрывался, а кулак бил в бронестекло, я не мог разобрать слов. Похоже, он был не согласен с комментариями Шард, но мало что мог поделать, будучи заперт в кабине. Старший сержант Плайнт старался помочь, давая паре сервиторов указания взломать фонарь, но дело у них шло тяжело.

Шард приставила ладонь к уху, словно ей было трудно расслышать.

- Что, простите? - произнесла она, нахмурившись. - Вы желаете в конце концов признать, что я величайший ас-истребитель всех времен? Что ж, командир звена Градеолус, весьма великодушно. Все остальные поняли это давным-давно, но отрадно, что вы наконец-то их догнали. Жаль, вы не можете делать того же самого во время наших полетов.

С этой завершающей ремаркой она спрыгнула с истребителя и легко приземлилась рядом с самолетом. Толпа расступилась, и я увидел, что она направляется к шату, а путь ведет ее напрямик ко мне. Я моргнул, отключаясь от Мизара и возвращаясь в собственное тело. Она была в нескольких шагах от меня, болтала с кем-то в толпе.

Я сделал глубокий вдох и выступил вперед.

- Командир звена Шард? - произнес я. - Меня зовут пропагандист Симлекс, и я здесь, чтобы...

- Извините, я ничего не подписываю, - сказала она, едва посмотрев на меня. Однако когда она отворачивалась, ей на глаза попала бутылка, которую я до сих пор сжимал в руке. Она остановилась, затем взяла ее, оценивая этикетку. - Хмм... Не идеал, но лучше, чем ничего, - признала она, встретившись со мной взглядом. - Ладно, я подпишу одну вещь. Где перо?

- Перо? Нет, мне не нужно ничего подписывать. Я здесь...

- О. Тогда благодарю за вашу поддержку.

Она кивнула, приподняла бутылку, после чего отвернулась. Размахивая запечатанным свитком, я закричал вдогонку:

- Подождите! У меня рекомендательное письмо от вашего брата!

Она застыла и оглянулась на меня. Ее улыбка скрылась.

- Прошу прощения?

- Вашего брата, комиссара Тобии фон Шарда, - продолжил я сбивающимся голосом. - Я служил с ним на...

Она приблизилась, выхватила свиток у меня из руки и сорвала печать большим пальцем.

- Хмм, - проговорила она, практически не взглянув на страницу. - Жаль. Похоже, не прочитать из-за повреждений от огня.

- Что? Но я хранил...

Свиток внезапно поглотило пламя. Я не увидел, откуда возникла зажигалка, но когда Шард засунула ее

в карман, толпа одобрительно заревела, пускай люди и не знали, что конкретно произошло. Затем она протолкнулась мимо меня, а поклонники хлынули следом, заглушая мои протесты. Подойдя к шато, она напоследок обернулась и подняла бутылку.

- Мои дорогие друзья. И я сейчас о вас обоих, - произнесла она, вызвав смех в толпе. - Молодой Плайнт говорит, что моей «Молнии» понадобится обширный ремонт, поэтому я намереваюсь удалиться и продолжить праздник в своей комнате. Пригласила бы нескольких из вас с собой, но вы уже начали меня утомлять.

Последовал каскад неодобрительных воплей и свиста. В ответ она отвесила низкий поклон, а затем ушла. Толпа потянулась за ней. Я услышал, как позади меня сервиторы, наконец, взломали кабину. Изнутри вырвался командир звена Градеолус, изрыгающий вслед Шард ругательства.

- Трижды дрянная шавка! - плевался он, бешено жестикулируя. - Вернись сюда и скажи это мне в лицо! Кишка тонка!

Но ее уже давно не было, а прочие солдаты возвращались к своим обязанностям, пока он продолжал проклинать ее имя.

Знакомство вышло не самым многообещающим.

Глава 6

Спал я плохо и проснулся рано, когда на разбитом стекле кристаллизовался иней. Хотя я поплотнее завернулся в одеяла, сон в ту ночь не шел.

Все разваливалось, не успев даже начаться. Мне совершенно не удалось установить контакт с Шард или с кем-либо из асов. У меня не было никакого стоящего материала, и, что еще хуже, я не мог придумать, как его получить, если пилоты отказываются со мной разговаривать. Даже сложные сенсоры Мизара были не в силах сколько-либо надежно отслеживать летящий самолет. Как я должен фиксировать воздушные бои без их содействия?

Возможно, мой предшественник был прав. Возможно, лучше склеивать изображения вместе, создавать нелепые сценарии, где лазерные пушки снайперски отстреливают орков, а асы салютуют детям. Уж лучше так, чем пытаться торговаться с заносчивыми пилотами, считающими себя выше меня.

Я перевернулся на бок, повернувшись спиной к окну. Чувствовался сквозняк, холод каким-то образом проникал через горы ткани.

Я не мог перестать представлять ее лицо. Это пренебрежительное выражение, изуродованные губы, кривящиеся в насмешливой улыбке. Сперва она посмотрела сквозь меня, а потом оглядела с презрением. Отказ уязвлял, поскольку раньше я представлял наше знакомство в иной обстановке - на каком-нибудь празднике или другом мероприятии. Воображал, будто ее взволнует будущий пикт, польстит тот факт, что я выбрал ее центральной точкой. Каким же глупцом я был. Вся эта затея - абсурд. Она была солдатом, и ее послужной список говорил сам за себя. Ее семья верно служила Империи на протяжении поколений. Она не являлась безродным гражданином, которого вдохновил записаться в армию трогательный пикт. Скорее всего, она никогда обо мне не слышала, а коль скоро она с такой безразличностью посмотрела на письмо от своего брата, так с чего мне было ожидать чего-то

иного?

Я уселся, сдвинув перепутанное постельное белье. Все еще стоял мороз, хотя взгляд на разбитое окно показал, что близится рассвет. Однако злость закалила меня от холода. А я был зол: слегка на нее, но в основном на самого себя. Подпитываемый тщеславием и жадной признания, я как будто смонтировал собственный пикт еще до прибытия. Требовалось выйти за эти рамки, разбираться с ситуацией в ее нынешнем виде.

Именно тогда я и услышал вой сирены. Он был едва различим и, вероятно, ускользнул бы от меня, будь окно застеклено. Я посмотрел на разбитую панель и ничего не увидел, однако черепа-наблюдатели зашевелились в своих зарядных капсулах, чувствуя нечто, незримое для меня.

Через секунду все стало ясно. Далекий шлейф дыма, обрамленный утренним светом.

- Мизар, - шепнул я. Не нуждаясь в дальнейших понуканиях, череп-наблюдатель отделился от собратьев и помчался прочь из комнаты. Посредством его глаза я увидел самолет, закладывавший вираж в нашем направлении. Он летел неестественно, левое крыло кренилось к болоту внизу. Это была «Валькирия» - машина, в первую очередь используемая для высадки пехоты и поддержки наземных войск. У нее отказал один из двигателей, но пилот проделывал впечатляющую работу, удерживая самолет в воздухе. Тот еле-еле миновал шато, зацепив заваливающимся крылом крышу, и попытался сесть позади строения. Единственный оставшийся турбовентилятор с трудом сохранял его летную способность.

Посадка оказалась неудачной. Подобные машины могут снижаться вертикально, но пилот, должно быть, посчитал это невозможным всего на одном двигателе. А может статья, попросту потерял управление. Как бы то ни было, «Валькирия» рухнула в грязь. На промышленном мире при ударе не выжил бы никто. Однако истоптанная трясина позволила приземлиться помягче, и самолет пропахал борозду в приставучей грязи. Когда его развернуло набок, левое крыло полностью оторвалось, а правое теперь указывало в небо. К нему уже стягивался наземный персонал, чьи ранцевые огнетушители боролись с вырывающимся пламенем. Пилота вытащили наружу, но по его свернутой голове было очевидно, что он не выжил.

Затем вскрыли грузовой трюм. Я не сразу узнал форму, надетую на человеке, который появился из машины. Его одежда была в крови, а броня изодрана. Шлем отсутствовал, так что был виден алый порез, покрывавший половину лица, а правая рука резко обрывалась окровавленной культей, но ни одна из этих травм не мешала ему орать на своих спасителей. Аудиосенсоры Мизара были недостаточно продвинутыми, чтобы зафиксировать разговор, но вскоре один из членов наземной бригады побежал к шато, а остальные удвоили усилия. Из недр корабля освободили еще шестерых солдат, и в совокупности на них хватало потрепанных элементов защиты, чтобы распознать, кто они такие.

Это были Отпрыски Темпестуса. Самые элитные из людей-солдат Империиума. Бесстрашные, верные и экипированные лучшими доспехами и оружием, какие только могли создать Адептус Механикус. Мне уже доводилось видеть их прежде, но обычно лишь в качестве парадных частей или сопровождения чиновника высокого ранга. Однако даже тогда, несмотря на блеск брони и свеженакрахмаленные кители, по одному лишь взгляду в их глаза становилось понятно, что это не какая-то там церемониальная свита. Они являлись смертоносными воинами, которые встречали и одолевали худшее, что была способна выставить галактика.

В этих солдатах еще отчасти сохранялся тот дух, но мало кто из них мог идти без посторонней помощи, так тяжелы были их раны. Большинство пострадало не при крушении, поскольку они уже были

забинтованы и перевязаны. Пробоины на их нагрудниках указывали на клинковое оружие, мощи которого хватало, чтобы расколоть панцирную броню.

Орки.

- Господин Симлекс?

Я едва из кожи вон не выпрыгнул. Мое сознание было настолько связано с Мизаром, что я позабыл о собственном теле. Оно продолжало лежать на кровати, но, посмотрев своими глазами, я осознал, что уже не один. Мажордом губернатора Долос, Стайли, успел наполовину приоткрыть дверь, хотя и жался за ней, словно пытаясь заслониться от моего гнева.

- Пожалуйста, входите, - отозвался я, садясь. Толика моего разума оставалась с Мизаром, но сейчас там было мало примечательного. Вместо этого я сосредоточился на слуге.

Тот низко поклонился. Я только через секунду осознал, что он, похоже, не намерен выпрямляться и явно ожидает распоряжения.

- Прошу, чувствуйте себя свободно, - произнес я. Стайли благодарственно присел, а затем поднял голову. Не могу сказать, что выражение его лица было заметно более дружелюбным, чем вечером накануне: глаза все так же выдавали нечто между недоумением и отвращением. Однако он не мог бы держаться учтивее.

- Простите за вторжение, мой господин, - сказал он. - Губернатор Долос велела, чтобы я периодически к вам навещался, и мне хотелось удостовериться, что ваш отдых не нарушило... Бог-Император, окно!

- Ах, да, - произнес я, когда он кинулся к стеклу. - Прискорбная случайность. Я должен извиниться.

- Вы не виноваты, господин, - ответил Стайли, сердито глядя через разбитую панель на восходящее солнце. - Это всё те трижды проклятые пилоты. Летают слишком низко и слишком быстро, не заботясь о наносимом ущербе. Этот особняк не такой, как привычные им трущобы. Мы не можем просто вставить фабричную панель, только не в живое здание. Дерево необходимо убедить принять стекло. Даже будь у нас полный комплект персонала, потребовались бы дни работы.

Я уже не был уверен, обращается ли он ко мне - бормотание скатилось в негодующую мантру. Я ощутил укол вины за то, что не сознался в своем проступке, но он бы все равно не стал слушать. Кроме того, у него уже имелись предубеждения против пилотов. Не мне было их опровергать.

- Все в полном порядке, - сказал я, пока он суетился возле рамы. - Как-никак, мы на войне. Все должны чем-то жертвовать.

- Простите, господин, но это неприемлемо, - сказал он, поворачиваясь ко мне. - Прямой потомок планетарного губернатора Цанвиха не будет терпеть такого убожества.

- Я не прямой потомок... - начал было я, но слишком поздно. Повиновавшиеся незримо зову лакеи уже вошли внутрь и принялись сдирать постельное белье, невзирая на то обстоятельство, что я до сих пор удобно располагался в простынях. Сильные руки взяли меня за плечи, поднимая на ноги, а сервитор тем временем попытался забрать мой чемодан, хотя его, похоже, и озадачило, как же закрыть крышку.

- Стайли? Что это значит? Куда меня? - запротестовал я.

- Наш губернатор постановила, чтобы вам предоставили жилье, более подобающее вашему статусу, -

ответил он, склоняя голову. – Вы будете переведены на предпоследний этаж и получите честь спать прямо под ней.

Губернатор Долос завтракала, когда меня привели в ее покои – все еще с постельным бельем, накинутым на плечи в качестве импровизированной тоги. Она была без маски, в одном шелковом синем халате, и я впервые увидел ее лицо.

Она выглядела молодой: гладкая кожа, полные губы. Но это мало что значило. Омолаживающие процедуры были способны продлевать юность и жизнь на сотни лет. И хотя разрушительное воздействие времени не проявлялось на коже, некоторые намеки на него присутствовали в глазах. Она могла быть старше моей бабушки, да сохранит ее душу Бог-Император.

Когда я вошел, Долос вскинула глаза, изображая изумление.

– Кайл, – произнесла она. – Пожалуйста, присаживайтесь.

Обращение по имени удивило меня. Тем не менее, это был приказ. Я опустился на стул напротив и заспанными глазами пораженно осмотрел декор. В цветовой палитре комнаты преобладали сочно-красные тона и полированное золото, включая золоченые рамы, в которых размещалось множество картин. Однако у меня было мало времени задерживаться на них, поскольку я не сумел оторвать взгляда от растения, занимавшего почетное место на сервированном к завтраку столе.

Оно было высоким и таким широким, что почти заслоняло от меня Долос. Насыщенно-зеленые листья покрывали янтарные крапинки, а соцветия были розовыми и сморщенными, похожими на крошечные рты. В каждом находились десятки спелых ягод. Пахли они довольно маняще, их кожура была гладкой и лиловой, а мякоть имела соблазнительно-голубой оттенок.

Именно ими и завтракала Долос, хотя я был слишком сбит с толку, чтобы испытывать особый аппетит. Она же не питала подобных сомнений и поела плоды, пачкая подбородок соком. Рядом с ней стоял лакей, державший в руке тряпку и мастерски перехватывавший все капли, которые бы запятнали ее наряд, а также отщипывавший новые ягоды. Я отметил, что он был в кольчужных перчатках – видимо, для защиты от невидимых шипов растения.

– Ммм, – воскликнула она, а лакей тем временем промокнул ей подбородок. – Не голодны, Кайл?

– Пока нет, я только что проснулся.

– Жаль, это редкий деликатес, – сказала Долос, поднимая ягоду. – Вдохновляют разум и дарят живые сны.

– Приятные сны?

– По большей части, – отозвалась она. – От образов определенно дух захватывает. Что такое вообще на вас надето?

– У меня не было времени одеться как следует, – ответил я, и мой взгляд метнулся на спасительную дверь. – Простите меня, губернатор. Я удалюсь и не вернусь, пока не буду облачен надлежащим образом.

– Ерунда, – произнесла она. – Человек вашего положения может носить все, что захочет.

- Положения? - Я нахмурился, и один из лакеев налил мне благословенную чашку рекафа.

- Именно. - Она улыбнулась. - Знаете, прошлой ночью вы были довольно неучтивы.

- Пожалуйста, я не...

- Вообразить только, вы скрыли, что являетесь прямым потомком губернатора Цанвиха, - продолжила она и вскинула руку, прежде чем я успел запротестовать. - Знаю, вы держались скромно, и это похвально. Но подумайте о стыде, который я ощутила, узнав, что кровного родственника губернатора определили на тридцать седьмой этаж. Приговорили к жилью, более подходящему для офицера или слуги высокого уровня. Право же, я бы не смогла показать лицо на публике.

- Кровный родственник? - Я нахмурился. - Не уверен, что это верно.

- Это совершенно верно, - настаивала она, и ее голос вдруг стал резким. - Мы ведем скрупулезные записи. Стоит признать, в них не содержится подробностей о вашем семействе, однако, связавшись с Адептус Администратум, я подтвердила, что вы действительно находитесь в череде преемников губернатора Цанвиха, когда он в конце концов перейдет в объятия Бога-Императора.

- В самом деле? Я понятия не имел.

- Абсолютно. При условии, что тридцать четыре его оставшихся ребенка, всевозможные их отпрыски, а также множество кузенов, племянников, сводных родственников и их семей скончаются раньше, вы следующий в очереди. Четыре тысячи трехсотый, согласно нашим расчетам.

- Ясно, - произнес я, опустив взгляд на дымящийся рекаф. Ее слова являлись бы одновременно шокирующим откровением и пустячным фактом, поверь я им. Однако я сомневался в своей связи с семьей Цанвиха еще задолго до того, как ступил на Бахус. Это казалось немного чересчур удобным, а я по опыту знал, что мое начальство легко подделывает записи при необходимости. Тем не менее, я не стал пытаться поправить Долос. Как-никак, эта ошибка вряд ли усложнила бы мне жизнь.

- О вас будут много говорить на Банкете Урожая, - продолжила она, но я уже не обращал особого внимания. Мизар покалывал границу моего сознания, машинный дух черепа-наблюдателя засек нечто такое, что счел интересным.

Я проигнорировал его и сосредоточился на губернаторе. Видимо завершив трапезу, она встала, и камеристка накинула ей на плечи одеяние.

- Итак, не считая этого вечера, каковы ваши планы на день? - поинтересовалась Долос. - Вам требуется обустроить студию пикт-записи? Я ведь могла бы освободить конюшни, лошади все равно поголовно погибли.

- Нет, мои черепа-наблюдатели - это все, что мне нужно, - сказал я и пожал плечами. - Однако я не знаю, как записать воздушный бой. Предпочитаю быть очевидцем разворачивающихся событий, но мне не поспеть за их машинами.

- Ну, летать медленнее они откажутся, уж поверьте, - отозвалась она, скользнув за раскладную ширму с изображением победы Бога-Императора над Архизмеем, нарисованным в виде рептилии, которая корчилась под золотым сапогом, злобно распахнув свой единственный глаз. За губернатором последовали трое слуг, несших лиф и корсет.

- Мне необходимо быть наверху с ними, - произнес я, не отрывая глаз от рекафа.

- Вы умеете летать?

- Нет.

- Что ж, если бы и умели, я сомневаюсь, что они позволят гражданскому действовать в их воздушном пространстве. Они даже пытаются ограничивать мои экскурсии. Можете себе представить?

Я мог, но не сказал об этом.

- Почему бы не попросить их взять вас с собой? - продолжила Долос.

- Я не знаю, как вообще подойти к чему-то подобному.

- Поговорите с командиром авиакрыла Просферусом, - отозвалась она из-за ширмы. - Как-никак, помогать вам - его работа.

- Подозреваю, он смотрит на это иначе.

- Несущественно. Это не его планета, а моя, и я считаю вашу работу приоритетной. Честно говоря, командуящий и люди вроде него уже слишком долго злоупотребляли моим гостеприимством. Я отчасти подозреваю, что они затягивают эту войну, чтобы пользоваться моими винными погребами. Пора им оказать ответную услугу.

Она возникла в пышном наряде. Колышущееся одеяние поддерживали помощники. Ее новая маска и головной убор были созданы в подражание грозовым тучам, щеки окантовывали молнии.

- Мы переговорим с Просферусом и проинформируем его о ваших потребностях.

- Вы уверены, что он примет нас?

- Он примет нас, когда я скажу, - сурово ответила она. - А теперь одевайтесь. Время напомнить командиру авиакрыла, кто на самом деле руководит.

Командир авиакрыла Просферус пристально смотрел на меня с противоположного края своего стола.

Опыт был не из приятных. Я бы описал его взгляд как хищный, вот только это бы передавало ощущение голода или жажды, а я не видел признаков подобного. Его глаза скорее напоминали клинки: холодные, острые и смертоносные в своем безразличии. Мне помогало то, что губернатор Долос также присутствовала, поскольку это вынуждало его дробить внимание и пронзать нас взглядом поочередно. Губернатор казалась невосприимчивой к этому: несомненно, в свое время она переживала куда худшее. Однако меня кто-либо влиятельный не рассматривал со столь плохо скрытым презрением уже много лет. С самого ученичества, хотя я надеялся, что, в отличие от моего бывшего наставника, командир авиакрыла Просферус воздержится от того, чтобы бить меня по голове.

Я прочистил горло.

- Сэр, если бы я мог...

Он вскинул руку. Этот жест заставил меня умолкнуть так же эффективно, как пуля в висок.

- Пропагандист Симлекс, - произнес он. - Полагаю, вы простите мне, что я не встретился с вами раньше. Но сейчас идет война. Настоящая война, а не постановочный конфликт для пикт-экранов,

растрачивающий ценные ресурсы. Это реальность, жизнь и смерть.

- Да, сэр. Я понимаю.

- Хорошо. Тогда позвольте мне выражаться прозрачно. Мы - единственный аэродром на много лиг и в данный момент поддерживаем два наступления, на каждом из которых наблюдается повышенная активность. Мне только что сообщили, что в нашем направлении движется несезонный грозовой фронт, а я все еще ожидаю пополнения запасов ракетных контейнеров. Вдобавок, две моих машины сейчас затребованы для обеспечения логистической поддержки банкета губернатора Долос.

Он на миг яростно глянул на нее, а затем продолжил:

- И все это было до сегодняшнего утра, когда «Валькирия» едва не снесла крышу губернаторского шато.

При этих словах Долос застыла. Ей явно еще не доложили о происшествии. Просферус не полностью спрятал улыбку от ее дискомфорта.

- Я видел, - сказал я. - Как ваши солдаты?

- Это не мои солдаты, - ответил Просферус. - Отпрыски Темпестуса входят в Милитарум Темпестус. Тем не менее, сейчас они назначены сюда и формально находятся под моим командованием. А что, надеетесь раздобыть кадры их ранений, чтобы граждане поглазели?

- Нет, сэр.

- Хорошо, - произнес он. - Потому что эти люди рисковали своими жизнями, и если бы они не... ладно, это информация не для вас. В нынешнем положении я вынужден наспех собирать пилотов и машины для ответа.

Он действительно этим занимался. Мизар продолжал парить над шато. Посредством его ока я видел, что по всему лагерю, словно насекомые, роятся наземные бригады, снаряжавшие «Громы» и истребители «Молния».

- Понимаю, сэр.

- Тогда вы понимаете, что я мало что могу для вас сделать. Не стесняйтесь делать пикты взлетающих самолетов, а если сумеете разыскать офицера не на службе и снабдить его достаточным количеством алкоголя, то он, уверен, поделится парой анекдотов. Разумеется, я затребую финальное одобрение всего, что вы создадите. Разойтись.

Его тон не располагал к спорам. Я уже вставал, когда рука губернатора Долос ткнула меня в грудь, пихнув обратно на стул. Долос сверкнула глазами на Просферуса из-под своего головного убора в грозовом убранстве.

- Нужно ли мне напоминать вам, командир авиакрыла, что мы не ваши солдаты? Это мой дом. Более того, это мой мир. Вы не можете меня прогнать.

Просферус яростно уставился на нее.

- Я в полной мере это сознаю, - выговорил он сквозь сжатые зубы. - Я отпускал Симлекса.

- Не вам его отпускать.

Они неотрывно глядели друг на друга: двое гладиаторов, оценивающих противника, практически позабыв о внешнем мире. Я надеялся, что они так же легко позабудут и обо мне, поскольку стремился оказаться где-нибудь в другом месте. Синхронизовавшись с Мизаром, я осматривал небо на случай, если еще одна «Валькирия» врежется в шато и принесет мне избавление, но видел только группы отправляющихся «Молний» и «Громов». Разбившуюся «Валькирию» забрали, а ее замену готовили к старту. Наземный персонал заряжал тяжелые болтеры и дозаправлял баки с прометием.

Губернатор подалась вперед, положив локти на стол.

- Командир авиакрыла, пропагандист Симлекс находится тут по распоряжению самого губернатора Цанвиха. Ему приказано создать пикт об Аэронавтике Империалис.

- В самом деле? - отозвался Просферус, приподняв бровь.

- Мои источники подтвердили это, а вы знаете, как тщательно я вникаю в подобные вопросы. Он здесь с благословения губернатора. Более того, он здесь от его лица.

Просферус скользнул по нам взглядом, откинулся на стуле и со вздохом провел рукой по редющим волосам.

- Чудесно, - пробормотал он.

- Пропагандист Симлекс нуждается в нашей поддержке, - сказала Долос. - Я заверила его, что предоставлю все необходимые для успеха ресурсы. Что ж, если понадобится, всю территорию можно расчистить от того, что не служит этой цели. И пусть я и не командую вашими войсками, мой голос имеет вес по всему этому сектору, у бесчисленного множества как аристократов, так и чиновников Администратума, а также у неисчислимых офицеров в Астра Милитарум. Интересно, как они отреагируют, узнав, что вы противодействуете проекту губернатора Цанвиха?

Это была мягкая, но пугающая угроза. Не могу делать вид, будто полностью понимаю разделение власти в Империи, однако мне известно, что любая значимая операция требует сотрудничества между различными его департаментами. Один адепт Администратума, получив соответствующие указания, мог бы не туда положить документы, необходимые для пополнения запасов на передовой, и обречь кампанию на провал.

Небрежная реплика губернатора Долос граничила с ересью. По крайней мере, это можно было выставить в таком свете. Но кроме того, она являлась планетарным губернатором, которого назначили именем самого Бога-Императора. Она могла править Бахусом, как полагала уместным. Просферус же был просто солдатом, гостем в ее доме и на ее планете. Теоретически, начни она мешать конфликту, он мог бы арестовать ее как предательницу. Но ровно с той же вероятностью она могла сбить его наступление и приземлить его машины одним лишь словом в нужное ухо.

Продолжая молиться, я бросил взгляд в окно. Однако там не было никаких признаков того, что передышка на подходе. В сущности, в воздух уже поднялись и остальные истребители, только «Валькирию» все еще готовили. Через Мизара я изучил трио приближавшихся летчиков, одетых в знакомые комбинезоны и возглавляемых командиром звена Градеолусом. Хотя он уже не был заточен в кабине, выражение лица указывало, что его настроение мало улучшилось.

- Симлекс?

Упоминание моего имени резко вернуло меня обратно в комнату, где на меня свирепо смотрел командир

авиакрыла Просферус.

- Да, сэр?

- Похоже, губернатор Цанвих весьма привержен этому проекту. Необычно.

- Да, сэр, - сказал я. - Могу ли я говорить откровенно?

Он пожал плечами. Я счел это согласием.

- Определенные стороны на Гедоне обеспокоены продвижением военных действий, - произнес я. - Им кажется, что это плохо отражается на субсекторе. Пикт был отчасти заказан для того, чтобы унять эти опасения и продемонстрировать, что имперская военная машина восторжествует.

Долос пнула меня под столом. Я вздрогнул, но Просферус, похоже, не обратил внимания. Он откинулся на стуле, впериw глаза в потолок. С его губ сорвался странный звук, как будто что-то застряло у него в горле. Мне потребовалась секунда, чтобы осознать, что он хихикает или пытается сделать нечто подобное.

- Ну конечно, - кивнул Просферус. - Когда планета в осаде, лучший подход - это заказать пикт, преуменьшающий опасность. Не тратить время на дополнительные ресурсы или живую силу, или даже обращение за помощью к Адептус Астартес.

Казалось, он углубился в раздумья. Я кинул взгляд на губернатора Долос, но та была совершенно неподвижна. Будучи аристократкой, она привыкла к дипломатии и знала, когда делу лучше способствуют дерзкие слова, а когда подчеркнутое молчание.

- Чего конкретно вы просите? - пробормотал Просферус. - Быстрый парад? Кадры проноссящих мимо самолетов? Я могу дать вам краткое интервью, но отказываюсь обсуждать с гражданским зону активных боевых действий.

- Это весьма щедро, сэр, - сказал я. - Но я не хочу беспокоить вас или мешать военной операции. Мне поручено зафиксировать правду о конфликте, а не срежиссированный спектакль.

- Правду? - отозвался он. - Вы видели подлинное лицо войны?

- Я бывал на полях сражений, сэр.

- В ходе конфликта?

Я помедлил.

- Около того, сэр.

- И этот ваш пикт, это точное изображение войны - именно такого хочет губернатор?

- Поэтому меня и выбрали.

- Хмм, - произнес Просферус, не вполне поверив мне. Это было справедливо, так как губернатор Цанвих не предоставил подробностей в отношении своих кинематографических предпочтений. В ходе нашего краткого обсуждения он посвятил первые несколько минут гневному разглагольствованию о том, что проклятые пораженцы ослабляют торговлю в секторе, и ему нужен пикт, чтобы заставить их умолкнуть. Оставшееся время он потратил на выговор слугам за то, что те позволили солнцу сесть так рано, и

требования перепланировать свою резиденцию и снести соседние здания, чтобы его балкону достался еще час вечернего света.

Тем не менее, он действительно одобрил проект и уполномочил меня от своего имени. Я мог доказать это его наспех накорябанной подписью на документах о задании.

- Я читал ваше досье, Симлекс, - сказал Просферус, доставая из своего стола инфопланшет.

- Сэр?

- У вас есть некоторая репутация. Признаюсь, я смотрел пару ваших пиктов, и один из них, в сущности, использовался при обучении в качестве образцового примера. Но судя по тому, что я видел, вы прибываете, когда бой закончен. Вы видите результаты.

- Это правда, сэр.

- Реальная война идет не по сценарию. В ней есть хаос, неожиданные повороты событий и возможности. Даже в наземной войне вы не смогли бы впитать весь масштаб сражения. Как вы рассчитываете записать войну, ведущуюся в тысячах футов у вас над головой на скоростях, которых вы не в состоянии осмыслить?

- Согласен, это нелегко. Но я худощав и уверен, что смогу втиснуться...

- Думаете, в наших самолетах просто так есть запас места? - спросил он. - Каждая унция - это бремя, снижающее скорость и дальность действия. Собираетесь приткнуться в уголке? А что будет, если машина попадет в бой? От вас останется только размазанное пятно на внутренней стороне корпуса, при условии, что ваше переломанное тело не попадет в действующего пилота. Это не обсуждается.

- Что насчет «Валькирии»?

Просферус свирепо глянул на меня.

- А что насчет нее?

- Я так понимаю, у нее значительная транспортная вместимость? Насколько я вижу, загружающееся отделение неполное. Может быть, там найдется место еще для одного человека?

Он уставился на меня. Выражение его лица изменилось. Возможно, это было уважение? Скорее подозрительность.

- И откуда же вы это знаете? - поинтересовался он.

- У меня есть глаза снаружи, - ответил я, поскольку Мизар пристально наблюдал за вскоре отправляющимся самолетом. Наземная команда проводила финальные проверки вооружения, а рядом с машиной несгибаемо стоял командир звена Градеолус, сцепивший руки за спиной. Он отдал четкий салют, орудя своей рукой так же ловко, как клинком мечника. Его спина была обращена к самолету, и я не видел, кому он салютует. Возможно, Градеолус отрабатывал формальности, поскольку он повторил жест с небольшими изменениями.

- Вы хоть представляете, куда отправляются эти солдаты? - спросил Просферус. - С чем они столкнутся? С какой вероятностью вернуться назад?

- Нет, - ответил я. - И мне это не нужно. Я лишь хочу увидеть этих верных служителей Империи в

деле. Я с радостью отдам материал вам на просмотр, сотрите все, что сочтете вредящим военным действиям. Все, чего я желаю – возможности показать отвагу и мастерство ваших солдат.

- Вы понятия не имеете, с какими опасностями это связано.

- Верно, сэр, – сказал я. – Но если это так ужасно, как вы говорите, то, вероятно, отобьет у меня охоту чего-либо просить от вас впредь. А если я умру, вам больше не понадобится удовлетворять мои прихоти.

- В самом деле? – поинтересовался он с легкой улыбкой. – Ведь если губернатор Цанвих узнает, что я был ответственен за...

- Я подпишу присягу, подтверждая, что воспользовался его полномочиями для получения этого направления, и приму полную ответственность за любые последствия. Включая мою безвременную смерть, но не ограничиваясь ею.

Пока я говорил, губернатор Долос подалась вперед.

- Нам нужно это обдумать, – произнесла она. – Работа господина Симлекса очень важна, но я не думаю, что губернатор Цанвих захотел бы рисковать его жизнью.

Командир авиакрыла Просферус не ответил. Его лоб был наморщен, и, похоже, он взвешивал варианты.

- Вы примете полную ответственность, если произойдет что-либо нежелательное?

- Да, сэр.

- И какой бы материал вы ни сняли, я могу его просмотреть и отцензурировать, как сочту уместным?

- Это так, сэр.

- А если вы умрете, этому всему конец?

- Да, сэр, – кивнул я. – Хотя я и доверяю навыкам командира звена Градеолуса.

- Даже если так, это не... – Просферус сбился, и хмурое выражение на его лице усугубилось. – Вы сказали, командира звена Градеолуса? – переспросил он.

- Да, сэр. Он снаружи. Полагаю, он пилотирует самолет?

- Градеолус! – взревел командир авиакрыла, встав и с грохотом направляясь к окну.

Глядя глазом Мизара, я увидел, как командир звена застыл на середине салюта. Он обернулся к окну и повторил жест, когда из шато высунулась голова Порферуса. Мы находились самое меньшее пятьюдесятью этажами выше, однако крик того без труда долетал.

- Градеолус, какого черта вы там делаете?

- Сэр! Я готовился к отправлению, сэр.

- Вы не летаете на «Валькириях», Градеолус. Только не после прошлого раза.

- Сэр! Это была не моя вина! Посадочную полосу повредили. Несомненно, чтобы замарать мое честное имя. Я не несу ответственности за ущерб...

- Не желаю этого слушать. Разойтись.

Мизар наблюдал, как Градеолус отдал не столь четкий салют и побрел прочь. Как и все хорошие пропагандисты, я избегаю сопереживать объектам, чтобы не скомпрометировать свою работу, однако невольно почувствовал привкус сочувствия к этому человеку.

Командир авиакрыла Просферус втянул голову обратно в комнату и захлопнул окно. Я ощутил, как губернатор Долос рядом со мной напряглась от этого звука, но стекло выдержало.

- Сохрани нас Император, - пробормотал Просферус, а затем яростно посмотрел на меня. - «Валькирия» отправляется через тридцать минут, при условии, что я смогу найти пилота. Я хочу, чтобы ваша подписанная присяга оказалась у меня в руках до того, как вы взойдете на борт машины, а когда она поднимется в воздух, вы будете выполнять приказы без вопросов. Ясно?

- Да, сэр.

- Хорошо. А теперь, если вы меня извините, нужно выяснить, кто разрешил Градеолусу лететь.

Мы встали, а он взял со стола вокс-гарнитуру.

- Пусть администратор набросает Свидетельство Жертвы: на этом задании будет кое-какой дополнительный вес. И кто-нибудь, разбудите командира звена Шард. Скажите ей, что ее отдых отменяется, сегодня она летит на «Валькирии».

Глава 7

Я торопливо подписал Свидетельство Жертвы, едва глянув на текст. Немыслимый поступок для всякого, кто хоть немного понимает махинации Администратума. Но я боялся, что любую задержку сочтут поводом отбыть без меня. Чернила еще не высохли, а я уже мчался по особняку, ощущая на себе взгляды наземного персонала. Грязь цеплялась за ботинки, позади подскакивал Мизар, почти что радостно гудевший своим антигравитационным импеллером. Я мельком заметил старшего сержанта Плайнта, руководившего уборочной бригадой. Он помахал рукой, но я смог лишь кое-как кивнуть в ответ, сконцентрировавшись на «Валькирии».

Отпрыски Темпестуса уже грузились на борт. Их было четверо; пятеро, считая руководившего ими темпестора. Я предположил, что это свежее отделение, которому поручено отомстить за павших товарищей. Затем у темпестора с плеча съехала шинель, и показалась культия на месте правой руки. Это были те же самые солдаты, что разбились несколько часов назад, все еще облаченные в свою потрепанную броню.

Темпестор наблюдал, как я суетливо приближаюсь, спотыкаясь от истощения сил.

- Пропагандист Симлекс? - спросил он.

Его тон удивил меня. Мне казалось, что он должен быть раздражен моим присутствием. Возможно, так и было, но ни единого намека на это не прослеживалось в голосе, и глаза ничего не выдавали. Я кивнул, не доверяя самому себе говорить. Дыхание до сих пор было судорожным.

- Я темпестор Татон. Я буду руководить этой миссией. На ее протяжении вы будете исполнять мои приказы.

Это была не просьба.

Я снова кивнул, хрипло выдавив: «Да, сэр».

Он согласно наклонил голову и поманил меня в транспортный отсек «Валькирии». Внутри располагалось двенадцать кресел, но даже при половинном заполнении было тесно. Воздух лоснился от пота, вонь невымытых тел смешивалась с вонью болота. Отпрыски сидели молча, хотя я отметил, что у одного из них подергивались губы, словно он беззвучно декламировал не выраженный словами гимн. В его руке была зажата веревка с молитвенными четками.

Я прошел мимо, задевая в тесноте их ноги. Мизар, покачиваясь, следовал позади. Я направился на дальний конец, ближайший к кабине. Пока я застегивал летную обвязку, у меня дрожали пальцы. Мизара было никак не зафиксировать, поэтому я пристроил череп на коленях, обвив его руками, будто заботливая мать. Торчащие механические придатки впивались в бедро.

Понемногу стук в груди успокоился, а дыхание вернулось к некоему подобию нормы. Ожидая гула турбовентиляторов машины, я почувствовал, как на губах невольно появляется улыбка. Вот оно. Момент, который я буду вспоминать. Мой первый полет.

Шли минуты. Десять. Может быть, двадцать. Я ощутил, что улыбка медленно угасла, а моя нога постукивала по полу, пока один из Отпрысков не посмотрел на нее, заставив замереть. Это был не совсем яростный взгляд, но достаточно близко к нему, чтобы донести мысль.

Сохраняя неподвижность, мы ждали. Прочие пассажиры не выглядели обеспокоенными, их устраивало нести безмолвное бдение. Взгляды Отпрысков вызывали у меня тревогу, и мой собственный переместился на заднюю аппарель машины, которая продолжала висеть в открытом положении, давая обзор на территорию.

Сквозь отступающий туман я заметил командира звена Шард. Она направлялась к самолету. Или пыталась. Ее путь в целом пролегал к «Валькирии», но временами она сбивалась с курса, словно ее ногами управляли разные люди, имевшие между собой лишь ограниченную связь. Едва не споткнувшись о ножны своей сабли, она влетела в группу празднично болтавшегося наземного персонала. Пока ей помогали подняться, она выдернула у ближайшего человека палочку лхо и вдохнула, а затем выхватила у другого дымящуюся чашку рекафа. Сделала долгий глоток и выплеснула остатки себе в лицо. Я вздрогнул, но она не отреагировала на обжигающую жидкость. До тех пор, пока не попробовала сделать еще одну затяжку из палочки лхо и не осознала, что та погасла. Последовавшую брань было слышно даже изнутри «Валькирии».

Один из членов наземной бригады заговорил с ней. Я не услышал вопроса, но ее ответ ошеломил его. Он отступил назад, нахмутив лоб, но Шард поманила его к себе обеими руками, и ее рот скривился в усмешке.

Он дал ей пощечину.

Из-за сработавшего инстинкта, а также галантности, о наличии которой у себя я не знал, я вскочил, или попытался это сделать, но летная обвязка прижала меня к креслу, едва не придушив стропой в процессе. Шард же тем временем пошатнулась от удара, но восстановила равновесие и свирепо глянула на нападавшего.

Она что-то сказала. Он покачал головой и протестующе вскинул руки, но она настаивала, подставляя щеку и постукивая по отвороту, явно демонстрировавшему ее звание.

Он вздохнул и снова ударил ее. На сей раз сильнее, едва не сбив с ног. Она бы упала, если бы не

ухватилась за его форму и не вздернула себя в вертикальное положение, пока они не оказались лицом к лицу.

Шард кивнула и благодарно похлопала его по плечу, а затем развернулась и шаткой походкой двинулась к машине. Шла она чуть прямее, на бледной коже щеки осталось красное пятно от пощечины и дымящегося рекафа. Она выпала из поля зрения, но мгновение спустя я услышал звук открывающейся кабины, который сопровождался непрерывным потоком ругательств и угроз, пока штурману не хватило здравого смысла отключить вокс-канал.

Аппарель поднялась, и я глянул на Отпрыска напротив себя. Всего на миг его стоицизм сбилась, и в глазах мелькнуло что-то между неверием и смирением. Когда он поймал мой взгляд, это выражение исчезло, сменившись стальной решимостью, как у его товарищей.

И все же, когда самолет задрожал и неуклюже поднялся в небо, я не мог не обратить внимания, что набожный Отпрыск сжал свои четки еще крепче.

Не знаю, как долго мы летели. Там не было окон, оповещений или разговоров - никаких способов отмечать ход времени. Тем не менее, невзирая на мои опасения, Шард казалась способной вести «Валькирию». Определенно, она управлялась с машиной лучше, чем с собственными ногами. Наше путешествие шло плавно, при иных обстоятельствах оно могло бы быть усыпляющим. Однако летная обвязка врезалась мне в грудь, а Мизар продолжал возиться, скребя по моим ногам своими конечностями.

Я поймал себя на том, что мои глаза задерживаются на других пассажирах, хотя это слабо меня успокаивало. Я постоянно кидал взгляды на их побитую броню и перевязанные раны. С момента крушения прошло всего несколько часов, но отделение направлялось обратно, несмотря на серьезные травмы. Что могло иметь такое значение?

А главное, почему нельзя было отправить никого другого?

Последнее выводилось несложно: это задание не могли доверить обычным солдатам. Но почему же тогда мне разрешили их сопровождать? До отбытия я не задавался этим вопросом, но теперь представлялись два варианта. В первом, с какими бы тайнами ни была сопряжена миссия, они настолько выходили за пределы моего понимания, что я не создавал угрозы их раскрытия. Или же, во втором, я точно должен был умереть, тем самым устранив проблемку командира авиакрыла Просферуса.

Я сдвинулся, пытаясь дать передышку ноющим ягодицам, и обнаружил, что встретился взглядом с холодными, жесткими глазами одного из Отпрысков. Вдруг возник третий вариант. Выполнив задание, группа попросту избавится от меня и оставит мой труп падальщикам. Как-никак, я ведь подписал Свидетельство Жертвы.

Я задумался, сделают ли короткий пикт, воспевающий мой труд. У пропагандистов было весьма обычным делом чтить коллег подобным образом, хотя с учетом моего нынешнего везения, это, вероятно, поручили бы пропагандисту Капсуле - человеку, печально известному тем, что он описал славную геральдическую расцветку Адептус Астартес как «слишком аляповатую для пикт-экрана».

С треском ожил вокс:

- ... *еще этого проклятого Богом-Императором вина*, - услышал я кислое бормотание Шард, а затем

она заговорила с чуть более позитивной интонацией. – *Приветствую всех. Мы в паре миль от точки встречи и будем там через несколько минут. Могу ли я осведомиться, чего ожидать по прибытии?*

Тишина.

– *Эй, кто-нибудь?* – окликнула она. – *Если мы ждем эскадрилью орочных самолетов, было бы мило знать об этом заранее.*

Снова тишина, хотя пара Отпрысков переглянулась. Впрочем, учитывая их кажущуюся неспособность к человеческой мимике, я не уверен, что этим подразумевалось.

– *Я еще жду,* – упорствовала Шард. – *Я даже не должна была лететь этим утром. До тех пор, пока тот идиот не решил дать себя сбить. Как его звали? Пекард? Пекари? О, вспомнила – похер.*

Один из Отпрысков бросил взгляд на темпестора Татона.

– Сэр? – произнес он. Это было первое слово, сказанное ими с момента моей посадки на борт.

Татон свирепо посмотрел в направлении кабины.

– *Алло? Там вообще кто-то есть? Если это какая-то шутка, и я катаю пустой грузовой трюм, то буду очень недовольна.*

– Миссия по вывозу, – отрывисто и резко отозвался Татон. – Забрать один груз. Второстепенная цель: спасти наших оперативников, но при необходимости они расходный материал, как и мы. А теперь замолчите и доставьте нас туда, пока я не пристрелил вас за нарушение субординации.

В воксе протрещал ее смешок.

– *Расслабьтесь. Мы прибыли.*

Задняя аппарель внезапно откинулась, слепя дневным светом. Я заслонил глаза, но Отпрыски невозмутимо расстегивали обвязки и закрепляли шлемы на месте. Я едва слышал их за ревом турбовентиляторов «Валькирии», а от крепкого смрада болотной воды у меня чуть не вывернуло желудок.

На коленях задергался Мизар. Прошептав команду, я освободил череп-наблюдатель. Он скользнул мимо Отпрысков, заняв позицию у кормовой аппарели, и его немигающим оком я наконец-то узрел пункт нашего назначения. Передо мной пролегла знакомая желтовато-красная топь, бесконечно тянувшаяся по всему Бахусу. Впрочем, она была далеко не безжизненной: трясину пронизывали шипастые свилевые лианы, геометрическое расположение которых указывало на предшествующее культивирование. Однако теперь растительность распространялась бесконтрольно, поражая своими лозами окрестное болото, словно злокачественная опухоль. Насекомые, часть из которых была длиной с мою руку, сновали между шипов, волоча по зловонной воде свои хоботки и прихлебывая грязь.

Стало слышно, что внутри машины темпестор Татон выкрикивает приказы. Слова были мне непонятны: какой-то боевой код, известный его солдатам. Однако двое из них без колебаний спрыгнули в воду. Та была глубже, чем я ожидал, и доходила им почти до груди, вынуждая держать оружие повыше. Пара с отработанной точностью двинулась вперед, сканируя болото мультиспектральными оккулурами, установленными рядом со шлемами.

Я услышал, как один из них что-то воскликнул, и сразу же вслед за этим из глубины вытянулось

щупальце, которое прижало его руки к бокам и утянуло солдата вниз. Из самолета уже успел выскочить третий Отпрыск с обнаженным ножом. Он нырнул в трясину под прикрытием своего неподвижного коллеги, втыкая клинок в конечность. Из воды появилось двое бойцов – один убирал оружие в ножны, второй возобновил дозор, словно ничего и не произошло, хотя его нагрудник теперь украшали следы от присосок. Между ними я увидел аморфную тень, которая покачивалась в воде, окрашивая ее своей кровью в чернильно-черный цвет.

В тот момент я поклялся, что никогда по своей воле не ступлю в болото.

Трое Отпрысков разошлись, четвертый спрыгнул позади них, чтобы прикрыть тыл. Внутри «Валькирии» остался только Татон, сосредоточенно глядевший на свой ауспик. Он что-то искал.

Сенсоры Мизара охватывали большую часть электромагнитного спектра. Однако ни от тепловых датчиков, ни от структурной съемки не было особого толку в болоте. Вода то ли кишела жизнью, то ли содержала такой объем мертвых остатков, что воспринималась как органика. Как бы то ни было, эта среда с трудом поддавалась анализу, и мне представляется, что ауспик Татона интерпретировал окружающую обстановку как одну огромную, неопределенную жизненную форму.

Я синхронизовался с Мизаром, силясь понять невообразимые варианты обзора, отображенные пиктограммами. До меня дошло, что раньше я пользовался от силы половиной из них – казалось, что от них нет особого проку, поскольку я стремился к материалу, видимому человеческим глазом. Я двигался через разнообразные спектры, открывая для себя поразительные цвета, которые отдавали медью и полузабытыми грезами. Но ни в чем из этого не было никакого смысла, и я переключал их, пока кое-что не привлекло мой взгляд.

В воде в дюжине футов от нас было свечение. Пузырь, выделенный синим цветом – где-то четыре фута в диаметре и полностью погруженный.

Внутри него что-то мерцало злым зеленым светом.

Я отключился от черепа-наблюдателя. Татон передо мной до сих пор был сосредоточен на своих сканах.

– Я... Там в воде что-то есть.

Он не воспринял мои слова.

– Это сложно увидеть, – продолжил я, а Мизар проплыл над как будто произвольной точкой болота, где фиксировалась активность. – Не могу сказать, есть ли признаки жизни. Но там пузырь, и что-то внутри него. Может быть, источник энергии, но... не знаю. Не могу разобраться...

Я умолк. Я не жрец Адептус Механикус и обладаю лишь поверхностными познаниями в их тайной науке. Однако я достаточно часто смотрел глазами Мизара, чтобы узнавать форму и структуру имперских технологий. Зеленый свет выглядел неправильно. Он был грубым и первобытным, хоть и не менее мощным от этого. Энергия вела себя нестабильно, напоминая скорее не очаг, а пожар.

Я думал, что Татон меня не слышит, пока он не рявкнул команду, и двое членов отделения сошли к тому месту, где задержался Мизар, и погрузились глубже в воду. Ведущий, плечи которого уже еле-еле возвышались над болотом, передал другому свое оружие, а затем достал из ножен нож и нырнул в трясину. Казалось, он пробыл под водой целую вечность, дыша лишь благодаря шлему. Остальное отделение стояло неподвижно, начеку.

Затрещал оживший вокс. Голос Шард, но без сардонических ноток.

- У нас гости. В паре миль. Но приближаются.

- Самолеты? - проворчал Татон.

- Нет. Наземные. При условии, что эта выгребная яма считается землей.

- Нам нужно больше времени.

- Никаких проблем. Я просто включу наше хронополье и создам для вас больше времени. Хотите пару минут, или забредем на несколько тысячелетий назад и посмотрим на Объединение Терры?

Темпестор не ответил. Отпрыски погрузились в болото поглубже, так что на виду остались только головы и оружие, а их нырнувший товарищ тем временем продолжал трудиться. Посредством Мизара я видел, как он рубит синий пузырь, но клинку не удавалось пробиться насквозь.

Внутри что-то шевельнулось.

- Они ускоряются. Еще две минуты, прежде чем они на нас навалятся.

Я заставил Мизара подняться выше, осматривая болото вокруг. К узловатой растительности цеплялся гнетущий слой тумана, и линзы сервоочерепа не могли преодолеть его, пока тот не оказался над отвратительным пологом, откуда открывался горизонт.

Я увидел дым. Он накатывался из тумана огромными извергающимися облаками, маравшими небо. Я задействовал телескопические объективы Мизара и заметил очертания примитивных аэроботов, которые приводились в движение массивными турбовентилляторами, отчасти схожими с теми, что стояли на «Валькирии». Единство конструкции отсутствовало: каждый из них выглядел собранным из переработанного металлолома, однако в их скорости сомневаться не приходилось. Из-за брызг и дыма было сложно опознать пассажиров. Они сильно превосходили человека в ширину, и я заметил проблески зеленой кожи.

- Орки, - прошептал я.

Я не думал, что меня кто-нибудь слушает. Однако вокс с треском ожил:

- Еще раз?

- Орки, - повторил я, желая, чтобы голос звучал ровно. - Они едут на какой-то разновидности аэроботов. Четыре корабля, может пять. Не могу быть уверен, слишком много дыма.

- Кто это?

- Пропагандист Симлекс, - пробормотал я, а машины тем временем устремились вперед. - Мы встречались вчера, пусть и коротко.

- Какого черта вы там делаете? Сели не на тот самолет?

- И впрямь похоже на то.

Они были уже ближе, и шлейфы дыма стали видны Татону. Тот бросил на меня взгляд через плечо.

- Они движутся к нам?

- Думаю, да.

- Какого цвета дым?

- Черный. Нет, есть зеленый оттенок.

- Чудесно, сигнал. Вы понимаете, что мы тут на виду? Если эскадрилья орочьих истребителей нас заметит, мы покойники.

Татон проигнорировал ее и обратился ко мне:

- Прочешите периметр. Есть еще на подходе?

Я синхронизовался с Мизаром, и его сенсоры прошли по болоту.

- Да, - произнес я. - Другие аэроботы, приближаются... оттуда. С востока. Не могу сказать, идут ли с запада: из-за грозовых туч трудно увидеть дым.

Я ощущал странное спокойствие, словно опасность была не вполне реальной. Это чувство посещало меня уже не в первый раз. Подозреваю, это побочный эффект от восприятия мира через немигающее око Мизара, чья холодная рациональность уравнивает мою человеческую слабость. Но когда орки приблизились, я услышал шум их двигателей, который походил на звук циркулярных пил, режущих камень. Еще хуже был их боевой клич: множество гортанных голосов сливалось в радостной кровожадности.

Именно тогда я почувствовал страх. Во рту пересохло, мочевой пузырь наполнился.

Татон убрал свой ауспик и вытащил меч. Клинок потрескивал, едва заметно светясь силовым полем.

- Командир звена Шард, - сказал он. - Забрать груз приоритетно. Как только он будет в безопасности на борту, немедленно отправляйтесь.

Он спрыгнул с аппарели. Глядя через Мизара, я проследил, как он приземлился и начал прокладывать себе дорогу к своим солдатам. Нырнувший Отпрыск до сих пор не мог справиться с синим пузырем. Татон выкрикнул приказ, и Отпрыски рассредоточились, направив оружие на далеких орков. Темпестор занес силовой меч и всадил его в зловонную воду, которая забурлила и пошла пузырями на пути клинка. Я совершил маневр, чтобы посмотреть поближе, но Мизар воспротивился, так как орки находились уже в радиусе видимости.

Это были не косолапые дикари из плохо склеенного пикта. Несмотря на сутулые плечи, их рост превышал семь футов, а ширина составляла больше половины от этой цифры. Лица, если их можно было так назвать, состояли из костистых лбов, толщины которых хватало, чтобы отразить выстрелы из легкого оружия, и плитообразных челюстей, заполненных клыками-бивнями. Каждый имел при себе баллистическое оружие с толстым стволом. Никакие две пушки не походили друг на друга, но все были такими большими, что человеку потребовался бы лафет, чтобы пережить их отдачу. Орки успели заметить Отпрысков и уже открыли огонь. Хотя они и находились вне пределов досягаемости, их орудия создавали яростный резонанс артобстрела.

- Они слишком близко. Этим идиотам не выбраться.

«Валькирия» дернулась, но мои чувства были переплетены с Мизаром, и я не знал точно, что происходит. По моему настоянию череп-наблюдатель переместился обратно к Отпрыскам, и как раз в

этот момент Татон пронзил пузырь.

Не знаю, появления чего я ожидал. Но не еще одного Отпрыска.

Убедиться в этом мешали грязь и тина, но силуэт фигуры был таким же, как у Татона. Шлем солдата оставался крепко зафиксирован на месте, позволяя ему дышать при погружении. Однако двигался он в ужасно сгорбленном положении, словно ему сдавило позвоночник. Он прижимал что-то к груди, но вода заслоняла это от моих глаз. Татон помог ему здоровой рукой, и они вдвоем изо всех сил стали пробиваться сквозь болотную воду к «Валькирии».

Которая шевельнулась, а потом стала набирать скорость, удаляясь от места высадки.

- Что вы делаете? - завопил я. Понятия не имею, услышала ли она меня, или просто не подумала, что я заслуживал ответа. Как бы то ни было, признаюсь, что испытывал смешанные чувства при отходе машины. Меня успокаивало бегство от надвигавшихся орков, но я ощущал и стыд от того, что бросил наших товарищей, а также ошеломление из-за подобной черствости Шард по отношению к их жизням и заданию.

Внезапно «Валькирия» заложила крутой вираж, с ускорением огибая приближавшуюся орду. Замедлила ход и резко остановилась, крутанув нос вправо. Инерция туго натянула мою летную обвязку.

Впереди зеленокожим оставались до Отпрысков считанные секунды.

«Валькирия» устремилась вперед, прямо во фланг оркам. Она находилась на расстоянии дюжины ярдов, когда Шард выстрелила из ракетных блоков, и поток осколочных снарядов исчез под водой, а затем командир звена рванула нос назад. Турбовентиляторы протестующе завизжали, подняв бурю, которая едва не опрокинула передний аэробот.

А потом боеголовки сдетонировали.

Болото взорвалось лавиной грязи и осколков. Орков вышвырнуло с их транспортных средств, передняя лодка перевернулась. Еще одна попыталась повернуть к нам, но аэробот не имел средств торможения. В своем энтузиазме орочий рулевой выскочил на дороге у замыкающих кораблей, и вызванный этим взрыв отправил остальных в болото.

Мы были благословлены мгновением тишины, пока из трясины медленно не поднялся первый орк, продолжавший потрясать своим оружием. Он заревел, и вокруг него возникла еще дюжина. У нескольких были раны, ожоги, но они бросились в направлении Отпрысков, никак не выказывая потери быстроты.

«Валькирия» развернулась, пустив в ход свои тяжелые болтеры. Реактивные снаряды разорвали на части орка вместе с аэроботом, а Отпрыски для ровного счета добавили град лазерных зарядов.

Однако твари не собирались легко падать. Хотя они были одеты всего лишь в шкуры и лохмотья, но шли под обстрелом, опаленные десятком попаданий лазеров. Один лишился головы из-за болтерного заряда и все равно сумел сделать дюжину шагов, прежде чем его тело наконец-то смирилось со смертью. Будь здесь открытая местность, они бы порвали Отпрысков на куски, но болото спасало нас, замедляя их атаку до ползанья и забивая оружие.

Мизар запечатлел каждое мгновение: «Валькирия» создавала огневое прикрытие, а Шард тем временем вывела ее позади отряда, откинув кормовую аппарель. Пока Татон помогал раненому товарищу залезть в

машину, Отпрыски отстреливали отбившихся зеленокожих.

- Хотите, чтобы я уходила сейчас же, или мне подождать остальных?

Татон что-то пробурчал в ответ, но меня вызывал Мизар. Его глазами я увидел в отдалении дымные следы, которые приближались. Каждый возвещал об еще одном полчище орков.

- На подходе еще, - сказал я, пока последний Отпрыск взбирался по аппарели. - С обеих сторон.

- Вперед! - взревел Татон, и «Валькирия» рванулась вверх, крутанулась на месте, а затем понеслась прочь.

- Подождите! - закричал я. - А как же Мизар?

- Кто?

- Мой череп-наблюдатель. Вы не можете уйти без него!

- Однозначно могу. В сущности, я вполне уверена, что как раз это сделала.

Я не ответил: к этому моменту это было уже невозможно. Мое сознание оставалось синхронизировано с Мизаром, и посредством него я видел поднимающуюся «Валькирию» и все новых лезущих орков, которых в равной мере привлекали как зеленоватый дым, так и стрельба со взрывами. Когда «Валькирия» ускорила, Мизар попытался последовать за ней: машинный дух стремился поддержать нашу угасающую связь. Однако его антигравитационный движитель не мог поспеть за турбовентиляторами самолета. По мере того, как расстояние между нами растягивалось, соединение стало сбиваться, картинка замерцала, будто испорченный фильм. У меня в затылке что-то щелкнуло, когитатор тщетно пробовал восстановить потерянный сигнал.

Зрение поплыло, и меня унесло на границу сознания.

Когда я сумел открыть глаза, то увидел лишь транспортный отсек.

Мизар был утрачен для меня.

Глава 8

Поначалу я не мог говорить, настолько силен был шок.

Отпрыски тоже молчали, но Шард пребывала в хорошем настроении и решила попотчевать нас историями о своих славных победах и лихом мастерстве. Когда Татон отключил вокс-канал, я испытал облегчение, хотя все еще смутно слышал ее голос, разносившийся через корпус.

Пока мы неслись к дому, мой взгляд задержался на раненом солдате, которого вытащили из болота. Он был в жалком состоянии и не мог даже застегнуть свою летную обвязку без посторонней помощи - пальцам не хватало силы для пряжек. Для него мало что можно было сделать. Он старался оставаться таким же стойким, как и остальные, стискивая зубы, когда нас хлестал попутный ветер. Однако ему не удавалось успокоить свое скрежещущее дыхание, равно как и скрывать жалобные всхлипы при особенно жестокой турбулентности. Прочие Отпрыски отводили глаза - они то ли стыдились краткой слабости товарища, то ли избавляли его от дополнительного позора, делая вид, будто не слышат этого.

Он умирал, и не только из-за травм. Его раны были серьезными, как и у остальных, но больше тревоги вызывала обнаженная плоть предплечья. Ее покрывали фиолетовые бляшки, кожа вокруг которых опухла и растрескалась. От всех нас разлило болотной водой, однако его сочащиеся язвы имели тошнотворно-сладковатый запах, забивавший даже это. Такое было мне знакомо, и оно означало только смерть.

Я задаюсь вопросом, следовало ли мне снять его, показать настоящий проблеск подлинной жертвенности. Но в этом не было смысла: Империи предпочитал, чтобы его мучеников изображали величественными и горделивыми, а не изъеденными болезнью, даже если они пострадали во имя Бога-Императора. Кроме того, я никак не мог ничего снять без Мизара. Он был реликвией, незаменимой, и его потеря плохо отражалась на мне. Череп-наблюдатель имел зачаточную систему наведения, которая указывала ему искать меня, если мы разделялись. Однако при такой удаленности и враждебной местности его случайное попадание в зону досягаемости сигнала представлялось безнадежным делом. Я напомнил себе, что у меня оставались другие, но ни один из них не обладал продвинутой оптикой или дерзким машинным духом Мизара. Хуже того, ни у кого из них не было материала о столкновении, свидетелем которого я стал.

Умиравший Отпрыск закашлялся, заметно брызгая слюной. Я замер, глядя, как она летит через трюм, и вдруг осознав, что делю тесное пространство с очень большим человеком. Я повернул голову и накрыл рот рукавом, пытаюсь не допустить мерзкие жидкости. Мне казалось, что этот жест незаметен, пока я не поймал яростный взгляд Татона. Однако, когда тот заговорил, интонация была мягкой, почти деликатной:

- Вам не нужно бояться, - произнес он. - Это не заразно. Во всяком случае, по воздуху.

- Вы знаете, что его мучает?

- Гниль Винтнера, - отозвался темпестор. - Это микологическая инфекция. Рабочие страдают от нее, если проводят слишком много времени в болоте. Грибы здесь быстро растут, что-то с климатом. Или с водой.

- Его можно вылечить?

- Если того пожелает Бог-Император, - сказал он, пожав плечами. - Если же нет, он служил с отвагой и верой. Его будут помнить, и для него найдется место за столом Бога-Императора. Совсем как для Харкинса.

Он говорил так, словно повторял пассаж из полевого руководства, поэтому мне потребовалась секунда, чтобы осознать значение его слов. В транспортном отсеке сидело пятеро Отпрысков - как и при отправлении. Но это было до того, как мы взяли дополнительного пассажира.

У нас не хватало одного солдата.

Харкинс. Должно быть, так его звали. Возможно, это он носил молитвенные четки, поскольку сейчас их нигде не было видно. Я не заметил, как он пал - наверняка шальной выстрел орков нашел свою цель. Я вдруг почувствовал себя очень глупо, ведь чах по древности, пока эти солдаты скорбели по товарищу. И скоро им предстояло потерять еще одного.

Мои щеки покраснели. Я отвернулся, и мой взгляд упал на отсутствующую руку Татона, срезанную от плеча. Здоровая рука сжимала то странное устройство, которую нырнувший Отпрыск охранял ценой своей жизни. Словно приличия ради, предмет накрыли тряпицей, но та сползла, и стал виден кусок

металлолома, спрессованный в отдаленное подобие сферы. Она была скреплена заклепками размером с мой большой палец и не выглядела делом человеческих рук. Однако детали странным образом узнавались. Это было так же, как с орочьими аэроботами. Каждый представлял собой примитивное, уродливое изделие, кое-как собранное из мусора и лишь минимально напоминавшее другие корабли того же типа. Однако сходство между двигательной системой аэроботов и турбовентиляторами «Валькирии» резко бросалось в глаза.

Я откинулся назад, вспоминая битву между зеленокожими и Отпрысками. Это было бы легче сделать при наличии Мизара, но я сумел безупречно представить образы дикарей. Они были огромными, пугающими тварями, совершенно не похожими на тощего зеленокожего, машущего копьем в скверно склеенном пикте. Могло ли то кривоногое животное действительно являться предком орков, с которыми мы столкнулись сегодня? Я не знал, когда выпустили пикт, а изображение орка могли взять из еще более раннего источника. И все же, сколько прошло поколений, прежде чем первобытный копейщик эволюционировал во встреченных нами чудовищ? Века? Десятилетия?

Их собственное биологическое развитие уже внушало достаточное беспокойство. Но тот факт, что они могли видоизменять имперскую технологию? Унижать ее и обращать против хозяев?

Это ужасало.

По возвращении нас не ждал пышный прием. Вместо него возле места посадки навтыжку стоял новый отряд Отпрысков. Они прибыли слишком поздно для проведения миссии по вывозу, но их мрачный вид погасил весь энтузиазм, который наземный персонал мог испытывать по поводу нашего прибытия назад. Обычные солдаты не были осведомлены о сути нашего задания или о противостоящих нам опасностях. Они знали лишь то, что отделение Отпрысков врезалось в их штаб на «Валькирии», затребовало замену и улетело на очередное засекреченное поручение, оставив нижних чинов разгребать оставшийся после них хаос.

Свежее отделение, невзирая на грязь, блистало броней без единого пятнышка и стояло неподвижно, как статуи, вопреки неотступной жаре и наползавшей влажности. Я слышал рассказы, будто Отпрысков создают посредством настолько требовательной выучки, что мало кто из обычных солдат вообще мог ее пережить. То, как они держались, говорило о присущем им чувстве превосходства. Дело усугублялось тем, что это их мнение было оправдано.

Мне случалось слышать, как более воспитанные солдаты презрительно называли Отпрысков любителями лавров, а те, у кого были языки погрубее – еще хуже. Когда-то подобные оскорбления вызвали бы у меня усмешку. Я знал многих, кто зарабатывал милость при помощи привилегий и звания, избегая грязных, бесславных заданий, которые исполняют прочие из нас, получающие за это мало благодарности и вознаграждений.

Но не теперь. Только не после того, как я увидел этих окровавленных, сломленных людей, которые, пошатываясь, вышли из «Валькирии», неся повисшего между ними товарища. Мне нравится думать, что он каким-то образом выжил, что хирург остановил кровотечение из ран и вылечил болезнь. Однако больше я его не видел.

Темпестор, возглавлявший группу подкрепления, отсалютовал, и Татон ответил тем же оставшейся рукой. Груз забрали и быстро запечатали в контейнер с генетическим замком. Оба отделения молча отбыли, оставив наземную бригаду заниматься «Валькирией».

- Не за что.

Я посмотрел на открытую кабину. Шард развалилась в летном кресле, глядя вслед уходящим Отпрыскам. Позади нее штурман покидал машину, сдирая с головы шлем.

Она перехватила мой взгляд и нахмурилась, выгнув бровь.

- Вас что-то беспокоит? - поинтересовалась она. - У вас вид, как у побитой собаки.

В тот момент я ее возненавидел. Это самодовольство. Знала ли она, что я потерял жизненно-необходимый материал, а также ценную реликвию? Это не имело значения, так как ей, похоже, в любом случае не было дела. Я развернулся к ней, но отповедь умерла у меня в горле, поскольку я увидел пустые кресла «Валькирии» и вспомнил о солдатах, которые продирались через болото, чтобы забрать умирающего товарища. Никто из них не произнес ни единого слова жалобы. С чего бы мне?

Однако Шард не собиралась оставлять все как есть и, когда я отвернулся, окликнула меня:

- Эй? Я задала вам вопрос. Хорошие манеры предписывают, чтобы вы ответили.

Я застыл, сжав кулаки. У меня не было никакого понятия, что я рассчитываю ими сделать. С тех пор, как я дрался, прошли уже годы, и я знал, что тренированный солдат без труда со мной разберется.

Конечно, это понимание лишь разозлило меня еще сильнее.

- В чем моя проблема? - произнес я. - Моя проблема в том, что я должен делать пикт о славной Аэронавтике Импералис, героях, которые защищают наше небо и от ксеносов, и от еретиков. Я прибыл, чтобы стать свидетелем их испытаний и побед. Прибыл ради подлинной картины войны.

- И как успехи?

- Скверно. Я ограничен в возможностях снимать конфликт, только что лишился одного из самых ценных активов. Мои ботинки промокли, несмотря на тот факт, что я на протяжении всей миссии оставался внутри транспорта. И что хуже всего, я намеревался почтить своим пиктом командира звена Люсиль фон Шард, знаменитого аса-истребителя и героиню. Но оказалось, что я летаю с хвастливой пьяницей, которая, насколько я могу судить, не уважает ничего и никого, кроме себя самой.

- Похоже, вы нашли истину обо мне. - Она пожала плечами. - Задание выполнено. Есть еще что-то?

- Да, - сказал я, пристально посмотрев на нее. - Невзирая на мое предупреждение, вы с радостью бросили посреди болота бесценный артефакт. Этот череп-наблюдатель когда-то принадлежал пропагандисту Таине Мизар. Вам известно, кто это?

- Клянусь Троном! - вздрогнув, прошептала Шард. - Таина Мизар? Я понятия не имела. Какая утрата.

Казалось, она говорит искренне; ее глаза были светлыми и серьезными. Однако из-за шрама поперек губы выглядело так, словно она издевается.

- Правда? - уточнил я.

- Абсолютная, - кивнула она. - Без Мизар моя жизнь не была бы такой. Это она поднимает мне настроение, когда я даю слабину, она гладит мою форму каждое утро, она приносит мне рекаф, когда...

Она заметила выражение моего лица и нахмурилась.

- Простите, я думаю о Милании, моей камеристке. Которая, к слову, превосходна. Не думаю, что она особо много знает об искусствах пропагандистов, но мои простыни всегда мягкие и чистые. И все же, жаль, что вы потеряли свою игрушку. Если бы только один из Отпрысков смог пожертвовать жизнью, чтобы сберечь ее. Как эгоистично с их стороны.

Она улыбнулась. Это совершенно не развеяло насмешливую интонацию.

- Вы находите себя забавной? - спросил я.

- Как и все, - отозвалась она. - Так вы планируете раздобыть замену? Или собираетесь пойти дальше? Может, грудная клетка на танковых гусеницах?

- Реликвию такого происхождения нельзя просто заменить.

- Занятно, - произнесла Шард, прыгнув из кабины и отряхиваясь. - Самолеты, солдаты, граждане - все поразительно заменимы. Но упаси Император кто-то потеряет выдолбленный череп с кучей проводов, торчащих из того места, где должен быть мозг. Ну то есть, где ж мы вообще найдем еще один череп пропагандиста?

Она постучала себя по подбородку, как будто потерявшись в раздумьях и продолжая все так же глумливо улыбаться.

- Таина Мизар - легенда, - сказал я, яростно глядя на нее. - Она бросала вызов самым опасным зонам военных действий, чтобы показать триумфы человечества во враждебной галактике. Ее усилиями миллионы вдохновились записаться на службу Богу-Императору. Говорят, у нее был потенциал стать величайшим пропагандистом всех времен. Не насмехайтесь над ней.

- Так что случилось?

Я нахмурился, не понимая.

- Что с ней случилось? - не отставала Шард. - Вы сказали, у нее был огромный потенциал, почему же он не реализовался?

- Она... была слегка не в меру усердна. Попыталась сделать крупный план умирающего генокрада, прежде чем тот окончательно испустил дух. И все же, она стала самым юным пропагандистом, которого посмертно почтили переделкой в череп-наблюдатель.

- И о какой же большей чести можно просить? - отозвалась Шард, подцепляя с ворота невидимую пылинку.

- Забудьте! - огрызнулся я. - Забудьте обо всем этом. Я сделаю этот пикт, и он станет успехом. Но там не будет никаких упоминаний вашего имени. Я намеревался сделать вас центральным элементом, но с этим покончено. Можно обессмертить ваших товарищей, а вы будет забыты, стерты из истории.

- Какое разочарование. - Она улыбнулась. - Впрочем, я нахожу толику утешения в том факте, что без моей помощи вы уже дважды были бы мертвы. Так что, в каком-то смысле, ваш пикт никогда бы не удалось завершить без меня. Но вы подавайте историю, как вам удобнее, потому что мне все равно. И вот это правда.

Ее слова были хорошо подобраны. Я не смог ничего сказать. Вместо этого я со всем достоинством, какое сумел собрать, зашагал прочь, убеждая себя, что приставший ко мне неприятный запах - это просто

болотная вода, а не тухлый душок лицемерия.

Глава 9

Несколько дней я практически не покидал шато.

Все было бы иначе, попади Мизар на борт «Валькирии». Тогда я бы хоть получил что-то от столкновения. Я занимался каталогизацией того немного материала, который сохранил до миссии, и старался не думать о возможных последствиях со стороны начальства из-за утраты Мизара. Шард я видел редко, но поставил себе задачу взять интервью у других асов-истребителей, как бы мало мне от того ни было пользы.

Командир звена Талзин Ноктер из эскадрильи Соколов явно нервничал, непрерывно оглаживая волосы или подаваясь на стуле вперед-назад. Он отвечал на мои вопросы, и эти ответы снискали бы одобрение даже самого набожного аббата-инструктора. Однако его голос звучал пусто и неестественно, словно он подыскивал верный ответ на каждый вопрос, а не раскрывал собственные взгляды на войну. Слова были просто очередным эхом множества предшествующих пиктов.

Такого же нельзя было сказать о командире звена Ортоксе Градеолусе. Его досье указывало на выдающуюся карьеру с победами над некоторыми из величайших врагов Империи, и он выглядел вполне презентабельно, несмотря на слегка грубоватую манеру держаться. Но мне не нравилась его улыбка, обрамленная прекрасно навощенными усами. Когда он говорил о своих триумфах, в его взгляде появлялся блеск: не презрение к людским жизням, а скорее безразличие. Я с удивлением узнал, что позывной его эскадрильи – Акулы, поскольку понял отсылку к древнему водному созданию с Терры. Впрочем, осмотрев впоследствии рисунок с бритвенно-острыми зубами и холодными, пустыми глазами, украшавший истребитель, я увидел сходство. Хищник.

Со мной же, напротив, мало кто стремился разговаривать. Первым в мою дверь постучался старший сержант Плайнт, явившийся с чашкой в руке и выразивший соболезнования.

– Так жаль слышать о вашей утрате, сэр, – сказал он. – Могу ли я что-нибудь сделать?

Будь это кто-либо другой, я бы решил, что надо мной насмеются, но он выглядел искренне опечаленным.

– Сомневаюсь, – ответил я резче, чем это было оправдано. – Разве что вы в силах разрешить загадку. Как человеку создать пикт, когда самолеты двигаются со сверхзвуковой скоростью в сотнях миль над болотом? Особенно если Мизар, мой череп-наблюдатель с лучшей оптикой, теперь потерян.

Этому вопросу мне следовало бы уделить больше внимания до высадки на Бахусе. Я предполагал, что на флоте будут лишние места, или же смотровая точка, откуда командующие следят за битвой. Тогда я вел себя глупо и от злости перенаправил это на Плайнта.

Однако тот не обиделся на мои слова и просто кивнул.

– Я попробую, сэр, – только и сказал он, после чего удалился.

Второй посетитель меня удивил. Не то, чтобы он был какой-то важной персоной, просто одним из людей командующего Просферуса. Но он нес извещение, подписанное лично командиром авиакрыла. Видимо, я

произвел на темпестора Татона положительное впечатление, и Просферус убедился, что я, возможно, в произвольном порядке могу сопровождать командира звена Шард на дополнительных заданиях.

Я смял записку и бросил ее в сторону корзины для мусора. Прوماхнулся, и пришлось встать, чтобы ее подобрать – что далось нелегко, учитывая комфортность кресла. Как и все остальное в моих покоях, оно было роскошным, существенным прогрессом по сравнению с предыдущим жильем. Я получил три комнаты, включая балкон, откуда открывался впечатляющий вид на территорию, если не обращать внимания на обломки и разливы прометия. Постель была достаточно широкой, чтобы обеспечить вечеринку на четверых. Что еще важнее, в ней также имелся скрытый инфоразъем и силовой вывод, из которого не сочились мерзко пахнущие жидкости. Я заряжал оставшиеся черепа-наблюдатели и оценивал их оптические возможности, когда меня посетила мысль пересмотреть старый материал. Я сказал себе, что это мелкий каприз, вызванный чрезмерным употреблением губернаторского вина. Не особо много пью, но в тот день решил это поправить.

- *Назовите свое имя.*

Я поднял глаза на голос, хотя говорившего не показывали в пикте. В фокусе находилась молодая женщина, глаза которой были холодны, а лицо – бледно, как лунный свет.

- *Люсиль фон Шард*, – отозвалась она. Ее интонация не выдавала ни страха, ни радости.

Я уже тысячу раз видел эту запись. Это было просто одно из многочисленных собеседований, проведенных с командиром звена Шард за время ее обучения в школе прогениум. В период до того, как она вступила в Аэроавтику Импералис и впала в цинизм.

Во всяком случае, так я считал. Но прокручивая материал заново, поймал себя на сомнении. Даже тогда, без шрама, я видел за ее взглядом зачатки издевки.

Интервьюер, вероятно аббат-инструктор или его эквивалент, сейчас перевозносил семейство Шард, перечисляя множество достижений рода фон Шардов. Она время от времени кивала, устремив глаза на нечто незримое. Я осушил бокал, слегка скривившись от послевкусия.

Это было странно. К счастью, конкретные методы школы прогениум выходили за рамки моего положения и кругозора. Однако я знал результат: из сирот войны, рожденных величайшими героями Империи, ковали его служителей с железной волей, верных лишь Богу-Императору и Золотому Трону. Именно так обучали Отпрысков, а также разнообразных жрецов, администраторов и солдат. Но еще мне были известны перешептывания, будто подобную преданность прививали, химическим путем лишая учащихся их личности и оставляя чистые холсты, на которых могли творить свое искусство аббаты-инструкторы.

Я понимал мотивацию, стоявшую за их приемами, пусть даже мысль о том, чтобы претерпеть такой процесс, заставляла меня содрогаться. Но похоже, с семьей Шард дело обстояло иначе. Мне доводилось встречать двух ее братьев, исповедника Марика фон Шарда и комиссара Тобию фон Шарда. Оба гордились историей своего семейства и достижениями родни, и оба были образцовыми представителями своих должностей. Я предполагал, что Шард такая же. По крайней мере, до встречи с ней.

Голо-пикт все еще шел, аббат-инструктор вспоминал славные победы и свершения полковника Гороты Шарда. Я уже видел эти кадры много раз, но обычно концентрировался на Шард, пытаюсь вникнуть в ракурсы ее лица, в то, как она двигается и как лучше оформить пикт. Но теперь я уже повстречался с ней и увидел девушку на стуле как будто впервые. В ее неподвижности присутствовал вызов, даже когда интервьюер перечислял успехи ее семьи.

Вот только слово «интервьюер» не годилось, ведь аббат-инструктор не задавал никаких вопросов, никогда не отступал от сценария. Возвещал о славе ее рода, снова и снова. Словно литургия.

Я что-то упустил. Возможно, послушай я подольше, выяснил бы, что именно. Но в этот момент изображение исчезло. Череп-наблюдатель Ивазар разорвал соединение, заменив его повторяющимися гудками. Поскольку я был пьян, мне понадобилась секунда, чтобы понять, что это означает. Но когда я это сделал, то вдруг в самом деле ощутил себя чрезвычайно трезвым. Этот разговор был запланирован до высадки, так как зависел от положения орбиты Бахуса относительно соседнего Элиса. Я пригладил волосы и попытался выглядеть представительно, и в это время связь установилась.

Сперва я увидел только палящий свет и вал взрывов. Но гололит замерцал: мой череп-наблюдатель компенсировал яркость. Когда освещение потускнело, тени сгустились во внушительную фигуру имперского комиссара, шинель которого трепетала на ветру, а фуражку украшал крылатый череп. Я мог разглядеть лишь его глаза, но в них была та же самая стальная решимость, какую я наблюдал во время Палатинского крестового похода. Он сурово сжимал челюсти, но в этой манере держаться отсутствовала праведная ярость священника или кающегося. Единственной эмоцией, которую он при мне проявлял, было презрение. Презрение к тем, кто противостоял Империи, или к тем, кто не мог служить ему в полную меру сил.

Мне не хотелось попасть во вторую категорию.

- Комиссар фон Шард? - произнес я.

Он пристально глянул на меня. Качество связи оставалось сомнительным, но мне показалось, что я смог различить войска, выходявшие на позиции позади него.

- *Пропагандист Симлекс*, - сказал он. - *Полагаю, вы невредимым прибыли на Бахус?*

- Да, сэр. Благодарю вас за участие.

- *Благодарите только нашего Бога-Императора*, - коротко отозвался он. - *Моя сестра видела мое рекомендательное письмо?*

- Да, сэр. Я лично ей его вручил.

- *Хорошо*. - Он кивнул и бросил взгляд мимо меня на что-то незримое. - *Сержант Вильма! Скорректировать артиллерию! Сосредоточиться на их левом фланге!*

- Сэр, если сейчас неудачное время, я мог бы...

- *Это не имеет значения*. - Комиссар пожал плечами. - *Более удачное время вряд ли будет. До тех пор, пока мы не сломим этих вероломных псов.*

- Да, сэр.

- *Работа продвигается адекватными мерками?*

- Да, сэр, - ответил я. - Хотя она может вызвать больше затруднений, чем я ожидал.

- *Почему?*

- Некоторые логистические проблемы. Местная политика, - сказал я, не желая упоминать имя Шард.

- Значит примите вызов, пропагандист Симлекс, - произнес комиссар. - Помните, вы получили это задание благодаря моей личной рекомендации. Я не оказываю такого покровительства с легкостью. Не разочаруйте меня.

- Да, сэр. Я сделаю все, что могу.

- Нет, вы сделаете еще больше, в то время как я...

Его слова перекрыл оглушительный взрыв. Картинка раздробилась, но тут же слилась в комиссара, обнажившего цепной меч и подгонявшего своих людей вперед.

- *За Бога-Императора!* - заорал он так, что голос доносился даже поверх рева клинка. За дальнейшими событиями было сложно уследить, поскольку его сервошлем обдало кровавым дождем, окрасившим линзы в алый цвет. Пока видеотрансляция восстанавливалась, прошло несколько мгновений, на протяжении которых меня угощали ледяными кровью воплями, прерываемыми цепным мечом комиссара фон Шарда.

В поле зрения вдруг проступило его лицо. Фуражка теперь покосилась и была запятнана красным. У него за спиной гвардейцы рвались вперед, видимо выиграв сражение.

- *Мои извинения, Симлекс,* - произнес комиссар, поправляя форму и вытирая щеку. - *Благодарю вас, что подтвердили прибытие в целости и с нетерпением жду возможности оценить ваши итоговые творения.*

- Спасибо, сэр. Как вы понимаете, я буду ожидать вашего вердикта с некоторым трепетом.

- *Не стану делать вид, будто вам не придется потрудиться,* - сказал он, чистя свой клинок об изорванную рубаху. - *Она из несговорчивых.*

- Уверен, она покажет себя героем во всех отношениях, сэр.

Он прервал свое занятие и бросил на меня взгляд. Его лицо размывалось из-за слабеющей связи, но на нем было выражение, которого мне прежде не случалось видеть. Удивление. Или, может быть, беспокойство.

- *Пропагандист Симлекс, не поймите меня неправильно. Я уважаю вашу работу. Она приемлемо служит делу Императора, что гораздо лучше, чем у большинства из вашего племени. Однако я поручился за вас не потому, что думал, будто вы сделаете мою сестру героиней. Это безнадежное дело.*

- Сэр?

- *Ваш долг позаботиться, чтобы она не замарала имя своей семьи,* - произнес он, и видеотрансляция стала угасать. - *Мне нет дела, каким образом. Сделайте ее фоновым персонажем. Перезапишите ее речь. Но не позволяйте ей утянуть вниз остальных из нас. Ее недостатки останутся ее собственными.*

Глава 10

Моя беседа с комиссаром фон Шардом не особо подняла мне настроение. Я попытался сосредоточиться

на работе, собирая фоновый материал и погружаясь в дела базы. Объективы Киказара были достаточно остры, чтобы снимать взлеты и посадки самолетов, а прочности соединения хватало для разведки болота вокруг особняка губернатора Долос. Я взял обыкновение каталогизировать эти записи в ангаре, где проводил ремонты Плайнт, которому помогала пара проржавевших служебных сервиторов.

Спроси меня кто-нибудь, я бы ответил, что стремился к обществу, старшего сержанта поскольку его оптимистичная натура служила бальзамом для ожога от недавних неудач. И это вполне правдиво. Но имелась и еще одна причина, хотя сейчас она была разобрана на части – демонтированная и разбросанная по мастерской машина.

«Молния» Шард. «Черный Грифон» – имя, которое пошло от фамильного герба семьи фон Шард, изображенного на крыле.

Во всяком случае, я считал это именем, но, когда я произнес его вслух, Плайнт наморщил лоб и посмотрел на меня.

- Черный Грифон? – переспросил он.

- Ее самолет? – Я кивнул. – Он знаменит на весь субсектор.

- Никогда не слышал, чтобы она его так называла.

- А как она его называла?

- Не знаю. Что-то на высоком готике. «Мендакс Матертера»^[2]? Нечто в этом роде. – Он пожал плечами и вернулся к своим трудам.

Работа Плайнта главным образом состояла в латании дыр и нанесении очищенных масел на деликатные механизмы «Молнии», а сервиторы занимались дозаправкой и перезарядкой. Однако бывали времена, когда я заставлял его по плечо залезшим в частично разобранные двигатели или за дуговой сваркой передаточных кабелей и контуров.

Я имел дело с Адептус Механикус. Прежде чем на мое попечение вверили хоть один череп-наблюдатель, мне пришлось заучить катехизисы ремонта и провести ритуалы обслуживания. Не знаю, до каких пределов техножрецы доверяли эти ритуалы обычным солдатам, но подозреваю, что работа Плайнта выходила за рамки всего разрешенного и, возможно, граничила с техноересью. Впрочем, я видел, как он за своими хлопотами радостно распевает псалмы жертвования, благодаря Бога-Императора всякий раз, как самолет покидал ангар. Казалось невозможным, чтобы столь преданный человек мог укрывать в своем сердце ересь. Нет, причина, по которой он работал, являлась простой: больше некому было заканчивать ремонты.

Мы проигрывали войну.

Когда я только прибыл на Бахус, то не осознал этого, предположив, что суматоха говорит о процветающей базе, поддерживающей огромные силы. Однако каждый день я видел одни и те же лица, а спешили и суетились они потому, что работы было слишком много, а выполняло ее слишком мало людей.

И не требовался логис, чтобы подсчитать: когда самолеты совершали вылет, не все из них возвращались.

Служащих губернатора Долос также не хватало, хотя я не могу сказать, что их труды вносили особый

вклад в кампанию. Непомерное количество времени посвящалось украшению особняка. Бесплезное действие, принимая во внимание конфликт, но они упорствовали. Я видел, как рабочие бригады отскребали стены и пытались залатать секцию крыши, которую повредила сбившаяся с курса «Валькирия». За всем надзирал мажордом Стайли. Насколько я мог судить, он вообще не спал, день и ночь руководя слугами.

Однако его работа приносила плоды, так как однажды утром я проснулся и обнаружил, что верхний уровень шато весь в цвету. Мне это было видно из окна: ярко-синие, нереально выглядящие цветки. Я вышел наружу, чтобы взглянуть поближе, и оказался не один. Уже собралась небольшая толпа – кое-кто из наземной обслуги, прочие из губернаторского персонала. Но всех их объединяло восхищение картиной, а в центре стоял сияющий Стайли.

- Доброго вам утра, господин, – произнес он, кланяясь так глубоко, как только позволяли дряхлеющие конечности. С того самого момента, когда открылось мое якобы аристократическое происхождение, его манера держаться со мной переменилась. Теперь он проделывал завидную работу, скрывая свое презрение. Ну, как минимум достаточную работу.

- И вам доброго дня, – сказал я, кивнув ему, а Киказар тем временем поднялся выше, осматривая цветки.
- Определенно выдающееся зрелище.

- Банкет Урожая едва ли состоялся бы без цветения мандака, – ответил он. – Подумать только, некоторые утверждали, будто в этом году он не зацветет! Но даже эта грязная война не может затмить смены времен года.

- Так происходит каждый год?

- Да, господин.

- Удивительно, – пробормотал я. – Никогда не видел, чтобы цветы распускались так быстро.

- Что ж, я рад, что мы смогли вас просветить, господин, – отозвался Стайли. Его взгляд был прикован к моему черепу-наблюдателю. Тот продолжал изучать дерево, тыча в ветви тонкими конечностями и в процессе сбивая вниз дождь цветов.

Я заметил выражение лица мажордома и приструнил Киказара, однако невольно отметил, что приставшие к его бокам лепестки были сухими, практически обезвоженными, словно зачихали сразу же, как только упали.

- А как идут ваши приготовления, господин? – спросил Стайли.

- Терпимо, – ответил я. – У меня есть фрагменты материала, хотя еще многое нужно сделать.

Он издал едва слышный вздох.

- Нет, господин. Я имел в виду: как идут ваши приготовления к Банкету Урожая?

Сперва я не понял, о чем он говорит. Мое лицо явно сообщило об этом.

- Вы не забыли, господин? – спросил он, и в его голосе вдруг послышалась тревога.

- Не уверен, что поспеваю за вами.

- Банкет, господин!

Я знал о приготовлениях. Было сложно пропустить лакеев, которые полировали стены и полы шато очищенным воском, делая дерево столь гладким, что оно стало опасным для спешащего персонала. Даже Долос была занята. Время от времени я получал записки с извинениями за ее отсутствие и перечислением множества хлопот, связанных с проведением роскошного празднества. Я избавлялся от них и более об этом не думал. Однако в какой-то момент после прибытия мой статус изменился с отдаленного зрителя на высоко ценимого участника.

Увы, меня об этом не проинформировали.

- Но мы послали вам одеяние! Полное расписание событий! - запротестовал Стайли.

В его защиту, я получал кипу оранжевой ткани в корзине ручного плетения, но с учетом объема материала предположил, что это свежее постельное белье. Вроде бы там еще была какая-то поэма, запутанный сонет о чудесах щедрот Бога-Императора. Я прочел половину, но, посчитав сочинение неоригинальным, смял его и оставил в мусоре.

Мое замешательство восприняли без благосклонности. Не могу сказать было ли лицо Стайли белым от страха, или же алым от ярости, так как оттенки сменяли друг друга, однако прочие зрители отступили от него на шаг, словно он готовился взорваться.

- Я с благодарностью поприсутствую, - сказал я, но это его не успокоило. Он покачивался, и я вдруг осознал его возраст и болезненность, его привычку к ритмам особняка. Риск возможной оплошности вызывал у него гораздо больше тревоги, чем орды орков, бесчинствующих на окрестных болотах.

- Вы не понимаете, - стонал он. - Это официальное мероприятие! Один из наших самых священных ритуалов! Губернатор сделала особые разрешения, чтобы устроить вам посещение. Вы будете в ближнем кругу, и там есть шаги, которые вы должны запомнить, и обычаи, которые должны соблюдать. У вас вообще есть сопровождающий? Вы не можете прийти один!

- Почему?

Я узнал голос и обернулся.

Это была Шард. Она в какой-то момент присоединилась к толпе, а может, находилась там с самого начала, пряча лицо за широким зонтом, украшенным эмблемой фон Шардов. Со времени моего прибытия дождя не было, поэтому я мог только предположить, что она носила парасоль, чтобы защитить свою бледную кожу от неуступчивого солнца Бахуса. Другая ее рука лежала на эфесе сабли.

Казалось, ее вопрос на миг ошеломил Стайли.

- Ч-что? - выпалил он.

- Почему гостям требуется сопровождающий? - невинно поинтересовалась она. - Не может же быть, что это... фестиваль плодородия?

Она приподняла бровь.

- Конечно, нет! - возмущенно огрызнулся мажордом. - Это празднование урожая и цикла жизни. Числа должны быть четными: у каждого почетного гостя должна быть пара, как солнце и луна. Когда наступит полночь, эти немногие избранные встанут по бокам от входа в тронный зал, где...

- То есть это, в принципе, танец. Поняла, - отозвалась Шард, перебив его, а затем повернулась ко мне. -

В таком случае, в качестве акта благотворительности, я разрешу пропагандисту сопровождать меня.

Она улыбнулась. Улыбка не была жестокой, но не была и доброй.

- Вы хотите пойти со мной? - спросил я.

- Это слегка крепко сказано, - произнесла она, наморщив нос, словно учуяла нечто неприятное. - Но мое начальство считает, что можем снова работать вместе, поэтому я обязана вам помогать. Я в любом случае собиралась пойти, как и все офицеры, но если мы будем вместе, то я смогу сесть за верхний стол. Слышала, там подают настоящее мясо. Не могу такое пропустить.

Я не уверен, что Стайли поддерживал этот план, учитывая выражение его лица. Казалось, он разрывается, не зная, что хуже вынести: испорченный план рассадки, или же Шард, сидящую со знатью.

А я?

Не знаю, что я чувствовал, кроме как удовольствие от дискомфорта Стайли. Однако в моих наилучших интересах было наладить с Шард рабочие взаимоотношения.

Я пожал плечами.

- Тогда похоже, что проблема решена.

- И опять я спасла ситуацию, - заметила она, чуть улыгнувшись. - А теперь, если извините, мне нужно уйти с солнца. У меня нежная кожа.

Шард отвернулась, однако ее взгляд на миг задержался на синих цветах, украшавших обиталище губернатора.

- Не могу сказать, что впечатлена зрелищем в этом году, - произнесла она. - Проклятые цветы выглядят почти как приклеенные.

В утро Банкета Урожая я проснулся с раскалывающей голову мигренью, которая перемежалась раздробленными образами болотной воды и шипастых лиан.

Я надеялся, что это Мизар, передача фрагментов данных с блуждающего черепа-наблюдателя. Однако с тем же успехом это могли быть остаточные явления после вынужденного разрыва. Тем не менее, я провел день, пытаясь триангулировать^[3] его местонахождение при помощи двух оставшихся черепов. Это была утомительная и, в конечном итоге, бесплодная работа.

Согласно моему оттиснутому, пусть и слегка смазанному приглашению, до банкета оставалось несколько часов, поэтому, когда в дверь постучали, я решил не обращать внимания, предположив, что это просто слуга. Однако стук повторялся снова и снова до тех пор, пока я в итоге уже не смог его игнорировать. Я с проклятием встал, распахнул дверь и оказался лицом к лицу с командиром звена Люсиль фон Шард.

Она впечатляюще смотрелась в парадной форме - сочно-синем двубортном мундире, украшенном латунными пуговицами и с эполетами из золотого плетения. Через плечо был наброшен серый полуплащ, соответствующая рука покоилась на эфесе сабли, а на голове возлежала фуражка с алым султаном. Она бы до последнего дюйма выглядела превосходным имперским офицером, если бы не два

изъяна.

Первым была эта глумливая улыбка. А вторым – мерзко пахнущий канюк, устроившийся на ее левом плече. Несмотря на щедедушность и сгорбленность твари, ее клюв был длиной с выкидной нож, а желтые глаза пристально глядели на меня с хищным голодом.

- Командир звена? – произнес я, бросив взгляд на настенные часы. – Почему вы?..

Но Шард уже была внутри и изучала декор.

- Неплохо, – сказала она, задержавшись глазами на бутылках вина, подаренных губернатором. – И запасы хорошие. Не возражаете?

Я бы сказал, что нет, но она уже схватила бутылку. Предложенный мной бокал был отклонен взмахом руки. Вместо этого она смахнула печать и сделала длинный глоток.

- Клянусь, раньше, вкус был лучше. – Она нахмурилась и посмотрела на бутылку. – Эта планета действительно катится псу под хвост. Надеюсь, еда сегодня хорошая, я только затем и наряжалась.

- Вы часто посещаете подобные роскошные мероприятия?

- Бывала на нескольких, – отозвалась Шард. – Когда освобождаешь планету, тебя порой угощают скромной трапезой, а иногда церемониальным постом. Важно обращать внимание на инструктажах.

Она глотнула еще раз, а затем демонстративно рыгнула. Наверняка она заметила мою гримасу, так как ее лицо расплылось в широкой ухмылке. Думаю, тогда я впервые увидел ее настоящую улыбку. Возможно, та бы радовала глаз, не будь веселье Шард основано на моем дискомфорте.

- Вы так намереваетесь подавать себя вечером? – поинтересовался я.

Шард закатила глаза.

- Ох, я вас умоляю. Это не первое мое суаре^[4]. Я знаю, как играть свою роль.

Ее каблук щелкнули друг о друга. Она вдруг стала прямой и горделивой, со стальным взглядом и рокриковой челюстью, в форме без морщинок и пятен. Мгновенно превратилась в безупречного солдата. Это было сверхъестественно. Даже шрам на губе был к месту – памятный сувенир, заработанный в бою.

Исключение, конечно, составляла птица. Ее, похоже, устраивало держаться на одном месте, однако с момента ее появления мои апартаменты пропитались неприятным запахом. Я не был уверен, пускает ли животное газы, или же облегчилось на плечо Шард.

- Необычное создание, – рискнул заметить я. – Это полковой талисман?

- Бог-Император, нет! Это благородный рапто^[5]. Семья фон Шард разводила их на протяжении столетий. Согласно обычаю, старшая дочь держит одного для охоты.

- И чтобы брать на официальные мероприятия?

- Именно, – кивнула она. – Я изучила этот вопрос весьма подробно.

- Значит, он дрессированный?

- Нет. Просто дряхлый. Едва может летать, так что вред, который он способен причинить, ограничен. Впрочем, держите некоторую дистанцию: ему нравятся глаза.

- Он вас когда-нибудь ранил? - спросил я, и мой взгляд перескочил на ее травмированную губу.

Шард нахмурилась.

- Не могу припомнить. Он верный товарищ.

Она наклонила голову, доброжелательно улыбаясь птице. Теперь та балансировала на одной ноге, а свободной конечностью скребла себя по голове, разбрасывая тревожное количество перьев.

- Стало быть, мой брат об этом не говорил? - поинтересовалась Шард.

- Прошу прощения?

- Я слышала, что вы выходили на контакт с моим братом Тобией, - сказала она. - Не от него, само собой, но моя сестра Жозефина держит семью в курсе занятий друг друга. При условии, если это ее развлекает.

- Комиссар фон Шард пожелал связаться со мной по поводу моего проекта.

- Не сомневаюсь, - произнесла Шард. - Полагаю, он мог говорить только недолго? Потому что был посреди какой-то эпической битвы? Вы в курсе, что он это делает специально, чтобы казалось, будто он всегда на войне? Ну, то есть, насколько сложно запланировать десятиминутный разговор? Большинство командующих настолько его боятся, что выполняют любую просьбу, и никто на фронте не будет по нему скучать.

- Вас не заботит ваш брат?

- С чего бы? Я практически не знаю свою родню. В сущности, не думаю, что мы собирались все вместе со вторых похорон нашей матери.

Должно быть, Шард увидела выражение моего лица.

- Когда тело на самом деле нашли, - пояснила она. - Выкопали его из-под развалин, или дюн, или еще чего-нибудь. Нас, младших, на день вытащили из схолы прогениум, а мои старшие братья получили временный отгул от своих обязанностей. Просто чтобы мы могли постоять вокруг саркофага с аристократичным и сплоченным видом. Уверена, вы видели пикты?

- Видел. Они фигурируют на видном месте в некоторых наших материалах.

- Ну, я в тот день едва перемолвилась с братом. И с кем-либо из них. Потратила время на разговор со своей тетей. - Она пожала плечами. - С тех пор наши дела удерживают нас порознь. Нас связывает только Жозефина. Она и фамильное имя, наверное. Так почему вы обратились к Тобии?

- Я не обращался. Он запросил моего присутствия на этом задании и хотел проверить его состояние.

- Вы сказали ему, что я подумала о его письме?

- Нет. Я не желал оскорбить его так, как оскорбил вас.

- Никакого оскорбления не было. Просто мне неинтересно, что ему есть сказать.

Ее тон звучал неубедительно, но прежде чем я успел ответить, взгляд Шард упал на груды оранжевой

ткани, сложенную на кровати.

- Вы вот в этом пойдете?

Я не мог отрицать, что это был смелое творение. Шелковое одеяние соткали из каштановых нитей, полученных из местных паукообразных, которые плетут свои сети между свилевыми лианами. Оно было громадным, с ниспадающими до пола рукавами, и шло в комплекте с головным убором шире моих плеч и в первую очередь состоявшим из законсервированных частей насекомых.

А еще там был корсет. Хорошо сработанное изделие: шипованный панцирь, усаженный золотыми штифтами и выложенный нефритом. Однако после краткой примерки я вынужденно пришел к выводу, что его основная функция состояла в изменении расположения внутренних органов. Либо это, либо же изначальные обитатели планеты, вдохновившие эту моду, были ростом в восемь футов и не имели ребер.

- Это мне дали, - ответил я. - Полагаю, вы не одеты схожим образом в силу послаблений для военных?

- Естественно, - отозвалась Шард. - У солдата нет времени прихорашиваться. Но на вашем месте я бы уже начинала.

- Я даже не уверен, как это делать, - сказал я. - Надеюсь, Стайли будет готов помочь, когда придет время.

- Время пришло и прошло.

В ее интонации было нечто особенное. Казалось, ей весело, но я не уловил никаких ноток неискренности.

- В моем приглашении сказано в восемь, - произнес я, потянувшись за пергаментом.

- Что значит, что вы должны быть там к пяти, - заметила она. - Это называется этикетом.

- Как может быть этикетом сообщение неверного времени в приглашении?

- Потому что только благородные сословия, понимающие социальные традиции, знают разницу между тем, когда что-то начинается, и тем, когда необходимо прийти.

- Это представляется беспричинной путаницей.

- Это совершенно необходимо. Если нет установленных кодексов поведения, чем аристократам отделять себя от простых граждан? Помимо денег и продолжительности жизни, разумеется.

Она глянула на кучу предоставленных Стайли обносков.

- Ну? Надевайте.

Я помедлил. Шард вздохнула.

- У меня нет никакого интереса смотреть, что у вас под халатом, - сказала она. - Но хорошо, я поберегу вашу скромность.

Она отвернулась, обратив ко мне спину и пятно, которое оставила на ее плаще птица.

Одеяние выглядело для меня бессмыслицей, в нем было по меньшей мере шесть пройм для рук и всевозможные завязки. Я возился с ними целую вечность и постоянно ожидал, что Шард повернется

просто для того, чтобы меня спровоцировать. Однако она держала слово, оставаясь статуей даже тогда, когда я затянул последнюю завязку и обнаружил, что мои ноги спутаны вместе, а мне навстречу стремительно несется пол. Я бы выставил руки для защиты, но они как будто застряли в складках шелка.

Последующее падение лучше всего было бы описать как сотрясающее кости и смягченное исключительно подкладкой в виде облачения. К чести Шард, она не отреагировала.

- Можете двигаться? - поинтересовалась она, когда уже стало предельно ясно, что я не могу.

- Нет.

- Вам требуется помощь?

- Похоже на то.

- Вы уверены? - уточнила она. - Есть ненулевой риск того, что я могу мельком увидеть вашу подмышку.

- Думаю, это приемлемый риск. Кроме того, есть вероятность, что я медленно задыхаюсь.

Она повернулась и стала вытягивать путы. Ее птица помогала своим клювом.

- Честно говоря, - произнесла Шард, - пропагандист вроде бы должен лучше понимать важность первого впечатления.

Глава 11

Я отчасти подозревал, что Шард специально вырядила меня как кретина, пока мы не оказались на вершине главной лестницы, над сборищем прочей знати. Все носили вариации одних и тех же странных одеяний, многочисленные складки которых мешали двигаться, а трепыхающиеся рукава создавали существенную опасность для наиболее хрупких из украшений Долос. У всех была пережата талия, и аристократы стоически терпели неудобство. Хотя я и был худощавым парнем, но казалось, будто корсет грозит бедой моей мочевыделительной системе.

Стайли представил меня и при этом не спешил. Мои достижения особо не упоминались, но непомерный объем времени был уделен моему происхождению. Часто употреблялись слова «произведенный на свет» и «обрученный». Я поймал себя на том, что покачиваюсь, теряя равновесие из-за разукрашенного головного убора. Наверное, я бы упал, не подпирай меня локоть Шард. Она гораздо увереннее держалась на ногах. Возможно, подобной устойчивостью она обладала по праву рождения, но я подозревал, что даже ей бы пришлось непросто в тех церемониальных туфлях. Ношение обуви, сооруженной из мандибул, выбивало из колеи, и мне казалось, будто мои ноги вот-вот сожрут. Когда Стайли завершил представление, и мы стали спускаться, я постоянно ожидал катастрофы. Я даже не мог видеть вдаль, только не в съезжавшем на глаза головном уборе, но Шард была моей опорой. Она поддерживала меня, пока мы не добрались донизу, где отвесила короткий поклон.

- Что ж, пропагандист, я удаляюсь.

- Вы что? - переспросил я голосом, в который закрадывалась паника. Из толпы уже приближались какие-то люди.

- Это обычай, - сказала она. - Мы разделяемся и какое-то время вращаемся в свете, а затем снова

сходимся позже вечером. Тогда мы исполняем ту часть про солнце и луну.

Возможно, это была правда. Я мог представить подобный кодекс поведения как средство для аристократических пар насладиться отсутствием общества друг друга. Но равновероятным являлось и то, что она лгала мне, стремясь к переполненным едой банкетным столам в дальнем конце зала, где, как я заметил, уже обосновалась горстка офицеров.

И все же я был не совсем один. У моего плеча парил Киказар. Я посчитал благоразумным прихватить его в надежде на то, что бурная атмосфера может развязать языки.

- Мой дорогой Симлекс!

Я обернулся и увидел губернатора Долос, которая была великолепно в каштановом одеянии, украшенном сияющими звездами. Ее головной убор представлял собой практически целый экзоскелет, сращенные части тел насекомых тянулись до основания позвоночника. Она протянула руку. Я понятия не имел, как поступать, но губернатор быстро поняла это, прижала кончик своего большого пальца к моему, а оставшимися раскрыла мне ладонь. Далее последовал еще какой-то поворот запястья, но к этому моменту я уже совершенно запутался, так как слегка перебрал бесплатного вина. Долос, похоже, это не беспокоило.

- Чудесно видеть вас вновь, - с улыбкой произнесла она. - И вы выглядите превосходно, представитель аристократии Бахуса до мозга костей. Ну-ка, позвольте я вас кое с кем познакомлю.

Это была явная ложь, однако таково большинство бесед на подобных мероприятиях. Под музыку оркестра, инструменты которого вытесали из смеси путины с переработанными панцирями, меня представили всевозможным аристократам и высоким чинам. Сложилось впечатление, что Долос пыталась управлять моим общением. Либо так, либо зная Бахуса, как и почитаемые ею насекомые, руководствовалась коллективным разумом. Я провел одни и те же разговоры дюжину раз. Киказар постоянно находился возле моего плеча, записывая своими сенсорами каждую беседу.

Исключение составил лорд Помпо. Он загнал меня в угол, когда Долос исчезла, чтобы заняться кем-то из припозднившихся гостей. Это был дородный человек, который держался аристократично, задирая нос к небу, что вынуждало его поочередно глядеть на меня уголками обоих глаз. Те были примечательно широко посажены, и я невольно задался вопросом, не было ли в родословной этого господина бычьих генов.

- Итак, вы тот парень, кто избавит нас от этих гнусных зеленокожих, а? - произнес он.

- Боюсь, это за пределами моих возможностей, милорд, - отозвался я. - Мой долг лишь задокументировать происходящее.

- Чертовски верно, - сказал пожилой мужчина, ошетинившись. - Кому-то надо показать, что эти так называемые солдаты не делают свою работу. - Он на секунду прервался, пока слуга наполнял его бокал. - В этом году урожай провальный. Мы приносим домой едва ли половину от того, что когда-то раньше. А рабочие! Все вдруг слишком заняты нытьем про налеты или призыв, чтобы заниматься честным дневным трудом.

У него заплетался язык. Это было объяснимо. Сладкое и нежное вино каким-то образом передавало мягкие закаты и ленивые вечера. Полностью отсутствовал горький привкус, который чувствовался мной раньше. Прежде мне казалось, будто я навеселе, однако остекленевшие глаза лорда Помпо сообщили, что я каким-то образом от него отстал. Во всяком случае, в теории. Я подозревал, что даже в трезвом

состоянии воинственности и самомнения сделали бы его непрошибаемым собеседником.

- Проклятые ксеносы, - пробормотал он. - Дрянь, все до единого. Вы в курсе, что я служил? Сражался с ними... Как называют синих?

- Т`ау?

- Точно, - произнес он, кивая. - Вот там я был, моя личная гвардия готовилась высадиться и стереть эти выражения с их омерзительно пресных лиц. Но потом началась дипломатия! Я вас спрашиваю, кто станет говорить с ксеномразью? Следовало истребить всю их породу вместе с теми предательскими размазнями, кто хотел их умиротворить. Половина планет в Империи размякла, вот в чем проблема.

Я кивнул, пытаюсь изящно удалиться, но он надвигался одновременно с моим отступлением, повторяя каждый шаг. Его голос был громким и доносился, несмотря на какофонию в зале, а поскольку Киказар синхронизовался с речью Помпо, я слышал эту ахию в двойном объеме. Поверх его плеча я видел, что Шард и некоторые из прочих офицеров наполняют свои тарелки, а губернатор Долос тем временем как будто спешит в моем направлении.

- Хуже всех те остроухие.

- Аэльдари? - спросил я.

Он кивнул, осушив бокал.

- До сих пор верить не могу, что нескольким из них хватило наглости прийти на наш банкет! - продолжил он, и тут налетела Долос, взявшая его за руку. - Утверждали, будто их пригласили!

- Помпо, уже достаточно, - произнесла она, и в ее голосе появилась резкость. Он был слишком пьян, чтобы это заметить, но меня удивило поведение Долос. Должно быть, Помпо обладал таким влиянием, что даже планетарному губернатору требовалось прибегать к тактичности.

- Я вам тогда говорил, - произнес он, оборачиваясь к ней. - Нельзя давать им ни малейшего шанса. Симпатичные хуже всех, потому что могут сбить человека с толку. Ну, как минимум слабого. Зеленокожим и синегокожим хотя бы хватает приличия выглядеть отвратительно. А не как те гадкие самки-ксеносы с их холодными глазами и светлыми улыбками.

Тут он сбился, сконцентрировавшись на чем-то мне неведомом, а его лицо при этом воспоминании обмякло еще сильнее.

Долос воспользовалась удобной возможностью.

- Лорд Помпо, мы только что получили немного амасека, импортированного с Ультрамара. Некоторые говорят, будто это любимый напиток Лорда-регента.

Это привлекло его внимание, и он радостно позволил одному из слуг увести себя.

- Благослови его Бог-Император, - вздохнула Долос. - Он старый друг и при том верный, но действительно путается.

- Похоже, он считает, что предыдущий банкет посещали аэльдари?

- Знаю, - отозвалась она. - Бедняга. Возможно, думает о старой кампании.

- Он был солдатом?

- Не совсем, - ответила губернатор. - Его семья надзирает за виноградником на востоке. Небольшая армия задействуется для обеспечения продуктивности работников и противостояния возможным угрозам. Кажется, они периодически участвовали в стычках для защиты его интересов, порой даже за пределами планеты.

- В том числе и с т`ау?

- Это, должно быть, из его молодости, - произнесла она. - Идемте. Есть еще люди, с которыми вы должны встретиться.

Она протащила меня через вереницу людей, сходящих на этой захолустной планете за знать. Каждый из них менялся при упоминании моего имени, и в их глазах вдруг появлялась настороженность. Большинство благодарило меня за старания, утверждая, что кому-то требуется продемонстрировать, как армия разбазаривает свои ресурсы вместо того, чтобы дать бой оркам. Несколько развлекло меня рассказами о собственной борьбе с зеленокожими десятью годами ранее, до того, как это сочли военным вопросом. В их изложении противостояние угрозе напоминало охотничью экспедицию. Болотные глассеры, обычно применяемые для сбора урожая со свилевых лиан, оборудовали тяжелыми стабберами и использовали для зачистки орды. Могу лишь предположить, что существа, с которыми они сражались, были ближе к колченогим дикарям, чем к свирепым тварям, ныне терзавшим планету.

Киказар без устали записывал все разговоры, хотя я сомневался, что это стоило усилий. Меня поразила схожесть описаний: дюжина ртов пересказывала одну и ту же историю. По мере того, как лилось вино, тирады скатывались в невнятицу и вспышки пронзительного смеха, и мне пришло в голову, что вид этих якобы высокопоставленных лиц не слишком славил Империиум.

Я начинал скучать и подстрекнул сенсоры Киказара рыскать, зацепляясь за беседы, которые интриговали его пылкий машинный дух. Хотя у черепа-наблюдателя и не было сложных объективов Мизара, он обладал продвинутыми аудиодатчиками, равно как и даром перевода и интерпретации. Я обрывками уловил грешки в тени, но страсти и супружеские неверности аристократов представляли для меня мало интереса. Чуть любопытнее были слуги. Они суетились, словно рабочие насекомые, трудясь с неустанной отчаянностью, чтобы поддерживать видимую расслабленность мероприятия. Я засек, как Стайли распекал юношу в губернаторской ливрее за огнеопасность клейкого вещества из паутины, использованного при подготовке к торжествам. В тот момент я предположил, что речь о декорациях.

Но потом я заметил Шард, которая околачивалась у банкетного стола, обмениваясь любезностями с другими офицерами. Меня удивило, что пришел командир авиакрыла Просферус, учитывая его внешне враждебные отношения с губернатором Долос. Я предположил, что это протокол: визит являлся для него приоритетным делом как для командующего офицера. Выражение лица Просферуса указывало, что он и сам не получал удовольствия. В сущности, никто из офицеров не выглядел пребывающим в хорошем настроении. Их улыбки были редкими и отдавали фальшью.

А тарелка Шард до сих пор оставалась полной.

Я наблюдал целую минуту, но она ни к чему не притронулась, хотя та проклятая птица, сидевшая у нее на плече, сумела сцапать несколько кусочков. Несмотря на предшествующие заявления, Шард, похоже, совершенно не интересовалась едой.

Киказар все еще парил позади меня, сосредоточившись на статной аристократке, которая потчевала

нашу группу своими взглядами на наилучшие способы наказания праздных слуг.

- Киказар, фокус на объекте Шард.

Получив команду, череп-наблюдатель качнулся, направляя свои слуховые записывающие системы на разговор в дальнем конце зала и заглушая какофонию на пути. При помощи интерфейса я уловил отрывок беседы.

- ...нашли наш пропавший самолет.

- А остальные? - спросил командир звена Ноктер.

- Мы можем только предполагать, что их уничтожили. - Просферус вздохнул. - Хотел бы я, чтобы наши проблемы этим и ограничились. Больше всего меня беспокоит то, где мы их отыскали. Знаете провинцию Уалик?

- Нет.

- Это на другой стороне планеты.

Шард покачала головой.

- Невозможно. Даже при полете на предельной скорости и дозаправке в воздухе ни один из наших истребителей не может покрыть такое расстояние за несколько часов.

- Скажите это выжившему, хотя я вольно использую это слово. Он сейчас в медблоке. Не уверен, выкарабкается ли. А если и так, то подозреваю, что он мало о чем сможет нам рассказать. Когда его нашли, он был в состоянии лишь бормотать о зеленой молнии и чудовищах, которые украли его душу во мраке.

- Это Зеленый Шторм, - прошептал Ноктер, сотворяя знамение аквилы. Мне уже доводилось слышать это имя прежде. Шард запрокинула голову, делая вид, будто смеется, а затем подалась вперед.

- Нам нужно узнать, что прячется в тех грозовых тучах, - сказала она. - Позвольте мне взять эскадрилью и...

Просферус перебил ее:

- Нет. Западный грозовой фронт никуда не денется. Пока что держимся на отдалении от него.

- Эти тучи тянутся так широко, что могут скрыть армаду. Надо разведать.

- Мы уже разведывали, вот почему у меня погибло столько пилотов, - прошипел Просферус. - Сейчас у нас приказ избегать этого грозового фронта. Какая бы угроза ни таилась в нем, она не намерена выходить наружу. Есть неплохой шанс, что это природный феномен, который опасен для них так же, как и для нас. Он может даже защитить наш фланг.

- Простите за прямоту сэр, но от этого разит трусостью.

Я узнал в говорившем командира звена Градеолуса. И невольно отметил, что они с Шард расположились на противоположных концах стола.

- У вас есть предложение получше, Градеолус?

- Да, сэр! - ответил Градеолус, резко отдавая строгий салют.

- Пожалуйста, просветите нас.

- Отправьте все, что у нас есть, сэр: каждый самолет, могущий подняться в воздух, и каждого пилота, способного летать. Выдвинемся разом и уничтожим их.

- А остальные наши фронты? - поинтересовался Просферус. - Астра Милитарум не в силах устоять без нашей поддержки с воздуха. Те ороочи бомбардировщики их просто сотрут. Еще есть транспортные коридоры, которые мы пытаемся поддерживать открытыми. Если они найдут способ перерезать наши линии снабжения, мы проиграли.

Шард вздохнула.

- Было бы проще, не будь мы вынуждены нянчиться с этими тупицами-вырожденцами.

- Вы так считаете, Шард? - отозвался Просферус. - Думаете, я хотел, чтобы треть моей команды работала шикарной службой сопровождения, лишь бы эти люди смогли позволить себе бессмысленный ритуал?

- Тогда почему мы этим заняты?

- Потому что у нас есть приказы, и мы им подчиняемся. Ясно?

- Да, сэр.

- Вы уверены? - Просферус нахмурился. - Ведь вы мастер делать вид, будто соблюдаете букву приказа, в то же самое время нарушая его дух.

- Благодарю, сэр.

- Это был не комплимент. На самом деле...

Голоса потонули в визге. Я ахнул и прижал руки к ушам, упав на колени. Обращавшаяся ко мне аристократка наклонилась.

- С вами все в порядке? - спросила она, явно не испытывая проблем со звуком.

Я кивнул, но не смог ответить: боль слишком обессиливала. Вместо этого я пробормотал какие-то неясные слова извинения, а затем поднялся на ноги и отвернулся. Киказар следовал за мной, словно чрезмерно опекающая нянька. Я думал, что проблема в черепе-наблюдатели, акустические рекордеры которого вошли в петлю резонанса. Но по мере того, как я, пошатываясь, удалялся от торжеств, звук становился все сильнее, пока не показалось, что зубы треснут. Я нашел нишу и привалился к стене, сясь взять дыхание под контроль.

- Киказар, разорвать связь, - шепнул я.

На секунду наступило благословенное облегчение.

Затем боль пришла снова - не в виде звука, а как пульсация по ту сторону глаз. Всякий раз, как я открывал их, внутри головы била молния, сопровождавшаяся раздробленными образами, которые я не мог осмыслить: крики и огонь, абсолютный хаос повсюду вокруг.

Я услышал женский вопль. Сделав предельное усилие, я поднял голову на шум. Дама пристально

глядела в окно, указывая на что-то невидимое. Двое слуг покрепче уже приближались к стеклу, однако я обратил внимание, что Шард и офицеры не сдвинулись с места.

Нечто уставилось в окно. Я мельком заметил сверкающий красный глаз и зловещую ухмылку.

А потом стекло разбилось, и в комнату ворвался ужасный призрак. Он превосходил человека ростом, или превосходил бы, будь у него ноги для опоры, ведь его тело состояло из спутанных лиан и болотного ила, свисавших отдаленным подобием человеческой фигуры. Единственной настоящей чертой был горящий красный глаз, который озирал помещение, что-то выискивая.

- Мизар? - прошептал я.

Вымазавшийся в трясине череп-наблюдатель вильнул ко мне, волоча за собой сломанные свилевые лианы. Я чувствовал, как его машинный дух скребется в мои мысли, взбудораженный воссоединением после столь долгой разлуки. Взвизгнув антигравитационными движителями, он подлетел поближе. Киказар кротко уступил собрату и юркнул вбок. Я слишком поздно понял, что происходит - Мизар отчаянно стремился синхронизоваться со мной и поделиться всем увиденным.

Этого было слишком много, больше, чем я мог обработать. Часы странствий по топям, преследование мерзкими насекомыми и жуткими тварями, стук выстрелов и рев взрывов. Все силой вгонялось в мой разум, воспоминания занимали место моих собственных. Я попытался закричать, но наружу вырвался только хрип. Показался подбегающий Стайли, на лице которого отпечатался ужас - видимо, из-за того, что торжества находились под угрозой.

- Уберите его отсюда, - зашипел он, но я оттолкнул мажордома в сторону. Мне не удалось осмыслить всего, но один образ остался выжжен у меня в сознании. Я отыскал Шард, которая улыбалась - несомненно, моему затруднению. Попробовал заговорить, но не мог найти свои голосовые связки. Я видел, что люди уже смеялись, вероятно, принимая сцену за часть праздника.

Сконцентрировавшись на ухмылявшейся Шард, я молча стал тыкать пальцем в небо.

- Да. - Она кивнула, словно обращалась к ребенку. - Окно. Он появился через окно. Вы можете сказать «окно»?

Я затряс головой, все еще не в силах говорить. Вместо этого я сделал единственное, что пришло мне в голову - выпятил челюсть и изобразил пальцами клыки. Когда я беспомощно замычал, весь зал взорвался хохотом.

Кроме Шард. Ее улыбка исчезла.

- Орки, - прошептала она и бросила взгляд на командира авиакрыла. Я не расслышал, что она сказала потом, только рев Просферуса, приказывавшего добраться до ангара. Шард и прочие пилоты сорвались на бег, отталкивая сбитых с толку гостей, а я осел на колени. Машинные воспоминания Мизара все еще раздирали мое сознание, но я знал, что видел: орочья машина набирает ускорение, нацеливаясь на шато.

Когда в глазах стало тускнеть, я услышал, как вдалеке застучали зенитные батареи «Гидр».

Глава 12

Не могу быть уверен, когда ко мне вернулось сознание. Помню, как двое членов наземной бригады понесли меня на носилках, но Стайли стал их отчитывать, настаивая, чтобы меня доставили к губернаторскому врачу. Последовавший спор мог продолжаться неопределенно долго, если бы не взрыв, озаривший небо. Когда дождем посыпались осколки, было решено, что обсуждение можно перенести – по крайней мере, до тех пор, пока они не окажутся в укрытии. Я бы согласился, если бы мог говорить, однако контроль за движениями все еще был ограниченным. Мизар, словно взволнованный ребенок, стремился передать каждый клочок информации, накопленной им в путешествиях. Пока небо освещалось лазерами и пламенем, он угощал меня проблесками своего странствия. Я видел удивительную флору и фауну, а также ржавые хижины, расположенные в глубине болота. Когда-то они принадлежали рабочим, но те несчастные сгнули, а их кости висели между свилевыми лианами, возможно, отмечая территориальные границы.

В поле зрения проступил растрескавшийся потолок из прессованных противоосколочных плит, из чего следовало, что наземный персонал отыскал убежище. Но теперь глаз Мизара привлекло сражение наверху. Среди вторгшихся орков выписывала пируэты эскадрилья «Громов», ведущий которых каждым всполохом своих лазпушек забирал по истребителю зеленокожих. Я знал, что это Шард, ведь кто еще обладал такой меткостью? Однако Мизар был слишком восхищен побоищем и не мог сосредоточиться на одной цели. Его взгляд перескакивал между поединками истребителей. Я попытался как-то повлиять на него, но череп-наблюдатель воспринял это как сигнал возобновить загрузку данных.

Моя голова резко откинулась назад под натиском образов. Бесконечные лианы, плоды которых набухли, но испорчены уродливыми черными отметинами. В болоте томится разбитая машина, вода не может удержать медленно пожирающее ее пламя, иступленный пилот борется с заклинившей летной обвязкой. Потом появилась платформа: громадное искусственное сооружение из стали и рокрита. Судя по виду, она была построена Империем, но ее испохабили мерзостными рунами ксеносов и любопытными устройствами неизвестного назначения, собранными из разных кусков. Когда Мизар приблизился, видимо распознав строение среди хаоса, его акустические сенсоры уловили дикие вопли орков. На вершине платформы вели ритуальный поединок двое зеленокожих, окруженные еще дюжиной других улюлюкающих сородичей. Оба были огромными тварями, превосходившими по размерам даже тех созданий, которых я видел на аэроботах. Их выпадам недоставало изящества, но свирепые бойцы обладали примечательной храбростью и неожиданной быстротой. В конце концов, победу определило кружащееся лезвие массивного цепного клинка. Оно проскользнуло мимо иссеченного топора, нанеся обезглавливающий удар. Когда тело упало, орки вокруг одобрительно взревели, что звучало почти как аплодисменты. Победитель торжествуя поднял кулак.

А затем, среагировав на какой-то невидимый сигнал, орки разом посмотрели вверх, и их гортанные крики слились в радостный вой. Увы, подняв головы, они заметили немигающее око Мизара. Воздух внезапно наполнили пули, но, к счастью, черепу-наблюдателю хватило здравого смысла ретироваться. Пока он удалялся, у меня перед глазами промелькнуло видение. Я не смог его разобрать – оптику черепа временно расстроил слепящий свет.

Однако на миг показалось, будто небо разорвала зеленая молния.

Я пришел в себя и увидел очередной конфликт, но на сей раз между Стайли и разгневанным хирургом в окровавленной одежде. Мой взгляд на задержался на скальпеле, зажатом в его правой

руке, и том, как он глядел на горло Стайли. Мажордом, похоже, этого не замечал, горестно выпячивая подбородок и тыча пальцем в грудь хирургеона.

- Губернатор настаивает, чтобы вы отпустили его на ее попечение.

- Тогда губернатор может спуститься сюда и сказать мне лично, - отозвался хирургеон. - До тех пор это мой пациент. И я не отпущу его на попечение тех мясников, кто занимается вашей рабочей силой. Я видел, у скольких людей недостает конечности.

- Сельскохозяйственный труд не лишен риска. Инфекции необходимо вырезать от источника.

- В самом деле? Ведь когда кто-то является ко мне на операцию с ушибленным пальцем, а уходит с одной ногой, я считаю это провалом.

- Единственный провал тут в том, что ваши люди не способны защитить шато губернатора. Если бы этот тупой иномирец не предупредил нас вовремя, мы бы сейчас вообще не вели разговор.

Стайли указал на меня, чтобы подчеркнуть свои слова, и только тогда осознал, что мои глаза открыты. Он отпрянул, его левый глаз задергался, словно предвещая неизбежный припадок.

- Я... вы очнулись, господин, - проговорил он, не зная, как общаться, когда исполняешь одновременно роли льстеца и противника. Хирургеон не страдал подобной нерешительностью и уже был у моей кровати. Он достал из своего одеяния маленькое устройство и поочередно посветил в каждый глаз тусклым зеленым фонарем.

- Как себя чувствуете? - пробормотал он, обращаясь к точке у меня за ухом. - Головные боли? Нечеткое зрение?

- Я... Уже нет, - ответил я, силясь сесть. Особого дискомфорта не было, только изнеможение. В голове до сих пор крутились инфозаписи Мизара, похожие на полузабытые воспоминания с вечернего кутежа.

Я почувствовал, как руки хирургеона переместились с запястья на горло: он проверял мой пульс. Меня это удивило; обычно подобные обследования проводятся при помощи диагностикатора. Однако краткий взгляд на лазарет все прояснил. Рокрит, пусть и чистый, был сильно изношен и растрескался в тех местах, где пытались пролезть душащие свилевые лианы. Кровати представляли собой примитивные койки, которые, видимо, когда-то использовались рабочими планеты. Большинство было занято. Некоторые солдаты сидели прямо, переговариваясь на пониженных тонах, пока медик проверял их перевязки. Прочие лежали совсем неподвижно, теряясь под множество трубок и инъекторов.

- Это все после нападения? - прошептал я.

Хирургеон покачал головой.

- Нет. Его мы перенесли весьма неплохо. Противовоздушная оборона сдерживала их достаточно долго, чтобы смогли взлететь истребители. Те отбили атаку.

- Потерь было мало?

- Я бы так не сказал, - проворчал он. - Но те, кого сбивают, здесь не оказываются.

- Есть еще один центр?

- Нет, просто яма. Останки скидывают туда, пока не придет время их сжечь. На вашем месте я бы ее

избегал: климат ускоряет разложение, и запах довольно тяжелый.

Он заметил выражение моего лица и пожал плечами.

- А чего вы ожидали? - сказал он. - В болоте ничего нельзя похоронить.

Прежде чем я успел ответить, он перешел дальше, сосредоточившись на следующем пациенте.

Стайли прокашлялся. Это звучало крайне неприятно, словно в сморщенных складках его шеи обосновалось какое-то мерзкое существо. Я посмотрел на него. Он одарил меня улыбкой сомнительного характера.

- Мой господин, - произнес он. - Я должен извиниться за текущую ситуацию. Губернатор Долос непреклонно настаивала, чтобы за вами ухаживал ее личный врач. Но эти солдаты? Пф! - Он выплюнул слово так, будто это было протухшее мясо. - Они уволокли вас сюда, прежде чем я смог их остановить.

- Все в порядке. Я в порядке, - сказал я.

По правде говоря, это было не так, в голове все еще царил беспорядок. Даже сидение заставляло меня покачиваться. Но в окружении немощных и умирающих я остро сознавал, что занятая мною кровать может больше пригодиться другому.

- Как губернатор? - спросил я, перекинув ноги вбок и нетвердо вставая.

- Невредима, - отозвался Стайли, кладя мою руку себе на плечо. К его коже пристал кислый аромат. Несмытый пот. Раньше такого не замечалось. Как бы еще я ни очернил Стайли, но он был придирчив к чистоте.

- А ее гости? - поинтересовался я, пока он помогал мне.

- Никто не пострадал, - ответил Стайли, но из его интонации следовало иное. Я не стал углубляться в тему.

- До сих пор поверить не могу, что они добрались до шато, - пробормотал он, когда мы добрались до двери. - Банкет Урожая - это традиция, уходящая на тысячи лет назад. Сейчас его прервали впервые в письменной истории, и будут последствия. Прошлой ночью губернатор Долос поставила на первое место безопасность своих гостей, но этим утром она потребует объяснений. Не сомневаюсь, полетят головы.

Мы двинулись дальше по едва освещенному коридору. К стенам привалились люди, ожидавшие своей очереди у хирурга, а Стайли тем временем продолжал свою диатрибу^[6]:

- Лорд и леди Помпо были поражены произошедшим. Но знаете, эти двое разнесут слухи по всему сектору. Это плохо сказывается на всех нас, вот чего не понимают те охотники за славой. После такого вот фиаско они перемещаются на свою следующую войнушку, оставляя нас разбираться с резонансом. Всякий раз, когда мы предложим свое гостеприимство, будут шепотки, подлые ремарки о том, ждет ли мероприятие успех. Как будто кто-то из них справился бы лучше.

Он уже весьма оживился, его взгляд был прикован к невидимой точке. Я отвернулся и заметил старшего сержанта Плайнта, сидевшего возле юноши с серым лицом, который судорожно дышал. Он поднял глаза и доброжелательно улыбнулся, не особо убедив этим меня, что все хорошо.

Мы уже почти дошли до выхода из бункера. Лестница вела к двери, окруженной ореолом. Небо за ней

было таким ярким, что мне пришлось заслонять глаза, пока я озирал остатки парка. Раньше он представлял собой грязное поле, но теперь превратился в сплошные воронки, торф был вспорот каскадом разрывных снарядов. Наземные бригады расчищали обломки, но я поймал себя на том, что мой взгляд притягивает шато.

Сооружение осталось примечательно целым, старая древесина мандака показала себя устойчивой к нападению. Однако цветение выгорело, дочерна опалив внешний слой коры. По всей территории были разбросаны синие лепестки, которые, возможно, снесло первым взрывом. Я протянул руку к ближайшей горстке и с удивлением обнаружил, что они пристали к взлетной полосе. Цветы были сухими на ощупь, обезвоженными, словно их давно законсервировали.

Я бросил взгляд на Стайли. Тот стоял совсем неподвижно, его глаза затуманились. Перестав поддерживать мой вес, он выскользнул из-под моей руки и нетвердо сделал шаг в направлении шато. Должно быть, он находился в полевом госпитале с тех пор, пока не взошло солнце, и еще не знал о масштабах ущерба. Бедняга. Его скрупулезно управляемый мир больше не имел смысла.

Но когда он заговорил, в его голосе не было горя, только едва сдерживаемая ярость.

- Кто-то должен предстать перед судом за это кощунство! - бросил он, оборачиваясь ко мне. Я удивился включению в круг его доверия. Но, видимо, при всех прочих моих недостатках я все же не входил в состав армии.

- Это можно починить? - спросил я.

- Починить! - фыркнул мажордом, свирепо глядя на меня. - Думаете, можно починить...

Тут он, наверное, вспомнил о моем положении, поскольку помедлил, а затем улыбнулся той противной улыбкой.

- Я хочу сказать, господин, что невозможно починить здание такого типа. Это живое существо, и оно не восстановится, пока не войдет в фазу роста весной. И не расцветет снова до следующего года.

- Полагаете, к тому времени оно оправится?

- О да. - Он кивнул. - Каждый год, независимо от обстоятельств, на дереве цветы. Я гарантирую это.

В его голосе слышалась гордость, а также возрожденная целеустремленность.

- Приятно знать об этом, - сказал я. - Но если вы меня извините, я должен вернуться к своим трудам.

- Да, вы должны показать им, - проворчал Стайли. - Показать им всем, что эти ублюдки сделали с домом губернатора!

Уходя, я говорил себе, что он подразумевал зеленокожих.

Перед моей комнатой ждал командир звена Градеолус.

Хотя я взял у этого человека короткое интервью, не могу сказать, что он увлек меня, и по мере приближения мой шаг замедлился. За пределами самолета он казался огромным, таким широким, что ему, должно быть, нелегко было втиснуться в кабину своего истребителя. Той ночью он явно побывал в бою: летный комбинезон был запачкан грязью и чем похуже, а также распространял характерный

аромат прометия. Однако лицо Градеолуса было дочиста отмыто, волосы зачесаны назад и приглажены, а усы – навощены до угрожающей остроты.

Увидев меня, он выпрямился, сделал шаг вперед и протянул руку, которая полностью обхватила мою.

- Пропагандист Симлекс, – произнес он с широкой ухмылкой. – Кажется, не помешает поблагодарить. Говорят, это вы подали сигнал, который позволил нам отбить орков.

- Видимо да. – Я пожал плечами. – Хотя это была скорее удача, чем талант.

- И все же вы исполнили свою роль. Это все, что может сделать любой из нас.

- Вы правы, – сказал я, кивнув. – Однако я задаюсь вопросом, что еще могу для вас сделать.

- Ха! – Градеолус запрокинул голову, словно моя реплика была пиком остроумия, а потом хлопнул меня по спине свободной рукой. Сила удара толкнула меня вперед, и я бы упал лицом вниз, если бы он не продолжал сжимать мою ладонь.

- Что вы можете для меня сделать? – усмехнулся командир звена. – Вы, мой малорослый друг, уже сделали так много. Не предупреди вы заранее об атаке зеленокожих, кто знает, где бы мы оказались? Мои источники утверждают, что Долос весьма вами очарована.

- Источники? – переспросил я, а Градеолус тем временем разжал хватку и небрежно зашел в комнату

- Слуги, – произнес он. – Честно сказать, жалкое зрелище, как отчаянно они хотят признания. Купи им пару раз выпивку, угости парой историй – и они расскажут тебе что угодно.

Говоря, он оглядывал комнату.

- Мило. Должно быть, вы обладаете значительными ресурсами.

- Я служитель Имперума, – ответил я. – Беру то, что он дает.

Градеолус кивнул.

- Естественно. Но в своей мудрости Бог-Император обычно дает лучшее тем, кого считает наиболее достойными. Мне ли не знать.

Он снова расхохотался, и грохочущие звуки эхом разнеслись по коридору. Я подождал, пока они стихнут, а мой взгляд метнулся на контейнеры. К счастью, сервачерепа находились на месте, Мизару хватило здравого смысла присоединиться к братьям. Мне еще предстояло изучить снятый им материал, поскольку все, что он загрузил мне в голову, было слишком разобщенным для интерпретации.

Хлопнув себя рукой по колену, Градеолус уселся на край кровати. Другой тревожно накренился вверх.

- Ха! – в последний раз воскликнул командир звена, утирая рукавом слезы с глаз. – Но хватит шуток. Я здесь, чтобы спасти вас.

- Спасти меня?

- Да, – произнес он, кивая. – Не секрет, что вы стремитесь задокументировать величие Аэронавтики Импералис. Достойная цель, но ее не достичь без подходящего объекта.

Градеолус страдальчески улыбнулся, словно сожалея о том, что обстоятельства потребовали от него

сообщать эту самоочевидную истину. Его руки были широко раскинуты, а выражение лица подразумевало ожидание какого-то ответа. Я кивнул, надеясь, что этого достаточно. Его улыбка стала шире, продемонстрировав комплект почти что чрезмерно белых зубов. Мне пришло в голову, что орк, исполняющий такой же жест, выказывал бы угрозу.

- Вот почему я тут, - сказал он. - Теперь у вашего пикта есть главный герой.

Я не знал, как реагировать. Его послужной список указывал, что он подходит, и ему явно очень хотелось появиться на пикт-экране. Невзирая на чуть грубоватые манеры, он выглядел вполне представительно.

И все же мне не нравилась эта улыбка. И эти холодные мертвые глаза.

- Сейчас я собираю материал из различных источников, но когда позволит время, яс удовольствием проведу еще одно интервью...

- Нет, так не пойдет, - произнес Градеолус, поднимая руку, чтобы я умолк. - Не нужно скромничать. Я знаю о попытках Шард стать гвоздем программы. Не удивлен, у этой женщины легендарное самомнение, а Просферус, к сожалению, ей благоволит. Вы знали, что это я должен был вести «Валькирию» при вашей первой вылазке в болота? Но она украла мое место. Исключительно безрассудно. Она была навеселе после прошлой ночи, и ее опьянение могло поставить под удар миссию.

- Возможно. Но это была не ее идея, я...

Он вдруг оказался на ногах и навис надо мной, перекрыв своим огромным телом солнечный свет, струившийся через окно. На мое плечо легла увесистая рука.

- Я знаю, что это сложно, - сказал он. - У всех командующих есть любимчики, а она обладает определенной развязностью, которую некоторые находят... симпатичной. Но после того задания, полагаю, всякая симпатия угасла.

- Может быть. Но ко мне хотя бы изначально какая-то была.

Услышав ее голос, мы оба застыли и дружно посмотрели на дверь. Шард стояла, прислонившись к раме. На ней тоже был грязный летный костюм, а на щеке - недавно зашитый порез.

- Проклятый фонарь разбился, - сказала она, пожав плечами, в ответ на мой взгляд. - Скучаю по своей «Молнии».

- Шард, - холодно произнес Градеолус, отпуская мое плечо. - Что вы здесь делаете?

- Исследую, - отозвалась она. - Мне показалось, будто я слышу брачный крик донорийского дьявола. Я поспешила защитить нашего пропагандиста от его гнусных намерений. Конечно, сейчас до меня доходит, что жуткий звук, вероятно, был всего лишь вашим самодовольным хихиканьем, которое, видимо, последовало за необдуманной попыткой пошутить.

Она улыбнулась, не стараясь скрыть свое презрение. Я глянул на Градеолуса, челюсти которого сжимались так плотно, что могли бы молоть костную муку.

- Теперь, когда вы увидели, что никакой опасности нет, вам, возможно, следует пойти своей дорогой, - сказал он. - Наверное, где-нибудь есть бутылка, требующая вашего внимания.

- Если бы, - вздохнула Шард. - Я здесь, чтобы забрать нашего героического пропагандиста.

Я нахмурился.

- Героического?

- Я удивлена так же, как и вы, - ответила она. - Некий аристократ заявил, что единственной причиной, по которой нас не уничтожили прошлой ночью, стало ваше своевременно предостережение. Лично я думаю, что некоторый вклад внесли системы ПВО, равно как и мои собственные несравненные умения. Но все это выглядит блекло в сравнении с идиотским бормотанием, а затем падением в позу эмбриона, при этом, несомненно, обделавшись.

- Я не обделался.

- Я не имела намерений проверять. Как-никак, кому-то же надо было защищать Империиум, - отозвалась Шард. - И на этой ноте вам нужно идти со мной.

- Куда?

- Не знаю. Засекречено, - сказала она. - Ну, либо я не слушала на инструктаже. Но, как бы то ни было, кто-то хочет, чтобы вы провоняли мой самолет. А, и прихватите вашего друга-черепа. Это важно, не так ли?

- Каким образом? Он никогда не поспеет за нами.

- О, поспеет, - вздохнула Шард. - Поверьте мне, наша миссия не будет проводиться на большой скорости.

Глава 13

В том полете я многое узнал - по большей части, об анатомии разнообразных насекомых, процветавших во влажном климате Бахуса. Они не обращали внимания на наше движение, спокойно размазываясь по кабине. Многие обладали размахом крыльев в фут, а то и больше, и системы очистки самолета вели постоянную битву, убирая их тела и поддерживая видимость. Это выглядело тщетным занятием: к машине собирались еще сотни существ, и каждые несколько секунд мы встречались с очередным беспозвоночным, которое как будто хотело покончить с собой, стремясь врезаться в стекло штурмовика «Стервятник».

Мне не доводилось видеть эту машину прежде, хотя ее силуэт напоминал «Валькирию», а возможности были схожими. Однако она не обладала способностью к транспортировке, и ее экипаж, не считая пилота, состоял из одного стрелка. Я занял его место, но Шард выставила ограничения, чтобы не дать мне доступа к системам вооружения - эту политику я поддержал, поскольку не хотел случайно открыть огонь из спаренных самолетных пушек «Каратель». Это были огромные многоствольные орудия, способные на стремительный темп стрельбы. В сущности, я не мог избавиться от мысли, что их конструкция выглядела почти по-орочи.

Перед нами пыталась продвигаться по трясине колонна «Химер». Нам следовало сопровождать и поддерживать ее, но их успехи были мизерными. Бронетранспортеры являлись наполовину амфибиями и умели пересекать даже водные объекты. Однако болота Бахуса были практически желеобразными, и движение со сколько-либо значительной скоростью приводило к застреванию гусениц и замутнению смотровых окон. Периодически нам приходилось останавливаться, чтобы отделения могли высадиться и

убрать спутанные корни или прочистить забитые выхлопные трубы. Хотя «Стервятник» был способен зависать, Шард использовала любую задержку как шанс унести прочь от наших товарищей на земле, утверждая, будто проводит разведку или преследует неопознанный сигнал на ауспике. Именно в такие моменты, когда ускорение прижимало меня к сиденью, я наконец-то ощутил отдаленное представление о том, каково быть асом-истребителем. Каково быть как Шард.

Озвучить это вслух было ошибкой. Она рассмеялась, качая головой. В этом звуке не было веселья.

- Что? - спросил я.

- Ничего, - сказала она. - Конечно же вы знаете, каково быть асом. В конце концов, уже пару часов сидите в кресле и смотрите, как жуки совершают массовое самоубийство. Чему тут еще учиться?

- Я не говорил, что знаю, каково это.

- Говорили.

- Нет, я сказал, что отдаленно представляю, каково быть вами.

- На самом деле нет, - мягко ответила она. - Никто не представляет.

Машина дернулась влево, толкнув меня, а затем мы сделали пируэт и стали возвращаться к союзникам.

Я сменил обзор, синхронизовавшись с Мизаром, который сопровождал колонну, с легкостью поспевая за ней на своих антигравитационных движителях. Перед выходом я выгрузил его память в хранилище, и череп-наблюдатель как будто воспрял духом, сбросив это бремя. С его помощью я снял «Стервятника», который реял над продвигавшимися частями, сверкая корпусом на солнце. Эффектный кадр, но не более чем заполняющий материал. Здесь не было никакого нарратива, подкрепляющего драму, никаких вех. К тому же, требовалось отфильтровать ворчание пехоты неподалеку, которая не оценила воздушного театра и прибегла к некоторым весьма неоправданным выражениям, высмеивая его.

Как раз во время подстройки звука я и услышал крики.

Мизар развернулся, и ровно в этот момент из воды вырвалось многоногое существо. Оно было выше человека, крылья раскинулись почти на десять футов. Жуткие фасеточные глаза окружали остроконечный хоботок, и тварь быстро погрузила это орудие в ближайшего пехотинца, оторвав того от земли. Он тут же усох - внутренние органы разъедало, и чудовище хлебало его жизненную основу.

- На нас напали!

Услышав это, Шард вздрогнула и оглянулась через плечо.

- Не нужно кричать. Кто нападает?

- Вон там! - произнес я, а существо тем временем отбросило сморщенный труп в сторону и уже прыгало на следующую жертву, пока ее товарищи не успели пустить в ход оружие. Была выпущена пара лазерных зарядов, один из которых срикошетил от панциря.

- Это просто жук-знаменщик, - сказала Шард. - Вроде большой плодовой мухи. Должно быть, они потревожили его гнездо. Не повезло, обычно эти твари ведут ночной образ жизни. Не волнуйтесь, они с этим разберутся.

- Разве вы ничего не можете сделать?

- Конечно, - отозвалась она. - Я могу спикировать вниз и начать палить из обоих «Карателей». Это превратит жука в размазанное пятно. К сожалению, то же самое произойдет со всеми в радиусе примерно десяти футов. Может даже уничтожить «Химеру», если перебьет топливопровод.

Пока она говорила, умерло еще двое солдат, от тел которых остались иссохшие мешки из кожи с костями. Однако когда тварь ринулась за новой добычей, еще один бросился ей на спину. Его нож скользнул по поверхности бронированного панциря, но на отскоке рванул нежные перепонки крыла насекомого. Потеряв равновесие, оно внезапно упало в грязь и выпотрошило атакующего когтистой конечностью. Но отряд уже мобилизовался. Очередной залп лазганов удерживал жука достаточно долго, чтобы успели задействовать огнемет отделения. Вокс Мизара с трудом разбирает творящуюся какофонию, однако я клянусь, что существо испустило почти человеческий вопль, когда его панцирь треснул от жара. Оно повалилось в болото, и вскоре не осталось ничего, кроме неопрятного пятна на воде.

- Они его достали, - произнес я.

- Хорошо.

- Но мы потеряли четверых солдат.

- Звучит правдоподобно.

Выжившие нагнулись подобрать павших товарищей, но их остановил рявкнутый сержантом приказ. Вместо этого с мертвых сняли экипировку, вознесли краткую молитву, а затем отдали их болотным водам.

- Они бросили тела, - сказал я.

- Жук-знаменщик мог оставить яйца, - ответила Шард. - Вам не захочется, чтобы они проклюнулись внутри «Химеры». Он потому и кормился: они используют нашу кровь для вынашивания потомства, а потом впрыскивают его в высушенные тела.

- Какая мерзость.

- Это только в сезон размножения. Большую часть года они питаются плодами лиан.

- То есть они опасны лишь когда откладывают яйца?

- О нет, - отозвалась она. - Они иррационально территориальны и крайне агрессивны. Но они не станут вас есть, просто обезглавят. Или вытащат ваши кишки и развешат между лиан. Никто не знает, почему, но они могут быть в этом весьма изобретательны.

- Их поэтому называют знаменщиками?

- Я так и не потрудились спросить.

«Химеры» снова тронулись. За ними тонули мертвецы. Я пробормотал короткую молитву Богу-Императору, чтобы тот сберег души павших. Шард не присоединилась ко мне, хотя ей хватило приличия хранить молчание, которое так и продолжалось, пока колонна продвигалась по толям. Однообразие мало чем нарушалось. Свилевые лианы росли беспорядочными пучками, время от времени вынуждая менять курс, да еще несколько насекомых попыталось перехватить транспортеры, но обнаружило, что корпуса «Химер» неуязвимы для их атак.

Вот почему я был взволновался, когда мы наткнулись на сбитый самолет.

Он принадлежал Империи, но сверх этого я не смог распознать его происхождения. Фюзеляж был разорван и испещрен пулевыми отверстиями. Колонна остановилась и после краткого осмотра обломков приняла решение сжечь их. Когда я поинтересовался, зачем, Шард пожала плечами.

- Чтобы не достался врагу.

- Но это была рухлядь!

- Возможно, для нас. Но зеленокожие превосходно обрабатывают утиль. Где, по-вашему, они достали тот калибр оружия, который нужен, чтобы сбить такую машину?

- Они собирают даже этот мусор?

- Мы на болоте. Как думаете, откуда они берут свое оружие, кроме как с набегов на винокурные платформы? В этом их сила. Наши потери становятся их приобретениями, но даже когда они проигрывают, просто остается металлолом. Следующая волна орков сможет перековать его на новое поколение вооружений.

- Мы за этим здесь? - спросил я. - Политика выжженной земли?

- Нет, - ответила Шард. - Мы здесь, чтобы отбить утраченную территорию.

- Когда мы доберемся до этой территории?

Тут она рассмеялась и оглянулась на меня. Ее улыбка была теплой, но не менее жестокой.

- Вы мне почти что нравитесь, Симлекс, - произнесла она. - Ваша наивность граничит с очаровательностью. Практически компенсирует вашу слабыхарактерность.

- Не понимаю, что смешного.

- Знаю. Это мне тоже нравится, - сказала она и указала на трясину. - Мы уже отвоевали территорию.

Немигающим оком Мизара я оглядел обширные топи.

- Какие мысли? - поинтересовалась Шард.

- Похоже, ценность этой территории невысока.

- В смысле, потому что она не может быть с легкостью укреплена и не имеет никаких стратегических достоинств? - спросила она. - Или потому, что мы и так испытываем нехватку ресурсов и не должны идти на риск потерять «Химеру» или «Стервятника» из-за опасностей окружающей среды?

- Я полагаю...

- Или вы думаете о логистике? Что так много времени и так много жизней, не говоря уже о прометии, растраниваются ради столь ничтожного приобретения?

- Все вышеперечисленное, наверное.

- Что ж, вы допустили в своем анализе ошибку, - произнесла Шард. - Если бы война была уравнением и оправдывала себя только в том случае, когда ценность результата превышает вложенные средства, в

этом конфликте не было бы никакой целесообразности. Однако существуют менее заметные вопросы. Мораль, утраченное, сокращение потерь и обезвреживание возможных угроз. Затратная война сегодня все еще дешевле баснословно дорогой войны завтра.

- И дело в этом?

- Нет. Это из-за того, что благородная дама была опозорена на своей вечеринке и хочет выплеснуть гнев.

Я покачал головой.

- Она не может приказывать такому. У нее нет военной власти.

- Нет, но на ее резиденцию напали. Она может потребовать защиты и обладает достаточным политическим капиталом, чтобы обеспечить ее получение. Она хочет, чтобы местность вымели дочиста. И вот мы здесь. Метем.

- Она не может командовать вашими силами, - повторил я, упорствуя, несмотря на текущую обстановку.

- Не больше, чем вы можете командовать мне, куда лететь.

- А я мог бы вами командовать?

- Это интересный вопрос, - задумчиво произнесла она. - С одной стороны, нет, так как я командир звена, а у вас нет воинского звания. Впрочем, вы могли бы наставить на меня пушку, нацелить ее мне в затылок. Есть неплохой шанс, что это бы сработало. Или, полагаю, вы могли бы вытащить свиток или письмо поддержки от губернатора Цанвиха, которое подтверждает, что он вас уполномочил. Тогда мы оказались бы в сложной ситуации. Я могла бы вам отказать, но если бы губернатор обиделся, моя жизнь бы очень быстро пошла под откос.

- У Долос есть свиток или пушка?

- И то, и другое, - ответила Шард. - Вы еще подключены к этому вашему черепу-наблюдателю?

- Да.

- Можете на секунду отсоединиться? Мне нужно удалиться, а я не хочу, чтобы у вас случился приступ, и вы опять испачкали штаны.

- Я их не пачкал.

- Тут нечего стыдиться. У многих свежих новобранцев случается понос, когда они впервые попадают в бой. Такое редко бывает чаще одного раза.

- Потому что они учатся одолевать свой страх?

- Нет. Просто они обычно гибнут в первой волне. Решает проблему.

- Как ободряюще.

- Вы уже освободились от летучего черепа?

- Я отключился, оставил Мизара вести разведку.

- Хорошо. Потому что на ауспике снова сигнал.

Мы ускорились, и колонна исчезла позади, остались лишь безликие болота. Солнце ярко пылало, и я, ослепленный его светом, не сразу заметил быстро приближавшиеся выгоревшие руины. Сохранился только покореженный металл, почерневший от пламени, но по словам Шард когда-то это был очистительный завод, занятый переработкой плодов лиан, первым этапом производства вина Бахуса.

- Его уничтожили орки? - спросил я.

- Уничтожили, разобрали на детали. Раньше таких были десятки, по одному каждые пятьдесят миль или около того. Сейчас мало какая инфраструктура выдерживает, по крайней мере здесь. Всего несколько еще стоит.

- Я видел один такой, - пробормотал я.

- Сомневаюсь. Единственный вблизи от шато - это личная плантация Долос. Вас к ней и на лигу не подпустят.

- В смысле, в памяти Мизара. Я видел один разрушенный. На нем сражались двое орков.

- Они сохранили его в целости? - произнесла она. - Я удивлена. Впрочем, им же нужно где-то изготавливать свои самолеты и лодки с пропеллерами. Возможно, они потому и ободрали эти платформы: чтобы собрать в глубине болота собственные мануфактории.

Мы сделали круг вокруг острова. Должно быть, когда-то это было изрядное зрелище. Когда-то.

- Об этом не упоминали на Банкете Урожая.

- Это бы потребовало от аристократов признать кое-какие неприятные истины. Так они поступить не могут. Лучше закатывать роскошные вечеринки и пить остатки хорошего вина, при этом делая вид, будто всегда будет новое, а все пройдет само собой.

- Ситуация настолько плоха?

- Для них? Хуже. Потому что их интересам угрожают не только орки. Что-то не так с плодами. Пусть один из ваших черепов-наблюдателей взглянет на лианы. Это может вас отвратить от тех бутылок, которые оставляют в вашей комнате.

- Вы же их пьете.

- Я употребляла клубневое вино, сваренное в мешке, - сказала Шард. - Мне кажется, что у вас более нежная конституция.

- Что не так с плодами лиан?

- Болезнь, - отозвалась она. - Не уверена, что ее вызвало. Возможно, как-то связано с орками? Или война мешает нормально за ними ухаживать? Не знаю, но свилевые лианы заражены какой-то дрянью, из-за которой гниют плоды. У лордов и леди еще есть резервные запасы. А когда они кончатся? Эта планета более не имеет ценности. Никому не хочется быть губернатором кишящего орками болота.

- Зачем вы мне это показали? - спросил я, пока мы разворачивались вокруг выгоревших остатков винокурни.

- Вы хотели увидеть правду, - произнесла Шард. - Вот она. Мы сражаемся, чтобы защитить гнилые плоды, обветшалую инфраструктуру, а также гарантировать, что губернатор сохранит привычный для

нее образ жизни. Признаю, это не так запоминается, как крики «За Бога-Императора!», но это ведь вы пропагандист, вам виднее.

- И все?

- Хмм? - Она нахмурилась, словно что-то забыла. - О, еще я точно уверена, что видела недомерка-наводчика.

- Что?

- Маленький дирижабль, диаметром едва ли в пару футов, - сказала она. - Ими управляют мелкие зеленокожие. Их весьма трудно заметить, и они работают сигнальщиками для орков покрупнее.

- Мы будем преследовать этого наводчика?

- Нет, - ответила Шард. - Он скрылся в том направлении.

Она указала на горизонт. Я не увидел никакого дирижабля, однако шлейфы дыма было ни с чем не спутать.

- Они движутся к колонне.

- Да, - произнесла она. - Учитывая траекторию и оценочные скорости, два отряда должны столкнуться примерно... там.

Она махнула рукой в сторону безобидного участка болота в некотором отдалении.

- Выходит, мы их бросили?

- Возможно. - Шард пожала плечами. А возможно, я переместила нас к востоку от будущего поля боя, чтобы мы смогли провести фланговый маневр.

- Как вы сделали с «Валькирией»?

- Тогда потребовалась импровизация, но в широком смысле да. Орки похожи на удар молота. Они атакуют быстро и грубой силой. Но когда они уже пришли в движение, им трудно реагировать на неожиданные изменения в сражении. Их кровожадность берет верх, и они набрасываются на всех врагов, каких видят, не оценивая противостояние в целом. Скорость и ловкость - наилучший подход.

- Они не выглядят и чересчур умными, - рискнул заметить я.

- Ага, - со вздохом отозвалась Шард. - Какие идиоты станут рисковать жизнями ради уродливого клочка трясины?

Я проследил за ее взглядом до свилевых лиан, где на лозах медленно гнили плоды.

Мы ударили во фланг оркам за секунды до того, как они врезались в огневые рубежи «Химер».

Я не принимал в этом участия: системы вооружения были переориентированы на консоль Шард. И все-таки из меня получился бы приемлемый стрелок, поскольку многоствольные пушки не являлись изощренным оружием. Целиться особо не требовалось, только убедиться, что линия обзора не занята никем из своих.

Когда Шард дала волю орудиям, самолет содрогнулся. Ближайшие орки испарились в красный туман, а

от их аэроботов после шквала пуль остался только металлолом. Как и раньше, орочьим машинам было нелегко вступить в бой с новой угрозой – их натиск сходил на нет, так как они пересекали друг другу путь, отчаянно стремясь сойтись с врагом. Несколько стали целиться из своего примитивного баллистического оружия, но мы были слишком быстрыми и мощно бронированными. Наше вмешательство позволило «Химерам» безнаказанно вести огонь, а бронетранспортеры были хорошо оснащены для этой функции. Тяжелые болтеры и мультилазеры собирали страшную жатву, выгрузившиеся отделения поддерживали обстрел залпами лазганов.

Ничто из этого не обескуражило орков. Их боевые кличи звучали одновременно радостно и злобно. Никто не отступал, но, впрочем, как бы это было возможно? Инерция аэроботов заставляла их двигаться вперед. Они обладали быстротой, но не маневренностью, и огневой мощью без возможности ее направить. Глазом Мизара я смотрел, как «Стервятник» взмыл над цепью орков, и Шард наклонила крыло, чтобы аккуратно срезать голову зеленокожего с плеч. Череп-наблюдатель отследил ее кувыркающийся полет. Челюсти орка резко раскрывались и смыкались, плитообразный лоб был наморщен в замешательстве.

Объектив повернулся к «Стервятнику», а в это время Шард бросила турбовентиляторы в режим повышенной скорости, и машина исполнила пируэт на месте, разбрызгивая болотную воду во все стороны. Она снова открыла огонь, но сейчас в этом уже едва ли была необходимость. Пылающие обломки от первой волны орков лежали между «Химерами» и свежими нападающими. Те не делали попыток обойти их, техника сбивалась в кучу и сталкивалась, атака скатывалась в фарс. Я заметил два едущих вместе корабля, орки-капитаны которых обменивались оскорблениями, а затем и пулями, но затем в эту пару сзади врезался третий. Шальной выстрел, должно быть, угодил в топливные баки, поскольку всех троих поглотил огненный шар. Сквозь объектив Мизара и удушливый дым я видел, что они били друг друга даже когда их пожирало пламя.

Мало какие из машин еще могли двигаться по топи, и последние отставшие наконец-то смирились с тем, что бой складывался не в их пользу. Они начали отходить, но Шард не отступалась, с размеренным стуком орудий перемалывая и болотную воду, и аэроботы. Я снова переключил свое внимание на кабину и с некоторым удовлетворением наблюдал, как она превратила уцелевших в пылающие обломки.

Осталось несколько орков, барахтавшихся в трясине, но с ними покончили залпы лазеров. Шард развернула «Стервятника», а отряды из «Химер» вышли наружу, волоча тела орков для уничтожения и прикрепляя крак-гранаты к тем немногочисленным аэроботам, что еще не затонули. Это казалось расточительством. Орки извлекали пользу из наших военных усилий, большая часть их оборудования была сооружена из присвоенной техники Империиума. Но теперь мы не могли забрать ее, поскольку она была осквернена ксеносами, и эвакуация привела бы к казни за техноересь.

Шард замедлила ход; «Стервятник» повис в двадцати футах над землей.

- Вы это все сняли? – спросила она, повернувшись в кресле.

- Я снял достаточно, – сказал я. – Этот пролет был для меня?

- Подумала, вы оцените кадры.

Ее голос звучал ровно, но я не стал об этом раздумывать. Было утешением наконец получить что-то, каким бы коротким оно ни было. Гвардейцы перебили или оттеснили атакующих зеленокожих без единой потери. Подход Шард оказался безупречен, ее атака была идеально подгадана для максимальной дестабилизации. Сумятица и междоусобная драка орков являлись в точности тем материалом, в котором

я нуждался, поскольку это демонстрировало, как мы можем торжествовать над ними. Впервые с момента прибытия на Бахус мир казался упорядоченным. Да, орки представляли угрозу. Они были сильными и свирепыми, а также куда более одаренными, чем я поначалу представлял. Однако бесстрашие делало их прямолинейными. Им не доставало тактической смекалки и изящества, слишком уж не терпелось сократить дистанцию и атаковать. Не доставало хитрости.

Мое внимание переместилось на Мизара, который покачивался среди бойцов, снимая их облегчение и радость от победы. Послышался даже смех, хотя сержант быстро погасил его укоряющим взглядом. И все же, не думаю, что он сделал это по зову сердца. Солдатам требовалась секунда легкомыслия, лишь иногда. Просто чтобы оставаться людьми.

Мертвых орков стаскивали в кучу, а огнеметчик отделения готовился их испепелить.

Я посмотрел на Шард.

- Зачем сжигать тела? Почему бы просто не оставить их болоту?

Она пожала плечами.

- Старое суеверие. Если их не сжечь, они вернуться.

- Тела... оживают?

Шард рассмеялась.

- Нет. Это просто рассказы. По большей части.

- По большей части?

- Это отдельный разговор. Все, что вам нужно знать: от орков нельзя избавиться. Даже если истребите их до последнего, они каким-то образом найдут способ вернуться. Я слыхала, как старые солдаты утверждали, будто их убитые просто прорастают назад из земли, словно трава. Вот почему их сжигают.

- Думаете, это что-то меняет?

- Не вижу вреда. Должны же они откуда-то браться.

- А есть ли... самки орков?

- Насколько нам известно, это и есть самки, - отозвалась она с улыбкой. - Они уж точно достаточно круты.

Погребальный костер был уже почти завершен, только один последний орк оставался ничком лежать в болоте. Он был огромным, наверное, самым большим из всех, кого я пока видел, даже несмотря на то, что его левую руку отсек метко попавший заряд из болтера. Трое солдат собрались вокруг него, готовясь оттащить труп к костру. Каждый из них потянулся к конечности.

В воде что-то шевельнулось. Наружу вылетела когтистая рука, которая схватила ближайшего солдата за горло, и орк рывком выпрямился, потрясая задыхавшимся бойцом, будто дубиной, и снес остальных в сторону. Прежде чем те успели отреагировать, он уже переломил жертве шею, вытащил иззубренный клинок и с кровавым ревом устремился вперед.

Отряд завозился со своим оружием, но они находились не в боевом порядке, линии стрельбы

перекрывали союзники и тлеющие обломки. Орк пронесся среди них, собирая своим клинком кровавый урожай.

Я бросил взгляд на Шард, но что она могла поделаться? Орудия «Стервятника» были неизбирательны и нанесли бы еще столько же ущерба. Бойцы собирались вместе, залпы лазерных импульсов били в существо. Я все ждал, когда же оно упадет. В конце концов, смертельный удар нанес сержант, который в упор выпустил ему в череп болтерный заряд. Когда орк лицом вниз шлепнулся в воду, я насчитал семь тел, плававших рядом с ним. Восьмому скоро предстояло присоединиться к ним, невзирая на старания медика остановить кровопотерю.

- Должно быть, он был без сознания и очнулся только когда его тронули.

Я слышал собственный голос, но не верил словам. Потому что видел радость на лице твари и то, как быстро она превратилась из трупа в угрозу. Орк приманил нас, использовал свое тело в качестве наживки, просто чтобы суметь унести еще несколько имперских жизней перед концом.

Это не должно было ничего значить. Потеряна была лишь горстка людей, чуть больше, чем убили жуки-знаменщики. Но мне было тревожно по одной простой причине. Мы недооценили зверя. Он расставил ловушку и встретил смерть с улыбкой – не только из-за забранных им жизней, но и потому, что переиграл нас.

А если мы не могли превзойти подобных созданий в сообразительности, на что тут было надеяться?

Глава 14

Старший сержант Плайнт улыбнулся мне с бомбардировщика «Мародер».

- Почти готово, сэр, – произнес он, стирая пятно со щеки.

Я благодарно кивнул и вернулся к каскаду изображений, проецируемых Ивазаром. Выставленные на низкое разрешение, пикты были просвечивающими и бесплотными, будто призраки забытой войны. Мне не хотелось отвлекать Плайнта от работы, равно как и слишком рано раскрывать карты. Не то, чтобы у меня уже было что-либо, похожее на пикт – просто костяк проекта.

Было бы проще работать в моей комнате, а не терпеть пыльный ангар, но я стал уставать от того, что за дверью слонялся Стайли с приглашениями и вкрадчивыми просьбами от Долос. Существовало мало мест, где я мог скрыться от ее влияния. Шато было крепостью губернатора, и каждый дюйм там подчинялся ее прихотям. Однако ангар являлся армейским сооружением и давал мне временную передышку. Плайнт с радостью принимал меня, хотя, как и я, желал скрывать свои труды. Тем не менее, его волнение было физически ощутимо.

Я не испытывал такого энтузиазма. Было сложно склеить связный нарратив из беспорядочной смеси образов. Обычно я педантично обращался со своими файлами, но в хаосе войны непреднамеренное отсоединение от Мизара перепутало данные. Только что Шард неслась сквозь набегающую орду, обрушивая смерть, словно праведная буря, и тут картинка дробилась, превращаясь в болота на закате. Это была кропотливая работа с использованием Киказара в качестве промежуточного звена, чтобы очищать информационное ядро и переносить релевантные файлы. Но сосредоточение на ней отвлекало меня от тех сцен, свидетелем которых я стал. Хотя бы на какое-то время.

Проблема состояла не в смертях: они были прискорбны, но необходимы. Однако меня выбивала из колеи мысль о том, что орк выжидал. Я не мог забыть его лица. Несмотря на оскал клыков, не думаю, что он был зол, как минимум в человеческом понимании. Это выражение скорее напоминало мне командира звена Градеолуса. Он как будто улыбался, воспринимая резню и кровопролитие как радостное событие, и не понимал или не тревожился, что может погибнуть в противоборстве.

- Ивазар, - шепнул я, и череп дернулся на звук. - Повторный вызов файлов, обозначенных «Шаблон» и «Военачальник».

Череп застрекотал, обрабатывая запрос. Проекция была не совсем безупречной: на мгновение меня угостили грядой облаков, освещенных лунным светом. Но потом образы сгустились в коротышку-копыеносца и окровавленного выжившего в поединке орков.

Я перевел взгляд с одного на другого. Имелись схожие черты: базовая анатомия, отсутствие волос и массивная челюсть. И еще кожа, хотя было заметно, что у крупного громилы она более темного оттенка. Однако контраст бросался в глаза: дуэлянт, должно быть, на фут превосходил ростом тщедушного зеленокожего и весил на несколько сотен фунтов больше. Он казался практически иным видом, как Адептус Астартес рядом с солдатами-людьми - генетически выкованный полубог, возвышающийся над смертным бойцом.

Вот только Астартес изначально были созданы рукой самого Бога-Императора при помощи лучших технологий и алхимической науки. В то время как это чудовище непрошеным восстало из болот, сотворенное лишь войной и смертью.

Что, если это был еще не конец? Что, если они становились только крупнее? И умнее?

- Уродливые твари, сэр!

Я бросил взгляд на Плайнта. Он стоял возле меня, утирая грязь с лица и вперив глаза в изображения.

- Да, они такие, - согласился я, снова поворачиваясь к проекции.

- Вот тот, наверное, самый большой из всех, что я видел. По крайней мере, на этой планете.

Я нахмурился.

- Вам случалось видеть орков больше?

Плайнт кивнул

- Да, сэр, - сказал он. - Провел немного времени в секторе Аргон. Уф, с тех пор, должно быть, прошло уже десять лет. Там их были тысячи, и некоторые из тех, что покрупнее, могли разорвать танк пополам.

- Вы серьезно?

- О да, сэр, - ответил он. - Конечно, они носили броню, полностью закрытые доспехи, так что было малость сложно сказать, сколько там орка, а сколько машины. Но я видел, как один вскрыл «Химеру», будто кусок фрукта, а потом выстрелил внутрь из огнемета. У бедняг не было ни единого шанса.

- Звучит ужасно.

- Было немного тревожно, эти громилы появились из ниоткуда, - произнес Плайнт. - И все же, они хотя бы были медленными. Как только мы справились с шоком, то просто отступили и стали поливать их

огнем. Эти негодяи не могли нас догнать, не могли двигаться сильно быстрее пешего шага. Разумеется, у них были пушки, но никто особенно хорошо не целился. В конце концов мы их одолели.

- Полагаю, это единственное, из-за чего нам не нужно беспокоиться. Здесь тяжелая броня была бы обузой.

- Точно, сэр. - Плайнт ухмыльнулся. - В болоте на нас внезапно не нападут никакие бронированные орки.

- Нет, - согласился я. - Жаль, что мы не можем сказать того же об их самолетах.

- Верно, сэр, - отозвался Плайнт, и его улыбка померкла. - До сих пор не понимаю, как они пробрались через нашу оборону. Потрепали нас, могу сказать. Я подлатал столько машин, сколько могу, но пока орбитальная станция Салус не сможет доставить подкрепления, у нас будет нехватка состава.

- Когда они проводят пополнение?

- Каждый день, сэр, но большинство грузов для передовой. Нам приходится ждать своей очереди.

- Повезло, что мы рядом с миром-кузницей, - сказал я. - Хотя зависимость подкреплений от единственной орбитальной станции выглядит проблемой.

- Я бы не стал волноваться, сэр, - с ухмылкой произнес Плайнт. - Никакой истребитель орков не способен преодолеть атмосферу. Она вне их досягаемости.

- То же самое говорили про особняк губернатора, - заметил я. Мой взгляд вернулся в двум оркам, один из которых потрясал грубо сделанным копьём, а второй - кованым цепным клинком.

- Старший сержант Плайнт, - произнес я.

- Сэр?

- Вы сказали, что сражались с более крупными орками? Тяжелобронированными?

- Да, сэр. В секторе Аргон.

- И они появились позади ваших рубежей?

- Это так, сэр.

- Как? - спросил я. - Они залегли в засаде? Или их сбросил какой-то орочий самолет?

- Я так не думаю. Они просто вдруг оказались там. Я толком не задумывался: мы были слишком заняты тем, что паниковали и пытались их уложить. Возможно, они выкопались из-под земли? Или... были как-то замаскированы?

Он не казался полностью убежденным. Как и я.

- Вы помните что-нибудь необычное?

- Дым. - Он пожал плечами. - И... молнии.

- Был шторм?

- Нет. Просто зеленые молнии. Повсюду вокруг нас, яркие до слепоты. Сперва я подумал, будто это

какое-то оружие, но оно в нас не ударило. А когда свет рассеялся, они уже были там и атаковали.

Он выглядел задумчивым или близким к тому.

- Вообще, я задавался вопросом...

- Да?

- Ну, сэр, технология Бога-Императора позволяет Адептус Астартес появляться из ниоткуда.

- Это правда.

- Я поймал себя на мысли, как бы кощунственно она ни звучала...

- Можете говорить свободно, Плайнт.

- Учитывая, что мы можем таким образом телепортировать свои войска таким образом, и учитывая, что орки появились схожим путем...

Он отвел взгляд, возясь руками с тряпкой.

- Да, Плайнт?

- Я задумался, не мог ли... один из наших техноадептов ненамеренно по ошибке перенести орков?

Он не желал встречаться со мной глазами, опасаясь, что его слова покажутся изменой.

- Полагаю, такое возможно, - произнес я. - Ошибки действительно случаются.

Он с облегчением кивнул.

- Да, сэр. Уверен, это была просто разовая ошибка, и ответственный за нее подвергся надлежащему наказанию.

«Наказанию» - это мягко выражаясь. Произойди подобный инцидент, казнь провинившегося задержалась бы ровно настолько, чтобы его вышестоящие изобрели подходяще жестокий и ироничный метод. Впрочем, хотя мне мало что известно о технологии телепортации, я знаю ее ограничения. Нельзя просто выдернуть предмет с одного места и перенести в другое, требуется специальная платформа, и практически невозможно переместить что-то, существенно превышающее размерами воина Адептус Астартес в броне. Идея, что наши техники могли случайно высадить отряд орков за вражескими порядками, была абсурдной.

Но я понимал, почему Плайнт уцепился за нее. Ведь альтернатива была еще хуже, а предположение, будто орки обладали технологией, способной превзойти нашу собственную, являлось ересью.

Я посмотрел на него. Он уже вернулся к своим обязанностям, насвистывая монотонную мелодию.

- Ивазар, проиграть заново файл, обозначенный как «Поединок».

Голо-картинка распалась на лучи света и снова собралась в сцену с двумя орками, сражающимися на вершине оскверненной платформы. Почему они дрались? Вызов за главенство? Ссора из-за трофеев? Могло быть и то, и другое, или же ничто из этого. Возможно, в отсутствие противников они попросту бились друг с другом ради практики. Или забавы.

Однако мой интерес подстегнула не их борьба.

Поединок завершился, победитель поднял голову к небу, а его последователи торжествующе взвыли. Что они увидели в небесах наверху? Мне не суждено было этого узнать, поскольку через несколько мгновений Мизар стал спасаться бегством. Но пока череп-наблюдатель уворачивался от залпов выстрелов, его объектив щелкал по темноте.

Вот.

- Заморозить изображение, - прошептал я, вглядываясь в зрелище. Все еще стояло низкое разрешение, и картина была обесцвечена.

За исключением изумрудно-зеленой молнии, разделившей небо.

Командир звена Градеолус поднял глаза от еды. Выражение его лица не было располагающим, и я снова поймал себя на мысли, не ошибка ли это. Но мне требовались ответы от человека, в правдивость которого я верил. Или, если быть более точным, от человека, которому недоставало ума придерживать язык.

- Командир звена Градеолус, - произнес я, кланяясь. - Простите за вторжение. Мне стало интересно, не могу ли я переговорить с вами.

Он перевел взгляд с меня на Киказара, парившего за моим плечом.

- Я думал, вы предпочитаете разговаривать с командиром Шард, - отозвался он, а я тем временем занял место напротив. В столовой было немало народу, летные экипажи одним махом проглатывали свою питательную пасту, что, честно сказать, является единственным способом удержать эту дрянь в животе. Однако стол Градеолуса выделялся пустыми стульями.

- Мне не всегда достается роскошь выбора объектов, - ответил я. - У меня есть свои приказы.

- Как и у всех нас, - заметил Градеолус, отрывая ломоть черного хлеба. Похоже, его трапеза слегка превышала стандартную пайку. Возможно, привилегия офицера, а возможно, у него имелись связи на кухне.

- Могу ли я провести короткое интервью?

- Здесь? - спросил он, мрачней. - Пока я ем?

- Да, это придает аутентичности. Показывает, что даже такой герой, как вы, все же ест и говорит, как обычный человек.

- Хорошо, значит несколько вопросов, - произнес он, вытирая подбородок. - Но побыстрее. У меня назначен вылет, как только машину дозаправят.

- Как часто вы бываете в бою?

Градеолус пожал плечами.

- Так часто, как только могу. Я бы предпочел и сейчас там быть, но у нас нехватка истребителей. И пилотов, если подумать. То проклятое нападение орков было серьезной неудачей.

- Я до сих пор поражен, как они подобрались так близко.

Командир звена цокнул языком.

- Кабы вы знали. - Он достал из внутреннего кармана коробочку, отщелкнул крышку большим пальцем и извлек миниатюрную расческу для усов.

- Я так понимаю, вы не можете мне рассказать?

- Существуют рабочие вопросы вне вашего понимания, - отозвался он, зачесывая уголки усов на место. - Скажем так, это было близко. Вышло бы еще ближе, не подними вы тревогу.

- Это было просто везение, - сказал я. - Не хотелось бы на него полагаться.

- Вот уж точно. - Градеолус кивнул и вернул расческу в футляр. Я думал, что его уход за внешностью завершен, пока он не достал помятую жестянку и не нанес на усы сглаживающий воск.

- Вы полагаете, орки становятся агрессивнее? Или многочисленнее?

- Сложно сказать, - ответил он. - В воздухе их становится больше. Но я подозреваю, дело скорее в том, что они переключили внимание. Без Аэронавтики Импералис наземные войска уже давно были бы разгромлены. Мы бомбили орков вдребезги, ничего удивительного что они стремятся сойтись с нами лицом к лицу, если считать, будто их жуткие образины можно перепутать с лицами.

- И насколько опасны их машины?

- Не такие прочные, как наши, но, пожалуй, достаточно злые, - сказал Градеолус. - Фокус в том, чтобы атаковать в лоб, состязаться с ними пуля в пулю. Вот почему я люблю «Мститель». Некоторые думают, будто это штурмовая машина, но у человека с надлежащей храбростью она может стать грозным истребителем.

- Вы говорите так, словно не боитесь орков.

- Нет, конечно, - фыркнул он. - Нельзя позволять страху определять ход твоих сражений. Меня обходили с фланга, превосходили числом, и я встречался с самыми ужасными противниками, каких может дать небо. Но я никогда не дергаюсь, никогда не отступаю. Да меня только за эту кампанию трижды сбивали, но я так и не позволил этому на меня повлиять. Вот почему я лучший пилот из всех, что у нас есть.

- Вы ничего не боитесь? - не отставал я. - Я слышал, как некоторые шепчутся о чем-то под названием Зеленый Шторм.

- Трусы, вся их компания. - Он вздохнул и закатил глаза.

- Вас это не пугает?

- Что не пугает? - отозвался Градеолус. - Не было никаких подтвержденных рапортов, только пара так называемых пилотов, которые встретили ровню себе и не смогли с этим смириться. Они влетели в облако, утверждали, будто повсюду были зеленые молнии, а с неба дождем летели пули. Чушь, или в худшем случае сочетание плохой погоды, неважной навигации и неожиданной атаки. Быстрого рейда хватило бы, чтобы унять подобные безосновательные опасения.

- Ясно, - сказал я, кивая. - И именно это вы бы и предложили? Более агрессивную кампанию?

Он все еще занимался своими усами, но выражение его лица стало иным. «Подозрительным» – не совсем верное слово, но я почувствовал, что он заново переоценивает меня в свете вопросов. Взгляд Градеолуса переместился на черепа-наблюдателя Киказара, который безмолвно отслеживал нашу беседу.

- Это часть вашего пикта? – спросил он.

- Я просто ищу цитаты и слоганы, – произнес я. – Я мог бы, к примеру, запустить ваши комментарии о бесстрашии поверх съемки вашего самолета, мчащегося в бой. Это может помочь задать тон.

Градеолус медленно кивнул, не отрывая глаз от черепа.

- А это устройство надежно? – поинтересовался он. – Оно выглядит так, словно вот-вот развалится на части.

- О, поверьте, это ценная реликвия. Этот череп когда-то принадлежал пропагандисту Вайту Киказару. Он был известен тем, что давал голос безгласным.

- Вот как? – Градеолус нахмурился, закрыл футляр с принадлежностями для усов и сунул его в карман. – Мне вот кажется, что безгласные неспроста должны таковыми и оставаться.

- Киказар был с этим не согласен, – сказал я. – Он смешивался с отбросами общества в трущобах улья и бедняцких поселках. Там он терпеливо выслушивал любую жалобу или тираду, предоставляя лишь сочувственное ухо и бокал амасака. Он считал, что лишь при таком терпении предатель и еретик утратит бдительность и раскроет свою измену. Так он и служил, и посредством его неустанных стараний тысячи потенциальных еретиков были сожжены еще до того, как вообще успели совершить злодеяние.

- Хмм, – отозвался Градеолус, продолжая пристально глядеть на пожелтевший череп и металлические штифты, скреплявшие его коробку. – Похоже, его постиг неприятный конец.

- Киказар совершил ошибку, выслушав культ ведьм. Что бы они ему ни сказали, но в итоге его голова взорвалась. Череп пришлось восстанавливать из обломков. И все же его когитатор бесценен. Он способен регистрировать малейшие нюансы акцента и языка, а также переводить почти любой диалект.

- Уверен, это полезное приспособление, – произнес Градеолус, поднимаясь со своего стула. – Но это война, и единственный язык, понятный орку – это стук очередей, или ударная волна от взрыва. Возможно, вам следует обратить свое внимание на них.

- Вы правы, разумеется, – сказал я. – Благодарю, что уделили время.

- Это удовольствие. Для вас, – ответил он. – Но в будущем сосредоточьтесь на моих боевых навыках, господстве в небе. Хорошего дня.

Я проследил, как он шагает прочь. Остатки его еды были разбросаны по столу. Я не мог решить, много или мало узнал от Градеолуса. Мне было никак не проверить его слова, но у меня не сложилось впечатления, что он врал, а краткая консультация с когитатором Киказара подтвердила: тот не зафиксировал никаких признаков лжи в его биоритмах.

Однако это не означало, что командир звена говорил правду – только то, что он был уверен в своих убеждениях.

Глава 15

Тот вечер я провел у окна, растягивая бокал сомнительного вина и вперив взгляд в далекий небосклон и осевший на западе шторм. Я готов был поклясться, что он подползает ближе. Находился ли он там, когда мы только высадились? Я помнил туман – возможно, это его скрывало. Или же он собрался уже после моего прибытия?

Больше мне особо нечем было заняться в ожидании. Ранее я запросил связь по воксу с исповедником Мариком фон Шардом, и его путевой журнал показал, что корабль священника стоит в доке на Гедоне, пополняя припасы. Однако мое обращение дошло только до его подчиненного, и я сомневался, что оно будет передано до отправления звездолета. Рядом со мной висел Ивазар, готовый выступить в роли приемника. Я не был уверен, что Марик вообще ответит. Несмотря на всю его общительность, он вряд ли бы вспомнил времена нашей совместной работы.

Пока свет мерк, я попытался выпить, но не сумел прикончить даже один бокал. Долос была вполне щедра в своих дарах – по крайней мере, в плане объемов. Но я начинал подозревать, что их качество зависело от ее текущего настроения. Горькое послевкусие свидетельствовало о том, что в настоящий момент я пользовался особым фавором. Тем не менее, непереваримость вина, вероятно, шла на пользу. Я уже побывал навеселе перед одним из братьев Шард и не хотел повторять этот опыт.

Ивазар застыл. Его глаз вспыхнул, завертелся голопроектор, и в оконной раме возникло изображение, заслонившее облака. Я выпрямился, озираясь, куда бы поставить бокал, а трансляция сгустилась в человека, облаченного в жреческое одеяние. Его плечи украшала белая сутана, талию перетягивал золотой кушак. Накинутая на шею цепь несла на себе скромную аквилу, отлитую из непритязательной меди, а румяное от солнца лицо расплывалось в широкой улыбке, которая почти полностью охватывала округлые щеки. Он не был дородным в полном смысле слова, но в нем присутствовала мягкость, особенно в сравнении с его сестрой.

За исключением глаз.

- Исповедник фон Шард, – с поклоном произнес я. – Спасибо, что нашли для меня время.

Он развел руками.

- *Как мог я отказать? Любой человек, заслуживший уважение моего брата Тобииса, как минимум стоит моего времени.*

- Я благодарен, исповедник. Мы кратко встречались. Не думаю, что вы помните...

- *Гигерийскую Чистку?* – спросил он. – *Да, конечно, помню. Ваши пикты помогли поднять имперских граждан против угрозы, которую представляло их так называемое правящее семейство. Бог-Император был доволен вашей работой. Как и я, Его смиренный слуга.*

Он склонил голову, при этом удвоив число своих подбородков.

- Спасибо, – сказал я. – Мне жаль, что я прошу вашей помощи сейчас, но я не уверен, что еще поделаться.

- *О?* – произнес он. – *Вы страшитесь за вашу душу?*

- Временами. Но дело не в этом. Здесь складывается ситуация. Я боюсь, что конфликт между правящими силами Бахуса и армией...

- *Это духовный конфликт?* - поинтересовался исповедник мягким тоном, но его глаза были жесткими.

- Нет.

- *Тогда я не могу вам помочь. Экклезиархия не вмешивается в местную политику. Если только там нет признаков духовной скверны. Или ереси.*

Он говорил с такой убежденностью, что я практически ему верил. И продолжал улыбаться с почти извиняющимся выражением лица.

Я вздохнул.

- Я не видел признаков ни того, ни другого.

- *Прискорбно*, - отозвался он. - *Если увидите, сообщите мне. Но пока вы не найдете доказательств скверны, я не в силах вам содействовать. По крайней мере, напрямую.*

- Значит, что-то вы можете сделать?

- *Конечно*, - произнес исповедник. - *Я буду молиться о скором разрешении. Даю вам слово.*

- Благодарю. - Я вновь вздохнул, загоняя вглубь разочарование. - Что ж, не стану более занимать ваше время. Мне...

- *Ерунда*, - сказал он. - *Если я не могу предложить свои услуги встревоженному служителю Бога-Императора, что же я тогда за священник? Есть ли что-то, в чем вам нужно исповедаться?*

- Не думаю.

Он улыбнулся.

- *Вас могло бы удивить, сколько людей придерживалось таких взглядов, пока не оказывались на покаянном кресле. Но я поверю вам на слово. Тогда скажите мне, как вы нашли мою сестренку, Люсиль?*

- Я... Она хороший воин и...

- *Полноте*, - произнес он. - *Можете быть честны. Она мой родственник, помните?*

- Было несколько сложно, - сказал я. - Она... Я не уверен, как лучше выразиться.

- *Своенравна? Упряма? Сквернословит?* - предложил исповедник с иронической улыбкой.

- Я бы предпочел не говорить.

Он рассмеялся. Его голос был густым и сладким, как патока.

- *Мне известны ее недостатки. Я едва ли стану вас осуждать за их признание.*

- Я просто был удивлен тем, насколько она отличается. И от вас, и от комиссара фон Шарда.

- *Ну, в семьях так бывает*, - ответил он, пожав плечами. - *В ней всегда была мятежная искра. Когда-то это меня волновало. Я беспокоился, что она может не окончить школу прогениум.*

Его тон звучал небрежно, но у меня не было сомнений, что наказание для тех, кто провалил программу,

оказывалось гораздо более суровым, чем выговор.

- *Это была тревожная пора*, - продолжил он, и его рука невольно двинулась к аквиле. - *Помню, как в свое первое служение получил сообщения от прежнего аббата-инструктора: за время моего обучения между нами установилась своего рода связь. Неформальная, разумеется, но как старший брат он хотел, чтобы я знал, насколько она близка к неудаче.*

- Я так понимаю, вы с ней поговорили? Наставили на путь истинный?

- *О, я хотел*, - вздохнул исповедник. - *Но у меня было так много обязанностей, и мы нечасто встречались. Мне представилась возможность встретиться с ней лично только на вторых похоронах нашей матери.*

- И она выслушала?

- *Нет. К сожалению, в тот день были насущные вопросы, и я не смог найти момент. Большую часть поминок она провела за разговором с теткой.*

- Лордом-капитаном Эльсбефф фон Шард?

Он улыбнулся.

- *Вы и вправду дотошны. Да, хотя не могу сказать, что одобрял их беседу. Последнее, чего желаешь для своенравного ребенка - наставление от вольного торговца, в чью сферу деятельности входит обирание галактики, чтобы набить свои карманы.*

Пока он говорил, его улыбка пропала. Я понимал, почему. Вольные торговцы исследовали края известного пространства, якобы на благо Империи. На самом деле они действовали с беспрецедентной автономностью, властвуя над своей судьбой. Наверное, не лучшая ролевая модель для юной бунтарки Шард.

- *И все-таки*, - произнес он, - *пути Бога-Императора неисповедимы. Не знаю, что сказала в тот день наша тетя, но с тех пор Люсиль стала учиться по-другому. Начала прикладывать старания и усердно трудиться. Аббатам-инструкторам все еще не нравилось ее отношение, но она хотя бы пыталась его скрыть. Остальное вы знаете: она проявила талант к полетам и со временем превратилась в, возможно, лучшего аса-истребителя, какого когда-либо знал Империиум. Это лишь подтверждает, что иногда орудием Его воли могут послужить самые неожиданные средства.*

Он улыбнулся мне.

- *Скажите, вы считаете, что моя сестра замешана в этот конфликт, о котором вы говорили?*

- Я так не думаю. Но все мы в него угодили.

- *Прискорбно*, - сказал он, постукивая по подбородкам. - *Тем не менее, у Бога-Императора есть план. Уверен, что Он снабдил вас необходимым, чтобы преодолеть этот вызов. Я буду молиться, дабы Его воля исполнилась через вас.*

Не уверен, что подстегнуло меня к действию - Марик, или же мой опыт с колонной бронетехники. Возможно, я оказываю себе дурную услугу, и стимулом стало желание узнать правду. Как бы то ни было,

следующие несколько дней прошли за расспросами пилотов и наземного персонала о конфликте. Когда я спрашивал о Зеленом Шторме, они поспешно отмахивались от этой опасности как от всего лишь очередного орка, делающего себе имя. Как и остальные, он потерпит неудачу против их асов. Никто не говорил, что бывал возле грозового фронта. Или видел зеленые молнии.

Я посетил даже медблок, взяв интервью у тех, кто в наименьшей степени пострадал от столкновения. Многие с гордостью демонстрировали свои раны и делились историями. Однако хирург был менее радушен. Он ограничивал мои встречи пылкими юными солдатами, стремившимися вернуться к своему долгу, или направлял к сидящим ветеранам, которые с мрачной убежденностью проговаривали заученные фразы. Мне не разрешалось приближаться к самым дальним медотсекам, где находились самые больные, хотя их всхлипывания и вздохи были слышны чрезвычайно хорошо.

Я не подумал снова поговорить с Плайнтом, так как полагал, что он слишком занят трудом в ангаре, обслуживая те немногие машины, которые еще могли подняться в небо. И был удивлен, когда сержант разыскал меня в столовой, улыбаясь так широко, что я испугался, не опьянел ли он, надыхавшись парами прометия. Он настойчиво потащил меня обратно в ангар, но не желал говорить, зачем. До тех пор, пока мы не встали перед бесформенной фигурой, накрытой большой тряпкой.

- Готовы, сэр? - спросил он.

- Надеюсь, что да, - с некоторым трепетом отозвался я. Не то, чтобы я сомневался в намерениях Плайнта, скорее опасался разочаровать его. Он долго работал над проектом, который по его расчетам должен был мне помочь. Я не представлял, что это такое - только что оно пахло жженой проводкой и могло быть скрыто крупной накидкой.

- Готовы, сэр? - повторил Плайнт, берясь за нее обеими руками.

- По вашей готовности, старший сержант.

Он сдернул покров, явив свое творение.

Не знаю точно, какой реакции он ожидал. Могло бы помочь, если бы я имел хоть малейшее представление, что именно узрел. Оно было похоже на орудийный станок самолета, на котором размещался укрепленный узел размером примерно с человеческую голову.

Я глянул на ожидающего Плайнта и беспомощно пожал плечами.

- Неужели вы не видите, сэр? - произнес он. - Помните, что вы говорили, насчет невозможности снимать столкновения? Ну, я на скорую руку соорудил гнездо для одного из ваших черепов-наблюдателей. Это с «Гефеста», бомбардировщика «Мародер». Усиленные точки обычно используются для интеграции систем вооружения, но сейчас она должна вместить череп-наблюдатель. Думаю, что теперь, приносившись, я смогу переоборудовать любую нашу машину.

Он сиял от гордости. Я мог лишь таращить глаза.

- Но... это разрешенная модификация? - нахмурившись, спросил я. - Техножрец ее одобрил?

- Аа, - отозвался Плайнт, и улыбка чуть-чуть сползла. - Ну, сэр, не совсем. Но наш машинный провидец, Калов-7С разрешил нам проводить ремонт и необходимые модификации самолетов, подлежащие его инспекции и утверждению.

- И вы считаете, он это утвердит?

- Сомневаюсь, сэр.

- Это вас не тревожит?

- Меня бы больше встревожило, если бы он утвердил. Последний раз я его видел, когда транспортник, где он находился, столкнулся с орочьим истребителем. Взрыв был таким мощным, что миля болота пропеклась досуха.

- То есть... вы завершаете ремонты самостоятельно?

- О, я и еще несколько других, - ответил Плайнт. - Там в основном замена плит брони и латание дыр. Командир авиакрыла Просферус называет меня доказательством того, что это способен сделать любой кретин.

Похоже, этот факт вызывал у него чрезмерно много гордости.

- Вы не беспокоитесь, что произойдет, когда к подразделению припишут нового машинного провидца?

- Слегка беспокоился, сэр, - произнес Плайнт. - Но командир авиакрыла Просферус меня обнадежил.

- В самом деле?

- О да. Он сказал, что к тому времени, как мы увидим еще одного техножреца, здесь вряд ли останется какой-то из тех самолетов, над которыми я работал. И меня, вероятно, тоже не будет.

- Вы считаете это хорошими новостями?

- Конечно, - ответил он. - Это значит, что мы, должно быть, близки к победе. И по правде говоря, жду перегруппировки с нетерпением. Не люблю здешний климат, слишком жарко и сыро.

Я не придумал, что сказать, и просто кивнул, а мой взгляд перескочил на панель. Конструкция была знакомой.

Мог ли я доверять его работе? Тайны машинных духов не укладывались у меня в голове. Я прошел обучение и получил от адепта разрешение эксплуатировать и обслуживать мои черепа-наблюдатели. Здесь действовал тот же принцип, хотя реализация выглядела довольно подозрительно. Плайнт был заслуживающим доверия парнем и имел исключительно наилучшие побуждения. Однако он совался в устройства, которые выходили за пределы понимания нас обоих.

Но какой выбор у меня оставался? Если я действительно хотел летать, это был единственный способ.

- Я... спасибо вам, Плайнт, - произнес я. - Командир авиакрыла Просферус это одобрил?

- О да, сэр, - ответил Плайнт, кивая. - Командир авиакрыла сказал, что я должен сделать все необходимое, чтобы посадить этого... чтобы помочь пропагандисту Симлексу. Честно говоря, я слегка удивился, сэр. Не думал, что ему есть до вас дело, но после той миссии с «Валькирией» он совершенно переменялся. Ему действительно хочется поднять вас в воздух.

Это поразило меня и показалось неправильным. Но я тоже был слишком окрылен, чтобы размышлять о дурных предчувствиях. Ведь у меня наконец-то появились средства смотреть глазами асов, снимать бои так, словно я их настоящий участник.

От возбуждения я не удосужился как следует подумать, что означает это слово.

Глава 16

Я никогда не забуду утро того полета.

Несмотря на влажность воздуха, небо было ясным, и утренняя роса блестела на фюзеляже бомбардировщика «Мародер» под названием «Гефест». Это был гигантский самолет, самый крупный из всех, что мне случалось видеть, который требовал экипажа из шести человек и нес достаточно боевой нагрузки, чтобы уничтожить колонну бронетехники. Я кое-как разглядел Мизара, пристроенного в подбрюшье машины благодаря изделию Плайнта.

«Гефест» и пара бомбардировщиков того же типа затмевали своими размерами эскадрильи истребителей «Гром», которым предстояло выступать в роли сопровождения. Эта непобедимая мощь была величественным зрелищем, и мое сердце переполнилось чувствами от того, что я – скромная часть этого. Даже вонь прометия как-то воодушевляла, так как несла в себе сладостный аромат промышленности человечества. Я замедлил шаг, чтобы охватить сцену, но мне в спину ткнулся локоть Шард.

- У нас есть график, – бросила она, протолкнувшись мимо меня.

Я не ответил; выражение ее лица к этому не располагало. Обычная насмешливая улыбка в тот день превратилась в оскал, взгляд выискивал недостатки повсюду, куда бы ни упал. Прочие асы и летные экипажи говорили мало – полагаю, чтобы успокоить ее. И все же их лица не так ободряли, как вид самолетов. Они были закаленными и стойкими, но не разделяли свирепой радости наших противников-ксеносов.

Командир авиакрыла Просферус внес более позитивную ноту. Он и еще двое старших офицеров надзирали за нашим вылетом. Когда они проходили мимо, солдаты салютовали, и я попытался поступить так же, но он поманил меня поближе.

- Пропагандист Симлекс, – произнес Просферус, протягивая ладонь. – Я хотел лично пожелать вам удачи. Вы смелый человек, раз летите в зону активных боевых действий.

Я пожал его руку.

- Ваши солдаты каждый день рискуют жизнями ради Империи, – сказал я. – Я не боец, но как я могу рисковать меньшим, исполняя свой долг?

Он улыбнулся.

- Давайте надеяться, что до этого не дойдет. Вы, как-никак, летите с самыми лучшими.

Я проследил за его взглядом до Шард, которая забиралась в кабину. Со моей позиции не было видно, что ее так оскорбило – только то, что она схватила что-то с консоли, выбрала одного из других солдат, а затем швырнула предмет в грязь.

- Прибейся за собой, – прошипела она, пока человек рылся в трясине: наверное, чтобы подобрать свое выброшенное имущество. Возможно, это был талисман на удачу или же сувенир от его семьи.

Я глянул на Просферуса.

- Похоже, она не в духе.

- Бомбардировщик - не ее любимое назначение, - признал Просферус с ироничной улыбкой. - Но пусть это вас не беспокоит. Она остается лучшей независимо от машины.

- Не сомневаюсь в этом, - произнес я. - Командир авиакрыла, хочу вас поблагодарить. Я знаю, что мое присутствие является обузой. Я признателен за ваше снисхождение и поддержку.

- При нашей первой встрече я вел себя чересчур резко, и обстоятельства были неидеальны, - ответил он.
- Но впоследствии я осознал свою ошибку и то, сколь многое вы можете дать. Ваша прозорливость жизненно важна для кампании, и спасибо вам за это.

Я кивнул, будучи слишком ошеломлен, чтобы ответить. Просферус снова улыбнулся и жестом пригласил меня на борт.

Когда «Гефест» взмыл в небо, я синхронизовался с черепом-наблюдателем и, впервые с момента моего приезда, Бахус раскинулся передо мной по-настоящему. Стоит признать, это было довольно невдохновляющее зрелище - желтовато-красный мир, пронизанный черными лианами, но тогда я видел только возможности. Как оказалось, больше возможностей, чем задумывал Плайнт, поскольку я быстро обнаружил, что Мизар был напрямую подключен к бомбардировщику. Я видел не только планету в его объективах, но еще и прицелы каждого из стрелков, хотя без пиктеров не мог снимать реальный материал через экраны целеуказания.

Я решил помалкивать на этот счет. Ради Плайнта, сказал я себе.

По мере нашего подъема трясина поблекла и превратилась в безликую массу - до того колоссальное пространство, что даже сенсоры Мизара не могли зафиксировать ничего, кроме размытого пятна. Впереди светящаяся фиолетовая полоса отделяла атмосферу Бахуса от пустоты. Я переключил обзор на верхнюю турель, наблюдая через линзу ее прицела за разраставшимися на виду звездами.

Однако мы продолжали забираться выше, если считать этот термин верным. Я не знаю, на какой отметке заканчивается высота, и человек превращается просто в объект, парящий в пустоте. Но знаю, что мы миновали этот барьер, поскольку мое тело потеряло вес. Не удерживай меня летная обвязка, я бы выплыл из кресла. Ощущение резко контрастировало с моим прибытием на Бахус, когда мы практически прожигали дыру в атмосфере. Это же походило на соскальзывание в воду.

Я провел свое зрение по всему самолету. С верхней турели еле-еле удалось разглядеть блеск солнца на орбитальной станции Салус. На таком расстоянии она напоминала три серебристых клинка, которые висели в золотом ореоле, нацелив на планету внизу свои острия. Это были пусковые ангары, откуда экстренно отправлялась свежая эскадрилья. Машины светились, словно тлеющие угли, пронзая небо и спускаясь в собравшийся ниже шторм.

Присутствие Салуса ободрило меня. Он являлся напоминанием, что Империи охватывает бесчисленные звезды, а мир под нами - лишь один из миллиарда, и орочья орда сугубо наземная угроза. Если бы все остальное постиг крах, мы всегда могли сбежать, и пускай себе наслаждаются этим мерзким Бахусом.

С треском ожил вокс: стрелки и бомбардир подтверждали готовность и возносили короткие молитвы машинному духу самолета.

Шард только что-то ворчала в ответ. Она была обращена ко мне спиной, а ее лицо скрывал гермошлем. Однако в ней чувствовалась отрешенность, некое качество, которое я не мог сформулировать. Мы плыли

практически в тишине, поднимаясь к звездам.

- Командир звена, - в конце концов позвал я.

Шард обернулась через плечо.

- Что? - раздраженно спросила она.

- Вокс?

- Я впитываю момент. Это может подождать.

- Момент чего?

Она нарочито вздохнула.

- Момент обвести взглядом звезды и поразмыслить о множестве скрытых там возможностей. Момент поразиться суровой красоте холодной пустоты, сопоставить мелочные усилия человечества с ее величием. Но, судя по всему, Бог-Император не даст даже такой передышки. Продолжайте. Уверена, у вас есть назойливый вопрос.

- Так и есть.

- Ну и?

- Как вам кажется, вы бы предпочли жизнь там? В роли пустотного капитана? Или вольного торговца?

Она не откликнулась сразу, и я, не давя на нее, устроился в кресле и стал ждать.

В конце концов, Шард отозвалась.

- Возможно, - произнесла она. - Впрочем, обязанности не сильно различаются. И человек не выбирает, как может послужить, сколько бы ни утверждали обратное.

Прежде чем я успел отреагировать, снова затрещал вокс: одна из наших эскадрилий запрашивала уточнения по миссии. Ответ Шард был кратким и грубым. Но за этим разговором момент уже прошел. Она отрывисто раздала распоряжения, и мы отвернули от звездного полога, заскользив назад к Бахусу. Машина затряслась под ударами давления между пустотой и воздухом. До того момента я не ценил плавности нашего невесомого полета, пока гравитация снова не нашла, за что зацепиться.

Я переключил обзор на Мизара, но внизу было мало интересного - местность представляла собой все то же однообразное болото с кустарником. Погодные условия не вдохновляли так же, как и география, облака выглядели немногим более чем струйками дыма.

Кроме грозового фронта.

Он располагался ниже и западнее нас: бурлящая масса темных туч, которая закручивалась, словно ленивое торнадо. Я удерживал Мизара нацеленным туда, отчасти ожидая блеска зеленой молнии. Но ее не было, и чем дальше я смотрел, тем менее примечательным все казалось: просто очередная атмосферная аномалия.

- Штормы обычны на Бахусе? - спросил я.

- Да. Нет. Какая разница?

- Вас не беспокоит этот растущий грозовой фронт?
- Это совершенно другой вопрос, - отозвалась она. - И в настоящее время нет, поскольку мы удаляемся от него.
- Он вас тревожит?
- Тревожиться - не моя работа, если не приказано иного.
- Должно же у вас быть мнение.
- Нет, если я того не хочу. Моя обязанность летать, а не иметь мнения.
- Градеолус считает, что вам следует совершить всеобщую атаку.
- Атаковать грозовой фронт? - Шард рассмеялась. - Он сам-то себя слышит?
- По крайней мере, он решителен. И честен.
- Честность похвальна, если говорящий не кретин. Иначе он просто идиот, который занимается дезинформацией.
- Вы не знаете его аргументов.
- Знаю. Мне просто нет дела.
- Тогда что скажете вы? - поинтересовался я. - Я слышал, как вы пренебрежительно отзывались об этом мифическом пилоте, известном как Зеленый Шторм, когда бравировали перед солдатами.
- А что я, по-вашему, должна была сказать? - огрызнулась она. - Что мы потеряли истребители из-за врага, которого даже не видим? Считаете, это бы их приободрило? Им нужен объект для ненависти. Хотите правды о войне? Правда в том, что мы противостоям бесчисленным зеленокожим. Ради морального духа нам нужно обозначать особые цели. Потом мы радостно кричим, что Пламеносец повержен. Победа! Празднуем их гибель, делая вид, будто в небо вскоре не поднимется еще дюжина орочьих истребителей, каждый из которых стремится прославиться еще сильнее. Это никогда не кончится, и ни один отдельно взятый пилот в реальности никоим образом ничего не меняет.
- Включая вас?
- О нет, это другое дело. Командир звена Люсиль фон Шард способна единолично освободить планету, имея две поисково-ударных ракеты и полбака прометия.
- Ясно. А она всегда отзывается о себе в третьем лице?
- Когда находит настроение, - ответила Шард. - А теперь притихните, мне надо сконцентрироваться на задании.

Продолжать разговор она не собиралась, поэтому я решил сосредоточиться на собственном проекте и записывать наш полет. Однако первоначальное возбуждение угасало. Кроме подъема и краткой вылазки в космос мало что стоило снимать. Под нами шли «Громы», но они продолжали держать построение, и хватило одного пикта с ними. Мы находились настолько высоко, что даже сенсорам Мизара земля представлялась дымкой.

Где-то через час я совершил ошибку и поднял этот вопрос.

- Есть ли возможность ненадолго полететь пониже? - сказал я. - С такой высоты мало что можно снять.

Шард застыла. Она перекинула несколько переключателей, запуская системы автопилота, а потом полностью развернулась на кресле и отстегнула забрало, чтобы смотреть мне прямо в глаза.

- Спуститься? - переспросила она.

- Я просто имел в виду...

- Вы понимаете, как работают бомбардировщики? - поинтересовалась Шард. - Основной принцип в том, что ты летишь очень высоко и сбрасываешь бомбы на вещи далеко внизу. Вы понимаете?

- Разумеется. Я лишь...

- Вы уверены? - не отставала она, подняв кисть на уровень глаз и передвигая ее так, словно это был самолет. - Вот, видите, моя рука? Это мы летим.

Ее пальцы закачались туда-сюда, а она тем временем сопровождала это звуковыми эффектами. Мне хватило ума не перебивать и не продлевать свои страдания.

- Бомбы выходят здесь, - сказала она, показав пуск зарядов при помощи другой руки. - Как только мы начинаем их сбрасывать, зеленокожие имеют обыкновение это замечать. Они стреляют в ответ или поднимают собственные машины. Наша лучшая защита состоит в сохранении высоты и надежде на то, что их двигатели встанут, прежде чем они до нас доберутся.

- Но... мы вооружены и бронированы. Наверняка ведь...

- Мы медленные и тяжелые, - ответила Шард. - Истребители «Гром» выполняют свой долг, но если орк прорвется, вам лучше надеяться, что броня выдержит, потому что мы несем около двух тысяч килограмм высокомогущей взрывчатки. Если их хотя бы зацепят, нам конец. И вот по этой-то причине мы держимся как можно выше, как минимум, пока не заметим цель.

- И что у нас за цель?

- Это засекречено. - Она улыбнулась и отвернулась.

Покачивая головой, я синхронизовался с Мизаром и стал озирать безликую пустоту внизу. По сравнению с ней холодный вакуум космоса положительно смотрелся привлекательнее. Там хотя бы можно было наслаждаться звездами.

Не могу сказать, как долго мы летели, поскольку, боюсь, задремал, убаюканный теплом кабины и гудением двигателей. Это не был полноценный сон, так как он почти невозможен при синхронизации с черепом-наблюдателем, однако резкие разрывы в материале указывают, что я не уделял должного внимания. Меня продолжали посещать вспышки ошметков информации, вытащенных из глубинного хранилища Мизара: пузырящиеся болота и зеленые молнии, образы которых сливались с кабиной и машинами вокруг. Я слышал, как Шард, понизив, голос, бормочет в вокс. Всех слов уловить не удавалось - что-то насчет неконструктивного груза.

Внезапно самолет накренился вбок, и моя голова ударилась о подголовник. Моргая, я поднял глаза и обнаружил, что Шард смотрит на меня.

- О, хорошо, вы снова проснулись, - насмешливо улыбнулась она. - Приятные сны?

- Я просто каталогизировал кое-какие файлы Мизара.
- Это объясняет храп. Нашли что-то полезное?
- Полезное?
- В вашей черепашке? Она видела что-нибудь интересное?
- Почему вас это заботит?

Она пожала плечами.

- Мне скучно. Просто пытаюсь скоротать время.
- Я думал, вы достаточно заняты подготовкой к заданию.
- Да. - Она вздохнула. - Ну, между нами, когда я говорю «засекречено», то имею в виду, что мы проводим динамическое тактическое противодействие с ограниченными обзорными возможностями.
- Вы летите вслепую и надеетесь найти стоящую цель?
- Я и не знала, что вы обладаете таким пониманием военной терминологии. Да, мы летим по вражеской территории в надежде обнаружить что-нибудь, что стоит уничтожить. Вам покажется, что это легко, но проклятые зеленокожие научились лучше прятаться. Раньше они выскакивали из укрытия, когда мы пролетали наверху, и палили из этих своих маленьких пушек, не заботясь о том, что мы далеко за пределами досягаемости. Так их было просто отстреливать.
- Что изменилось?
- Они построили самолеты. И открыли для себя тактику. А еще скрытность.
- Вроде убежищ? Признаться, не могу представить орка, затаившегося в кустах.
- Вы не поверите, - произнесла она. - Это не первая моя война против них. Большинство предпочитает прямой подход к насилию, но всегда найдется несколько ценителей хитрого приема всадить кому-нибудь нож в спину.
- Вы считаете, орки где-то прячутся?
- На ваших черепах классные сенсоры и сканеры. Вы мне и скажите.

Это было не совсем приказом. Но и юмора в ее голосе тоже не было.

И в словах Шард присутствовал смысл. Я синхронизовался с Мизаром и выяснил, что местность существенно изменилась. Мы все еще летели над болотом, хотя теперь оно стало более ржаво-бурым. Однако вода едва просматривалась, обзор заслоняла переплетенная масса свилевых лиан, чья колышущаяся растительность формировала пики и долины. Было невозможно сказать, что могло скрываться под этим пологом, если предположить, будто оно сумело существовать среди колючих лоз.

Пока объективы Мизара пытались преодолеть шипастую преграду, до меня дошла бесплодность нашего задания. Те драгоценные ресурсы, о которых упоминала Шард - часы личного состава, топливо, стратегические запасы - все расходовалось на нечто, сводившееся к разведке боем.

- Это безнадежно, - произнес я. - Как вы что-то замечаете сквозь эти лианы?

- Иногда мы используем «Гром», чтобы их выманить, - сказала она. - Он резко и низко пикирует, словно ему грозит крушение. Они не могут удержаться и толпой выбегают стрелять наугад. Их пушки кусаются, пускай даже они ни черта не умеют целиться. Тем не менее, двенадцатиствольные орудия довольно снисходительны в этом отношении.

- Не могу представить, чтобы это поручение пользовалось популярностью.

- Все нормально, если ты достаточно шустрый. Фокус в том, чтобы снижаться быстро. Они редко привычны к ускорению и продолжают палить туда, где ты был, а не предугадывают, где ты можешь оказаться. Но стоит им открыть огонь, как бомбардировщики получают цель. И все же это малость похоже на попытку убивать ос молотком. Можно махнуть им через пару кустов и раздавить нескольких. Но порой попадаешь в гнездо, и тогда у тебя проблема.

- Вы поэтому не используете эту стратегию?

- Нет. Она перестала работать, как только они научились летать.

Она немного помолчала. Но я снова не стал давить.

- Интересно, не были ли мы их учителями, пусть и ненамеренно, - продолжила она наконец. - У них не было других способов по-настоящему вступить в бой. Если бы этот мир состоял из камня или стали, они могли бы построить танки и транспорты вместо захвата небес. Какое-то время у нас был численный перевес, а также превосходство в технике. Но первое мы уже давно потеряли, а второе теперь спорно. Нам редко удается пробиться так далеко, да и то лишь потому, что сейчас другие эскадрильи отвлекают внимание орков где-то в ином месте. Мы уже несколько месяцев их не прореживали. Насколько нам известно, в глубине топей наплодилось еще тысячи. Кто знает, что они затевали?

- Значит, в этом наше настоящее задание?

- Было бы, сумей мы их найти. Но наши ауспики здесь почти бесполезны из-за энергии окружающей среды болота. Полагаю, у вас возникли те же проблемы.

Возникли, конечно. Даже сейчас Мизар напрягался до предела, пытаясь пронзить полог свилевых лиан, и не мог распознать отдельные жизненные показатели в гнилостных водах. Поддавшись порыву, я прошелся по электромагнитному спектру. Трясина то искрилась, то делалась темной, как гробница.

Что-то сверкнуло.

Это было чуть поодаль сбоку от нас. Нездоровая пульсация энергии, которая мерцала, словно огонек свечи.

- Там... я что-то вижу, - прошептал я.

- Что это?

- Я не уверен, - ответил я, щурясь на колеблющийся свет. На него было неприятно смотреть, будто в глазу застряла песчинка.

- Оно под нами?

- Нет. На некотором расстоянии.

- В какую сторону?

- Вон туда, - произнес я, указывая примерно в нужном направлении. При этом я почувствовал, как бомбардировщик шевельнулся. Шард что-то пробормотала в вокс.

- Теперь оно перед нами?

- Я полагаю.

- Не полагайте, - ощерилась она. - Вы сидите в кресле штурмана. Работайте лучше, Трона ради.

Я испуганно вздрогнул. Ее голос звучал жестко, с доселе незнакомой мне ноткой. Шард немедленно развернулась к консоли, щелкая переключателями и проводя приготовления. Я кое-как различал фоновые переговоры по воксу: машины координировали свои позиции.

- Подправьте на пять градусов левее, - сказал я.

Она повиновалась, и посредством Мизара я увидел, что наш эскорт поступил так же. Похоже, построение менялось: «Громы» расходились под нами и набирали скорость.

- Насколько мы далеко от него?

- Я... я не знаю, как оценивать дистанцию с такой высоты.

- Есть что-нибудь на местности?

- Видите тот горб из лиан? Гору с отрогками, похожими на опухоли? - произнес я, указывая на монитор.

- То, что я вижу, находится в ее тени, на ближайшей к нам стороне.

- Можете сказать мне еще что-нибудь? - спросила Шард. - Видите другие огни?

- Нет.

- Насколько он большой?

- Я... я вообще не могу его описать в таких категориях. Источник может быть размером со свечу, но свет ослепляет.

Я думал, что этот ответ может вызвать у Шард раздражение, но она лишь кивнула, а затем задала последний вопрос:

- Оно стабильно?

- Нет. Оно мерцает и колеблется, оттуда изливается энергия. Этот самолет защищен от радиации?

- Да. Насколько это имеет значение, - отозвалась она, устремив взгляд вперед.

Снова оживленно заработал вокс. Большая часть общения была для меня бессмыслицей. Однако Шард отвечала каждой группе, называя их по именам и желая всем удачи.

Мне это не показалось ободряющим, равно как и не понравилось то, что командир звена Ноктер прошептал молитву Богу-Императору.

Свет приближался. Я не хотел на него смотреть и перевел глаза на самолеты вокруг - бомбардировщики «Мародер» и истребители «Гром». Один отделился и практически упал с неба. Полыхая двигателями, он снижался к прежде далекому свету. Я не мог придумать, зачем, пока не вспомнил рассказ Шард об

отправке одиночного «Грома» в качестве приманки для орудий.

В это время свет разгорелся.

- Что-то происходит, - сказал я, но предостережение запоздало. Из подлеска вырвалось множество лучей энергии. Они бешено закачались в воздухе, как будто наугад, пока один не озарил спускавшийся «Гром». В тот же миг машину сдернуло с неба, и она камнем рухнула вниз.

Я не увидел, куда она упала, поскольку небо уже заполнилось пулями и взрывами.

1. Название субсектора является очевидной отсылкой на фамилию главного героя романа Д. Хеллера "Уловка 22".
2. Mendax matertera - "Лживая тетка" (по матери).
3. Триангуляция - определение местонахождения объекта по его положению относительно трех известных точек
4. Суаре - архаичное название званого ужина
5. Вымышленное животное, название вероятно отсылает к raptor - хищная птица
6. Диатриба — исторически жанр античной литературы, выросший из публичной философской проповеди киников и стоиков, обращенной к простому народу и литературно обработанной Бионом, Телетом, Мениппом и другими писателями-проповедниками. В данном случае слово употребляется в общем смысле - обличительная речь.

Источник — [https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Неправный_бой / _Outgunned_\(роман\)&oldid=21322](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Неправный_бой / _Outgunned_(роман)&oldid=21322)

Эта страница в последний раз была отредактирована 26 сентября 2022 в 18:46.